

CONTENTS

PHRASEOLOGICAL REALIZATION OF THE COMIC IN NATIONAL IMAGES (BASED ON THE RUSSIAN AND BULGARIAN LANGUAGES)	
	Georgieva Stefka Ivanova 11
DISCURSIVE POTENTIAL OF PARATEXTUAL ELEMENTS OF DRAMA (BASED ON RUSSIAN PLAYS OF THE LATE 20TH CENTURY)	
	Golovaneva Marina Anatolievna 25
ANTROPNYM TRANSFORMATION IN THE LINGUISTIC ASPECT	
	Ivanova Lyudmila Petrovna 41
ALLEGORICAL IMAGES OF M. Y. LERMONTOV: TO THE THEME OF THE WEST AND THE EAST IN THE LYRICAL WORKS OF THE POET	
	Koshemchuk Tatiana Alexandrovna 57
WORKS OF I. BUNIN IN THE ASSESSMENT OF YU. AIKHENVAL'D	
	Kravchenko Oksana Anatolievna / Sadeghi Sahlabad Zeinab 77
THE IMAGE OF THE EAST IN THE EMBASSY DISCOURSE (INTRODUCTION TO THE TOPIC)	
	Maltseva Tatiana Vladimirovna 97
PECULIARITIES OF CONCEPTUALIZATION OF ART IN L.N.TOLSTOY'S PUBLICIST WRITING	
	Tokarev Grigoriy Valeriyevich / Yahyapour Marzieh 119
VALUE CONTENT OF THE COMPLEX OF MOTIVES OF DAWN AND DUSK IN YA. POLONSKY'S LYRICS	
	Fedoseeva Tatiana Vasilyevna 135
CONVENTIONAL CYCLE STRUCTURES IN THE PRESENT_DAY RUSSIAN LEXICON	
	Kharitonchik Zinaida Andreevna 157
REFLECTION OF CHRISTIAN IDEAS IN THE WORK OF VASILY SHUKSHIN	
	Lorenc Irina Stanistavovna 177
CONDUCTING AND ANALYZING THE DATA OF AN ASSOCIATIVE EXPERIMENT IN LINGUISTIC RESEARCH	
	Arekeeva Iuliia Yevgenyevna 193
SYMBOLIC SIGNIFICANCE OF THE IMAGE OF TREE IN OLD IRANIAN AND SLAVIC MYTHOLOGICAL SYSTEMS	
	Ghodrati Asghar / Novikova Ul'jana V. 207
COMPARISON OF PRECEDENT PHENOMENA AS A MEANS OF TRANSMITTING CULTURAL INFORMATION IN LITERARY TEXTS OF SOVIET AND AMERICAN LITERATURE	
	Turchaninova Nataliia Yuriivna 225

Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury

Scientific journal

Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury

Iranian Association of Russian Language and Literature

The journal is published twice a year, supported by
Iranian Association of Russian Language and Literature

Managing Editor: Janolah Karimi-Motahhar

Editor-in-Chief: Marzieh Yahyapour

Executive Secretary: M. Mohammad Beygi

Scientific Editor: S.V. Shustova

Editorial Board:

Ahmadi Mireyla, Associate Professor of the Russian Language Department, Tarbiat Modarres University (Tehran, Iran)

Akhmetshin R.B., Associate Professor of the Department of the History of Russian Literature, Moscow State University (Moscow, Russia)

Gholami Hossein, Professor of the Department of Russian Language and Literature, University of Tehran (Tehran, Iran)

Golovin V.V., Doctor of Philology, Professor, Director of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia)

Yerofeva T.I., Doctor of Philology, Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Perm State National Research University (Perm, Russia)

Zavyalova E.E., Doctor of Philology, Professor of the Department of Literature, Faculty of Philology and Journalism, Astrakhan State University (Astrakhan, Russia)

Kazieva A.M., Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature of the Pyatigorsk Linguistic University (Pyatigorsk, Russia)

Karimi-Motahhar Janolah, Professor of the Department of Russian Language and Literature, University of Tehran (Tehran, Iran)

Kotelnikov V.A., Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Department of New Russian Literature (St. Petersburg, Russia)

Mohammadi Mohammad-Reza, Associate Professor of the Russian Language Department, Tarbiat Modarres University (Tehran, Iran)

Shustova S.V., Doctor of Philology, Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Perm State National Research University (Perm, Russia)

Yahyapour Marzieh, Professor of the Department of Russian Language and Literature, University of Tehran (Tehran, Iran)

It was founded in 2013.

ISSN 2345-2498

e-ISSN 2476-3500

Tehran - Iran

<http://www.journaliarll.ir>

International Editorial Board:

Aloe Stefano, Doctor of Philology, Professor of Russian literature and Slavic Studies, Department of Foreign Languages and Literatures, University of Verona (Verona, Italy)

Broda Marian, Doctor of Humanities sciences, Professor of European's explore, University of Lodz (Lodz, Poland)

Vidmarovich Natalia Petrovna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language Division of the East Slavic Languages and Literatures Faculty of Philosophy, University of Zagreb (Zagreb, Croatia)

Koshemchuk Tatiana Alexandrovna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguistics and Intercultural Communication, St. Petersburg Agrarian University (Saint-Petersburg, Russia)

Lepakhin Valery Vladimirovich, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Philology of the University of Szeged (Szeged, Hungary)

Liutskanov Yordan Dimitrov, Doctor of Russian literature, associate professor of the Institute for Literature, Bulgarian Academy of Sciences (Sofia, Bulgaria)

Melville Firuza Abdullaeva, Doctor of Philology, Director of the research center of Iranian studies, Faculty of Asian and Middle Eastern Studies, University of Cambridge (Cambridge, UK)

Modebadze Irine Igorevna, Doctor of Philology, Senior Researcher, Department of Theory of Literature and Comparative Literature, Shota Rustaveli Institute Of Georgian Literature (Tbilisi, Georgia)

Molnar Angelika, Ph.D. in Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature, University of West Hungary (Szombathely, Hungary)

Motorin Alexander Vasilievich, Doctor of Philological Sciences, Professor, The Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia).

Nazibekova Mehrinissa, Doctor of Philology, Professor of Faculty of Russian language and literature, Tajik National University (Dushanbe, Tajikistan)

Nike Michelle, Ph.D., Professor at the University of Caen-Normandy (Caen-Normandy, France)

Sawada Kazuhiko, Doctor of Philology, Professor of Faculty of Humanities, Saitama University (Saitama, Japan)

Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury

"Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury" is published in Iran with the aim of publishing original research on the Russian language and literature. The content of the article should correspond to the subject of the journal. Articles prepared in the following fields are accepted: general linguistics, comparative and comparative linguistics, socio- and psycholinguistics, functional grammar, literature, comparative literary criticism, linguodidactics, and translation studies.

Requirements for the article:

- The forwarded articles should be the results of research by the author(s) of the article.
- The language of the journal is Russian.
- The forwarded articles should not be sent for other journals simultaneously, or it should not be published in other journal.
- Materials forwarded to the editorial office can not be returned.
- Article structure: title, abstract (120-140 words), keywords (5-7 words), introduction, main text, conclusion and list of used literature (in Russian and English). The main text should not be less than 3000 and more than 4000 words.
- At the beginning of the article: full title of the article, name and surname, place of work, academic degree, rank, e-mail address, telephone of the author(s).
- Information about quoted sources in the text of the article have to given in parentheses, including the author's surname, year of publication of the source and page numbers (Ivanov 2013. 92).
- Bibliographic references contain the mandatory elements of the description in the strict sequence in alphabetical order of the author's surnames as follows:
- **Book:** surname, date of publication (in parentheses), *title of main and non-main work (italics are typed)*, place of publication, publishing house.
- **Article:** surname, name, date of publication (in parentheses), title of article, *title of journal or collection of articles (italics)*, year and magazine number, place of publication and publishing house for the first and last pages of the article.
- **Internet sources:** surname, name, title of the work, full address of the Internet (site), date of circulation.
- Materials are provided in the following form: in the Word editor 1997-2003; font "Times New Roman"; the main text is size 14; interval 1.5; upper and lower margins -2.5 cm; left field -3 cm, right field -1.5 cm; indent (paragraph) -1.25 cm.
- You can send the article to the email address of the editor in chief:
myahya@ut.ac.ir, journaliar11@gmail.com

Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного!

СОДЕРЖАНИЕ

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ КОМИЧЕСКОГО В НАЦИОНАЛЬНЫХ ОБРАЗАХ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКОВ)	
Георгиева Стефка Иванова	11
ДИСКУРСИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПАРАТЕКСТУАЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ДРАМЫ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ПЬЕС КОНЦА XX ВЕКА)	
Голованева Марина Анатольевна	25
ТРАНСОНИМИЗАЦИЯ АНТРОПОНИМА В ЛИНГВОИМАГОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ	
Иванова Людмила Петровна	41
ИНОСКАЗАТЕЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА: К ТЕМЕ ЗАПАДА И ВОСТОКА В СТИХАХ ПОЭТА	
Кошемчук Татьяна Александровна	57
ТВОРЧЕСТВО И. БУНИНА В ОЦЕНКЕ Ю. АЙХЕНВАЛЬДА	
Кравченко Оксана Анатольевна / Садеги Сахлабад Зейнаб	77
ОБРАЗ ВОСТОКА В ПОСОЛЬСКОМ ДИСКУРСЕ (ВВЕДЕНИЕ В ТЕМУ)	
Мальцева Татьяна Владимировна	97
ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ИСКУССТВА В ПУБЛИЦИСТИКЕ Л. Н. ТОЛСТОГО	
Токарев Григорий Валериевич / Яхьяпур Марзие	119
ЦЕННОСТНОЕ НАПОЛНЕНИЕ МОТИВНОГО КОМПЛЕКСА ЗАРИ В ЛИРИКЕ Я. П. ПОЛОНСКОГО	
Федосеева Татьяна Васильевна	135
КОНВЕНЦИОНАЛЬНЫЕ ЦИКЛИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ В ЛЕКСИКЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА	
Харитончик Зинаида Андреевна	157
ОТРАЖЕНИЕ ХРИСТИАНСКИХ ИДЕЙ В ТВОРЧЕСТВЕ ВАСИЛИЯ ШУКШИНА	
Лоренц Ирина Станиславовна	177
ПРОВЕДЕНИЕ И АНАЛИЗ ДАННЫХ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ	
Арекеева Юлия Евгеньевна	193
СИМВОЛИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ОБРАЗА ДЕРЕВА В ДРЕВНЕИРАНСКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ МИФОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ	
Годрати Асгар / Новикова Ульяна Викторовна	207
СОПОСТАВЛЕНИЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ КАК СРЕДСТВ ПЕРЕДАЧИ КУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ СОВЕТСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУР	
Турчанинова Наталия Юрьевна	225

Исследовательский Журнал Русского Языка и Литературы

Научный журнал
Исследовательский журнал русского языка и литературы

Иранская ассоциация русского языка и литературы
Журнал выходит 2 раза в год при поддержке
Иранской ассоциации русского языка и литературы

Ответственный редактор:

Дж. Карими-Мотаххар

Главный редактор:

Марзие Яхьяпур

Ответственный секретарь:

М. Мухаммадбегии

Научный редактор:

С.В. Шустова

Редакционная коллегия:

Ахмади Мирейла, доцент кафедры русского языка, Университет тарбият модаррес (Тегеран, Иран)

Ахметшин Р.Б., доцент кафедры истории русской литературы, Московский государственный университет (Москва, Россия)

Голами Хосейн, профессор кафедры русского языка и литературы, Тегеранский университет (Тегеран, Иран)

Головин В.В., доктор филологических наук, профессор, директор Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской Академии наук (Санкт-Петербург, Россия)

Ерофеева Т.И., доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания, ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» (Пермь, Россия)

Завьялова Е.Е., доктор филологических наук, профессор кафедры литературы факультета филологии и журналистики ФГБОУ ВПО «Астраханский государственный университет» (Астрахань, Россия)

Казиева А.М., доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной и зарубежной литературы ФГБОУ ВПО «Пятигорский лингвистический университет» (Пятигорск, Россия)

Карими-Мотаххар Джанолах, профессор кафедры русского языка и литературы, Тегеранский университет (Тегеран, Иран)

Котельников В.А., доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской Академии наук, Отдел новой русской литературы (Санкт-Петербург, Россия)

Мохаммади Мохаммад-Реза, доцент кафедры русского языка, Университет тарбият модаррес (Тегеран, Иран)

Шустова С.В., доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания, ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» (Пермь, Россия)

Яхьяпур Марзие, профессор кафедры русского языка и литературы, Тегеранский университет (Тегеран, Иран)

Основан в 2013 году.

ISSN печатной версии 2345-2498

ISSN электронной версии 2476-3500

Тегеран - Иран

<http://www.journaliarll.ir>

Международный редакционный совет:

Алоэ Стефано, доктор филологических наук, профессор русской литературы и славяноведения, департамент иностранных языков и литератур, Университет г. Вероны (Верона, Италия)

Брода Мариан, доктор гуманитарных наук, профессор кафедры европейских исследований, Лодзинский университет (Лодзь, Польша).

Видмарович Наталия Петровна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Отделения восточнославянских языков и литератур Философского факультета Загребского университета (Загреб, Хорватия)

Кошемчук Татьяна Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Санкт-Петербургский аграрный университет (Санкт-Петербург, Россия).

Лепяхин Валерий Владимирович, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии Сегедского университета (Сегед, Венгрия).

Люцканов Йордан Димитров, доктор русской литературы, доцент Института литературы Болгарской академии наук (София, Болгария).

Мелвилл Фирюза Ибодуллаевна, доктор филологии, Директор Центра Иранистических исследований, Пемброк Колледж, Кембриджский университет (Кембридж, Великобритания).

Модебадзе Иринэ Игоревна, доктор филологии, старший научный сотрудник Отдела теории литературы и компаративистики, Институт грузинской литературы им. Шота Руставели (Тбилиси, Грузия)

Молнар Ангелика, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Западновенгерский Университет (Сомбатхей, Венгрия)

Моторин Александр Васильевич, доктор филологических наук, профессор, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород, Россия).

Нагзибекова Мехриниссо – доктор филологических наук, профессор, Таджикский национальный университет (Душанбе, Таджикистан)

Никё Мишель, доктор филологических наук, профессор Университета Кана-Нормандии (Кан-Нормандия, Франция)

Савада Кадзухико, доктор филологических наук, профессор гуманитарного факультета, Государственный университет Сайтама (Сайтама, Япония)

Исследовательский Журнал Русского Языка и Литературы

"Исследовательский журнал русского языка и литературы" издается в Иране с целью публикации оригинальных исследований, посвященных русскому языку и литературе. Содержание статьи должно соответствовать тематике журнала. Принимаются статьи, подготовленные в следующих областях: общее языкознание, сравнительное и сопоставительное языкознание, социо- и психолингвистика, функциональная грамматика, литература, сравнительное литературоведение, лингводидактика, переводоведение.

Требования к оформлению статьи:

- Присланные статьи должны быть результатами исследований автора (авторов) статьи.
- Язык журнала – русский.
- К изданию принимаются статьи, ранее нигде не публиковавшиеся.
- Поступившие в редакцию материалы возврату не подлежат.
- Структура статьи: название, аннотация (120-140 слов), ключевые слова (5-7 слов), введение, основной текст, заключение и список использованной литературы (на русском и английском языках). Основной текст не должен быть менее 3000 и более 4000 слов.
- В начале статьи помещаются: полное название статьи, имя и фамилия, место работы, ученая степень, звание, адрес электронной почты, телефон автора (авторов).
- Сведения о цитируемых источниках в тексте статьи приводятся в скобках, включая фамилию автора, год издания источника и номера страниц (Иванов 2013. 92).
- В библиографических ссылках приводятся обязательные элементы описания в строгой последовательности по алфавитному порядку фамилий авторов нижеследующим образом:
Книга: фамилия, дата издания (в скобках), название основного и неглавного произведения (набираются курсивом), место издания, издательство.
Статья: фамилия, имя, дата издания (в скобках), название статьи, название журнала или сборника статей (набираются курсивом), год и номер журнала, место издания и издательства для сборника статей первая и последняя страницы статьи.
Интернет-источники: фамилия, имя, название произведения, полный адрес интернета (сайта), дата обращения.
- Материалы предоставляются в следующем виде: в редакторе Word 1997–2003; шрифт “Times New Roman”; основной текст – кегль 14; интервал 1,5; верхнее и нижнее поля –2,5 см; левое поле –3 см, правое поле –1,5 см; отступ (абзац) – 1,25 см.
- Вы направляете статью на электронный адрес главного редактора: myahya@ut.ac.ir, journaliarll@gmail.com

SID

"Лицензионный договор с ООО НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА от 26 января 2016 г. № 18-01/2016 на размещение журнала в РИНЦ."

http://elibrary.ru/title_about.asp?id=56226

"License agreement with LLC SCIENTIFIC ELECTRONIC LIBRARY of January 26, 2016 No. 18-01 / 2016 for the publication of the journal in the RINC."

http://elibrary.ru/title_about.asp?id=56226

PHRASEOLOGICAL REALIZATION OF THE COMIC IN NATIONAL IMAGES (BASED ON THE RUSSIAN AND BULGARIAN LANGUAGES)

Georgieva Stefka Ivanova^{1*}

Professor The Paisius of Hilendar,
University in Plovdiv,
Plovdiv, Bulgaria.

(date of receiving: August, 2022; date of acceptance: September, 2022)

Abstract

The article analyses the specifics of the image of the comic for different peoples. It is associated with the view of the world by different ethnic groups. The analysis of the national features of the comic is connected with social issues. In humour, the national character is manifested, reflecting the historical experience of the people. The socio-historical, moral and aesthetic assessment of the people and the life phenomena are preserved in the figurative basis of phraseological units, and traits of the national character are manifested in them. The assessment can be associated with the appearance of a person, with their gestures, with traits of their character and with mental abilities, with objects and phenomena of the surrounding reality, etc. Observations on phraseological units of this group led to the following conclusions: 1. Most phraseological units coincide in the Russian and the Bulgarian languages at the level of the expressed idea but differ in the figurative basis. 2. The figurative basis of the Bulgarian expressions is almost always very specific. The Russian ones are more generalized. Therefore, the translation of phraseological units of this group requires a word-for-word transfer of the figurative basis in order to better semantise and use them correctly.

Keywords: Phraseological Unit (PU), Humour, National Specifics, Ethnos, Comic Situation.

1. E-mail: stefka3@abv.bg; ORCID ID: 0000-0002-0053-3099

* Corresponding author

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ КОМИЧЕСКОГО В НАЦИОНАЛЬНЫХ ОБРАЗАХ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКОВ)

Георгиева Стефка Иванова^{1*}

Профессор, Пловдивский университет им.
Паисия Хилендарского,
Пловдив, Болгария.

(дата получения: август 2022г.; дата принятия: сентябрь 2022г.)

Аннотация

В статье анализируется специфика образа комического разных народов, связанная с видением мира разными этносами. Разбор национальных особенностей комического связан с социальными вопросами. В юморе проявляется национальный характер, отражающий исторический опыт народа. В образной основе ФЕ сохранились социально-историческая, моральная и эстетическая оценка людей и явлений жизни, в них проявляются национальные черты характера. Оценка может быть связана с внешним видом человека, с его жестами, с чертами характера и психическими способностями, с объектами и явлениями окружающей действительности и др. Наблюдения над фразеологизмами данной группы позволили сделать следующие выводы: 1. Большинство ФЕ совпадают в русском и болгарском языках на уровне выражаемой идеи, но различаются в образной основе; 2. Образная основа болгарских выражений почти всегда очень конкретна, а русских – более обобщенно и поэтому перевод фразеологизмов данной группы требует пословной передачи образной основы в целях лучшей семантизации и их правильного употребления.

Ключевые слова: фразеологическая единица (ФЕ), юмор, национальная специфика, этнос, комическая ситуация.

Введение

Юмор – средство оценки поступков, одна из форм общения, и потому он несет социальную функцию. Назначение юмора – постоянной угрозой нависать над человеком, корректируя его социальное поведение. Поэтому смеются над пороками, промахами, просчетами и ошибками, а случается и над добродетелями.

Разбор национальных особенностей юмора неизбежно сталкивает исследователя с социальными вопросами. В юморе проявляется национальный колорит, отражающий быт и национальный опыт народа. Однако и характер меняется при перемене социальных условий.

Фразеология синтезирует в себе огромную этнокультурную информацию, которая дает возможность поколениям прикоснуться к психологии народа, к его душевности. Фразеологизмы, детерминированные юмором очень своеобразны. Их образная основа иллюстрирует видение конкретного народа на мир.

Основная часть

Большой интерес вызывают фразеологические единицы, в которых сохранились социально-историческая, моральная и эстетическая оценка людей к явлениям жизни. Они тесно связаны и с ситуацией, в которой употребляются. Фразеологизмы имеют ярко выраженную эмоционально-оценочную окрашенность, благодаря которой говорящий или пишущий выражают свое отношение к предмету речи. Окрашенность рассматриваемых единиц обусловлена характером образа, на котором они построены. Большое число иронических фразеологизмов в обоих языках выражают своеобразие национальных характеров конкретных народов. Жизнеутверждающая сила народного духа в его борьбе против всего морально уязвимо, дурного в поведении человека нашла отражение в ряду фразеологизмов, детерминированных юмором.

Фразеологизмы, связанные с юмором, относятся к фразеологизмам поведения. В устойчивых единицах комическое присутствует как эксплицитно, так и имплицитно. По мнению А. Бергсона “Не существует комическое вне собственно человеческого” (Бергсон 1992. 11). А в центре фразеологии – человек со своими особенностями, взаимоотношениями, слабостями. Фразеологические единицы (ФЕ), детерминированные юмором, представляют интерес как с точки зрения языка, так и с точки зрения закодированной в них внеязыковой информации.

“Наш смех – это всегда смех той или иной группы... Один человек, которого спросили, почему он не плакал, слушая проповедь, на которой все проливали слезы, ответил: “Я не этого прихода”. Взгляд этого человека на слезы еще более применим к смеху. Как бы ни был смех искренен, он всегда таит в себе мысль о соглашении, я сказал бы даже – (пишет Бергсон) почти о заговоре с другими смеющимися лицами, действительными или воображаемыми” (Там же. 13).

“Смех в языческом обществе имел сакральную символику, это своеобразный магический жест” (Маковский 1996. 300). В христианской культуре смеются смерть, дьявол и прочая нечисть, отсюда фразеологизм *дьявольский смех*. Христос, его апостолы и святые никогда не смеются. Запрет на смех встречается и в славянском фольклоре – в тех русских сказках, где живой проникает в царство мертвых: сказки о Бабе-Яге, где героя предупреждают: “Придешь в избушку – не смейся” (Пропп 1946. 181; Маслова 1997. 114).

Разбор национальных особенностей юмора неизбежно сталкивает исследователя с социальными вопросами. “Чтобы понять смех, его необходимо перенести в его естественную среду, каковой является общество... Смех должен отвечать известным требованиям совместной жизни людей.

Смех должен иметь общественное значение” (Бергсон 1992. 14). По мнению А. Н. Лука, характер юмора меняется при перемене социальных условий. Однако процесс этот длительный, и присущие данному народу традиции могут сравнительно долго сохраняться в его юмористике (Лук 1977. 50).

Фразеологизмы данной группы связаны с оценкой, а практически все оценки относительны, так как они зависят от эмпатии. Изначально оценки во ФЕ связаны с образностью и хотя смех несет мифологическую нагрузку, то большинство образов связано не с этой функцией, а с жизнью, бытом, и это скорее всего эмотивные оценки.

Во ФЕ гораздо объемнее само “информационное поле за счет взаимодействия денотативной и тропеической “баз” и несколькословности, обеспечивающей ситуативность” (Телия 1996. 178). Например, в выражениях: *Он поет фальшиво* и *У него медведь на ухо наступил* содержится одна и та же оценка “плохо”, но с той разницей, что эмоциональная оценка во фразеологизме “пропитана” образностью. Именно в образе и содержится юмор.

Оценка может быть связана с внешним видом человека, с его жестами, с чертами характера и психическими способностями, с объектами и явлениями окружающей действительности и др.

1. **Внешний вид человека:** р. *(Идет) как корове седло, (Сидеть) как на вешалке, Пугало огородное, Чучело гороховое* и б. *(Отива му) като на келева глава чемширен гребен, (Отива му) като на комар ботуши, (Отива му) като на свинче звънче, (Стои ми) като на закачалка, Бостанско плашило* и др. со значением “кто-то выглядит плохо или плохо одет”. Осмеиванию подвергаются вес, рост, возраст, манера одеваться и т.п. Такие выражения встречаются во всех языках, а национальная специфика в них проявляется скорее всего в их компонентном составе. Например: р. *Аришин с шапкой, От горшка два вершка, Коломенская верста* и б. *Две педи човек, Педя човек,*

лакет брада. По мнению А. Бергсона, “Смешным может быть всякое уродство, которое изобразит правильно сложенный человек” (Бергсон 1992. 22).

“**Позы, жесты и движения** человеческого тела смешны постольку, поскольку это тело вызывает в нас представление о простом механизме” (Там же. 26)”. Например: р. *Вожжа под хвост попала, Приделать ноги и б. Прихванали са го дяволите, Каква муха го е ухапала, Лява ръка десен джоб, Носи се като народна песен* и т.п. Модель комичного здесь может проявляться в **переряживании**: р. *На брюхе шелк, а в брюхе щелк и б. На гол тумбак чифте пищови, Накичена като панаирска барака* и др.; в **преувеличении**: р. *Заблудиться в трех соснах и б. Оплете се като пиле в кълчица* и др.

2. **Черты характера и психические способности людей.** Во фразеологических образах объектом насмешки является отношение к труду, безделию (р. *Бить баклуши, Гонять лодыря, Руки в брюки, Слоны слонять* и др. и б. *Бая си за бълхи, Клатья си краката, Ходя на ален фес* и т.п.), к привычкам спать (р. *Давить медведя, /Храпеть/ во все носовые завертки* и б. *Спи като пор, Хъркам като заклан, Хъркам та къщата се клати* и др.), осмеивается способность (р. *Собаку съест /в чем, на / - неспособность человека* (р. *Мастер – ломастер, Дырявые руки /у кого/, Ни в дудочку, ни в сопелочку* и др. и б. *Майстор Гиго, Вързан в ръцете* и др.), ум – глупость (р. */У кого-то/ не голова, а дом Советов, Шарика крутят /у кого/* и б. *Акъл – море, Ум – бръснач, Сече /му/ типето*; р. *Олух царя небесного, Голова еловая, Голова садовая* и б. *На хилядата половината мисля колко е, Акъл на буци, Лапни шаран* и др.), разные странности людей (р. *С приветом /кто/, Бедный Макар* и б. *Бръмбари му бръмчат в главата, Марко Тотев* и др.), бедность - богатство (р. *Авансы поют романсы, Шиш в кармане /у кого/* и б. *Беден/гол като църковна мишка / като турски светия* и др.), воровство, страсть к выпивке спиртного (р. *Бездонная бочка, На третьем взводе быть* и б.

/Пия/като бездънен, Пиян – залян, Къор – кютук пиян и др.), отсутствие воспитания, своенравность (р. *Бес вселился /в кого/, Встал не с той тоги /кто/* и б. *Провеся нос, Станал е със задницата нагоре /някой/* и др.), странное настроение, желание показаться лучше, чем на самом деле, трусливость (р. *Гайка заслабила /у кого/, Поджилки трясутся /у кого/* и б. *Глътна си езика /някой/, Душата ми е в гащите, Цветко - Петко /ме е/и др.*), рассеянность (р. *Ветер в голове /у кого/, Слона не приметить* и б. *Вятър го вее на бял кон, Видяла бабата иглата, не видяла купата* и др.), вертлявость; некоторые выражения несут гласия, восхищения, приветия (р. *Антик с гвоздичкой, Ерунда на постном масле, Наше вам с кисточкой!* и б. *Чудо работа, Бабини деветини, Краставици на търкалета, Дрън-дрън ярина, Чест и почитание!* и др.). Все эти смыслы и модели встречаются как в русском, так и в болгарском языках, а вероятно и во многих других языках, так как данные категории присущи всем людям, однако образная основа в них гораздо специфичнее и тесно связана с бытом и культурой конкретной страны (Георгиева 2011. 135). Но здесь надо делать различие между комическим, которое речь выражает, и комическим, которое речь создает. “Первое еще может быть переведено с одного языка на другой, хотя оно и может потерять большую часть своей выразительности, переходя в новую общественную среду, иную по своим нравам, по своей литературе, а главное, по своим идейным ассоциациям. Второй же вид комического обычно непереволим. Тем, что он есть, он всецело обязан строению фразы или подбору слов”. Он не выражает посредством устойчивых единиц известных частных видов характеров людей или событий. Он подчеркивает характер культуры и характер самого языка. Комическим здесь становится и сам язык.

Образное основание данных выражений метафорическое, а точнее, “синтезирующее через метафору все другие тропеические способы означивания”. Метафора во ФЕ органическое выражение способа мышления и

познания. И не случайно еще Дж. Вико подчеркивал, что метафора, участвуя в языковом мифотворчестве, предстает как узел, связывающий язык с мышлением и культурой. Вопрос здесь в том, какие роли играет образное основание. Во-первых, образная основа играет существенную роль в формировании денотативного аспекта значения, т.е. “в означивании объектом мира “Действительное” (Телия 1996. 188). Например, почти все ФЕ, связанные с безделием, глупостью, неспособностью, странностью, бедностью, трусливостью, рассеянностью, пьянством и т.п., т.е. ФЕ с пейоративной семантикой, детерминированы юмором. Модель “заниматься бессмысленным делом” выражена образными основами, которые мотивируют это значение: р. *Бить баклуши, Слоны слонять, Гонять лодыря, Ворон считать, Руки в брюки* и т.п. и б. *Бая си за бълхи, Билки дия по баури, Ходя като муха без глава, Меря улиците, Клация си краката, Ходя на ален фес, Лапам мухи, Ходя пет за четири* и др. Сущностные свойства внеязыковых реалий имеют свое модельное отображение в существенных признаках языковых наименований и как справедливо отмечает В.Телия “если бы в языке не соблюдалось такое изоморфное соответствие, то его единицы не могли бы выполнять знаковую функцию, а именно – вызывать через типовой образ референтную соотношенность, как проективное (по Вигенштейну) отношение знака к миру Эта способность заложена в самой знаковой природе фразеологизмов в процессе номинации (Телия 1996. 155). В данном случае заложен юмор во ФЕ.

3. Юмором детерминированы и выражения, связанные с **объектами и явлениями окружающей действительности**. Это ФЕ, выражающие количество, время, обстановку, некоторые ситуации и предметы, бессмысленные действия и др. Например: р. *Когда на березе шишки вырастут, Когда трава на камне взойдет, Когда рак на горе свистнет, После дождичка в четверг, Когда Вознесенье будет в воскресенье* и б. *Когато върба роди грозде, Кога израстнат на коня рога, Когато си видиш врата без*

огледало, Когато дойде четвъртък подир петък, Когато цъфнат нальмите, На Връбница в сряда, На куково лято, На конски великден и др. со значение “никогда”. Подобные выражения вызывают представление о каком-то маскараде. “Механически подделанная природа – вот чисто комический мотив, и фантазия может варьировать его с уверенностью вызвать громкий смех” (Бергсон 1992. 34). Уже Кант говорил, что смех вызывается ожиданием, которое внезапно разрешается ничем. “Внедрение механического в природу и автоматическая регламентация общественной жизни” – это два типа забавных эффектов, которые наблюдаются в выражениях этого типа (Там же. 36).

В целях создания комического эффекта и для достижения большей выразительности образные основы ФЕ рассматриваемой группы построены на разнообразных моделях, в них использованы разнообразные художественные приемы. Как уже отметили, это прежде всего **метафора и сравнение**.

“Комический эффект получается всякий раз, когда мы делаем вид, что понимаем выражение в собственном смысле, тогда как оно употреблено в переносном. Или как только наше внимание сосредоточивается на материальной стороне метафоры, выраженная в ней мысль становится комичной” (Там же. 74). Например: р. *Собаку съестъ, Из песка веревки вить, Надулся как мышь на крупу, Ветер в голове /у кого/, Глаза на затылке* и б. *Изпекъл занаята, Нацупил се като ибрик, Вятър го вее на бял кон* и т.п.

Сравнение часто встречающийся прием при построении комических выражений. Например: р. *Глуп как пробка, Беден как гарнизонная крыса / как церковная мышь, Гол как осиновый кол, Беден / Гол как турецкий святой, Вертеться как бес перед заутренней, Вертеться как береста на огне, Злой как черт, Надулся как мышь на крупу, Вертеться / Бегать как угорелая кошка, Толстый как бочка, Тоций как щепка, Худой как палка, Смотреть сентябрем, Сморщенный как печеное яблоко, Идет как корове седло/что?, кому?/, Как на вешалке /сидеть/, С гулкин нос, С воробиний скок, /Горю/ как*

швед под Полтавой, /Пользы/ как от козла молоко, Как в воду опущенный /смотрит) и б. Прост като кратуна, Гол като прът, Гол като сокол / като пушка/ като турски светия, Извъртам се като фурнаджийска лопата, Луд като арнаудска чушка, Нацупил се като ибрик, /Върти се/ като метелява овца, Дебел като бъчва, Сух като бастун, Набръчкан като печена киселица, Сякаш са му потънали гемите, /Отива му/ като на келева глава чимширен гребен / като на комар ботуши / като на кочина прозорец/ като на свинче звънче, /Стои ми/ като на закачалка, /Натъкани/ като сардели, /Закъсал съм/ като Крали Марко на Косово поле, /Полза/ колкото от козел / от пръч мляко/ колкото от козел вълна/ колкото от комар лой/ колкото от ялова крава мляко и др.

Многие авторы замечают, что юмор имеет склонность ко всему конкретному.

Мы наблюдаем, что часто сравнение в языке выходит за рамки логики, сопоставляются разнородные по характеру объекты и явления, что и создает комический эффект образной основы и значения устойчивого словосочетания. Их специфика проявляется как в форме, так и в значении выражения (Кювлиева, 1986). В образной основе многих устойчивых сравнений закодирована информация об истории и жизни конкретного народа. Например, р. *Ездить в Тулу со своим самоваром, Горю как швед под Полтавой, За семь верст киселя хлебать* и б. */Закъсал съм/ като Крали Марко на Косово поле, Вървя като кьорав кон през турски гробища, Напъва се като гладен грък на серан* (напрасно, без резултат), *Кисел като турчин пред рамазан* и др.

Интерес представляют и ФЕ, построенные на каламбуре и на игре слов, которые “скорее вызывают мысль о некоторой небрежности языка, который словно забыл на мгновение о своем истинном назначении и вознамерился приспособлять окружающее к себе, вместо того чтобы самому к нему приспособляться. Игра слов всегда выдает минутную **рассеянность** языка, и

именно в этом ее забавность” (Бергсон 1992. 78). Например: р. *Слоны слоняты, Наше Вам с кисточкой!, Голь-шмоль и компания, Шерочкой с машерочкой, История с географией*; б. *Цветко-Петко (ми е) (страхувам се), Бабини деветини, Краставици на търкалета, Дрън-дрън ярина, Де го Киро на кирия* и др.

Один из излюбленных приемов создания юмора – это вид пародии, сталкивание нереального с реальным. Смешение двух систем идей в одной и той же ФЕ служит неисчерпаемым источником забавных эффектов. Например, в таких ФЕ как р. *Нашему забору двоюродный плетень, Седьмая вода на киселе* и б. *На баба Злата шурей й, На шурей шурулинката, Роднина по бялата кобила, От два плета тръни са, От една чешма пили вода* и т.п. Образная основа данных выражений экспрессивна, она свидетельствует якобы о родстве, а на самом деле никакого родства нет.

Речь, в которой встречаются ФЕ данной группы динамична, она связана с иронией и позволила нам в некоторой степени взглянуть на ментальность русских и болгар с точки зрения юмора. И русские, и болгары любят смеяться и смеются преимущественно над одним и тем же.

Заключение

Наблюдения над фразеологизмами данной группы позволили сделать следующие выводы: 1. Большинство ФЕ совпадают в русском и болгарском языках на уровне выражаемой идеи, но различаются в образной основе, что связано с рядом внеязыковых факторов: с природой, с географическим расположением и климатом конкретной страны, а также с культурой и обычаями народов; 2. Образная основа болгарских выражений почти всегда очень конкретна (в болгарском языке есть пословица *Българинът е оцелял, защото се е смял* – букв. „Болгарин выжил, так как смеялся“), а русских – более обобщенно, (есть русская поговорка *Смех без причины – признак*

дурачины) и поэтому перевод фразеологизмов данной группы требует пословной передачи образной основы в целях корректной семантизации и их правильного употребления. Удачный перевод требует еще не только правильной передачи образной основы выражения, но и передачи рифмы, соответствующего ритма, игру слов и т.п., что способствует передаче неповторимого колорита исходного варианта.

Литература

- 1- Бергсон А. (1992). *Бергсон А. Смех*. Москва : Изд-во «Искусство», 127 с.
- 2- Георгиева С. (2011). *Георгиева С. Русская фразеология в зеркале болгарского языка*. София : Изд-во “HERON PRESS”, 151 с.
- 3- Кювлиева В. (1986). *Кювлиева В. Устойчивите сравнения в българския език*. София : Изд-во «БАН», 275 с.
- 4- Маковский М. М. (1996). *Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образы мира и миры образов*. Москва : Изд-во Гуманитарный издательский центр «Владос», 416 с., с илл.
- 5- Маслова В. А. (1997). *Маслова В. А. Преданья старины глубокой в зеркале языка*. Минск : Изд-во «ПЕЙТО», 128 с.
- 6- Телия В. Н. (1996). *Телия В. Н. Русская фразеология*. Москва : Изд-во «Языки русской культуры», 288 с.

Bibliography

- 1- Bergson A. (1992). *Bergson A. Smeh*. Moskva : Izd-vo «Iskusstvo», 127 с.
- 2- Georgieva S. (2011). *Georgieva S. Russkaja frazeologija v zerkale bolgarskogo jazyka*. Sofija : Izd-vo “HERON PRESS”, 151 s.
- 3- Kjuvlieva V. (1986). *Kjuvlieva V. Ustojchivite sravnenija v b#lgarskija ezik*. Sofija : Izd-vo «BAN», 275 с.
- 4- Makovskij M. M. (1996). *Makovskij M. M. Sravnitel'nyj slovar' mifologicheskoj simboliki v indoevropskih jazykah. Obrazy mira i miry obrazov*. Moskva : Izd-vo Gumanitarnyj izdatel'skij centr «Vlados», 416 s., s ill.
- 5- Maslova V. A. (1997). *Maslova V. A. Predan'ja stariny glubokoj v zerkale jazyka*. Minsk : Izd-vo «PEJTO», 128 s.

- 6- Telija V. N. (1996). *Telija V. N. Russkaja frazeologija*. Moskva : Izd-vo «Jazyki russkoj kul'tury», 288 s.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Georgieva, Stefka Ivanova (2022). PHRASEOLOGICAL REALIZATION OF THE COMIC IN NATIONAL IMAGES (BASED ON THE RUSSIAN AND BULGARIAN LANGUAGES). *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literaturny*, 10(2), 11–24.

DOI: 10.52547/iarll.20.11

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/248>

تجلی عبارت‌های پایدار طنز در نمادهای ملی (بر مبنای زبان‌های روسی و بلغاری)

استفکا ایوانووا گیورگیوا^{*1}

استاد، دانشگاه پائسی خیلندارسکی پلوودیو،
پلوودیو، بلغارستان.

(تاریخ دریافت: اوت ۲۰۲۲؛ تاریخ پذیرش: سپتامبر ۲۰۲۲)

چکیده

مقاله حاضر به بررسی و مطالعه ویژگی‌های کنایه و مجاز در متون کمیک افراد گوناگون که با جهان‌بینی اقوام و ملت‌های مختلف مرتبط است می‌پردازد. مطالعه ویژگی‌های ملی کمیک با مسائل اجتماعی مرتبط است. در طنز، ویژگی ملی که نشان‌دهنده تجربه تاریخی یک ملت است متجلی می‌شود. در ساختار معنایی واحدهای زبانی پایدار و اصطلاحات، مؤلفه‌ها و ویژگی‌های اجتماعی-تاریخی، اخلاقی و زیبایی‌شناختی مردم و پدیده‌های زندگی حفظ، و ویژگی‌های ملی در آن‌ها آشکار می‌شود. این ویژگی‌ها می‌توانند شامل ظاهر فرد، حرکات او (ژست‌ها)، ویژگی‌های شخصیتی و اخلاقی و توانایی‌ها و ظرفیت‌های روحی و روانی، اشیا و پدیده‌های جهان پیرامون و غیره باشند. نتایج حاصل از مطالعه این دسته از عبارت‌های پایدار نشان داده است که: ۱- بیشتر عبارت‌های پایدار در زبان‌های روسی و بلغاری از نظر معنا و مفهوم تطابق کاملی دارند، اما از نظر روش بیان مفهوم مجازی و کنایه‌ای متفاوت هستند. ۲- بعد مجازی و کنایه‌ای عبارت‌های پایدار در زبان بلغاری تقریباً همیشه به صورت مشخص‌تر و صریح‌تر بیان می‌شود در حالی که این ویژگی در زبان روسی به صورت کلی‌تر و نامشخص‌تر بیان می‌شود. بنابراین برای ترجمه این دسته از عبارت‌های پایدار لازم است مفهوم مجازی آن‌ها به صورت لفظ به لفظ برگردانده شود تا مفهوم و معنای آن‌ها بهتر درک و از آن‌ها به‌درستی استفاده گردد.

واژگان کلیدی: عبارت‌های پایدار، طنز، ویژگی‌های ملی، قومیت، متون کمیک.

1. E-mail: stefka3@abv.bg; ORCID ID: 0000-0002-0053-3099

* نویسنده مسئول
نوع مقاله: علمی- پژوهشی

DISCURSIVE POTENTIAL OF PARATEXTUAL ELEMENTS OF DRAMA (BASED ON RUSSIAN PLAYS OF THE LATE 20TH CENTURY)

Golovaneva Marina Anatolievna^{1*}

Professor, Astrakhan State University V. N. Tatishcheva

Astrakhan, Russia.

(date of receiving: June, 2022; date of acceptance: July, 2022)

Abstract

The communicative-cognitive space of drama is based on dramatic discourse. The work is devoted to the consideration of the potential of dramatic remarks, which are involved in the formation of dramatic discourse as elements of paratext. The variety of remarks, a large list of their functions and tasks in various text situations determine their significant role in the formation of dramatic discourse. This study provides our classification of dramatic remarks. It is based on the communicative tasks of remarks, the degree of their prevalence, and focuses on the values of communication theory, the theory of speech communication. The complexity of the dramatic discourse lies, among other things, in the fact that the consciousness of the recipient (reader) of the play separately “processes” paratextual elements and remarks, realizing the specifics of the genre. This is what helps the reader to appreciate the conventionality and theatricality of the dramatic text in the process of its participation in the discourse of the drama. The discursive potential of the paratextual elements of dramatic discourse is the higher, the more complex the organization of the paratext, the more diverse the palette of its elements.

Keywords: Communicative-Cognitive Space, Consciousness, Dramatic Paratext, Remark, Conventionality, Theatricality, Discursive Potential.

1. Email: yarrow@inbox.ru; ORCID ID: 0000-0002-5791-4845

* Corresponding author

ДИСКУРСИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПАРАТЕКСТУАЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ДРАМЫ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ПЬЕС КОНЦА XX ВЕКА)

Голованева Марина Анатольевна^{1*}

Профессор, Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева,
Астрахань, Россия.

(дата получения: июнь 2022г.; дата принятия: июль 2022г.)

Аннотация

Коммуникативно-когнитивное пространство драмы базируется на драматургическом дискурсе. Работа посвящена рассмотрению потенциала драматургических ремарок, которые участвуют в формировании драматургического дискурса как элементы паратекста. Разнообразие ремарок, большой перечень их функций и задач в различных текстовых ситуациях обуславливают их значительную роль в формировании драматургического дискурса. В данном исследовании приводится наша классификация драматургических ремарок. Она основывается на коммуникативных задачах ремарок, степени их распространённости и ориентируется на ценности теории коммуникации, теорию речевого общения. Сложность драматургического дискурса заключается, кроме прочего, ещё и в том, что сознание реципиента (читателя) пьесы отдельно «обрабатывает» паратекстовые элементы и ремарки, осознавая специфику жанра. Именно это помогает читателю оценить условность и сценичность драматургического текста в процессе его участия в дискурсе драмы. Дискурсивный потенциал паратекстовых элементов драматургического дискурса тем выше, чем сложнее организация паратекста, многообразнее палитра его элементов.

Ключевые слова: Коммуникативно-Когнитивное Пространство, Сознание, Драматургический Паратекст, Ремарка, Условность, Сценичность, Дискурсивный Потенциал.

1. Email: yarrow@inbox.ru; ORCID ID: 0000-0002-5791-4845

* Ответственный автор

Введение

В коммуникативно-когнитивном пространстве драмы слово приобретает особое звучание, отличающееся от звучания слова в лирике и эпосе. Это объясняется родовой спецификой драматургического текста: его структурной организацией, условностью и сценичностью. Структурная организация драматургического текста, отличающаяся предельной простотой, но в то же время и широчайшими возможностями её трансформирования, позволяет слову приобретать различные дискурсивно-прагматические смыслы.

Условность (театральность) – это «гиперболизация “обычного” человеческого поведения, его устремлённость к публичности» (Кривцун 1992. 201), «укрупнённость образов, их броскость и гиперболичность» (Хализев 1986. 63-80).

Сценичность – «это характеристика драматического текста, заключённая в наборе особых средств и приёмов, которые позволяют создать из пьесы спектакль» (Шахматова 2009. 16-17).

Структурная организация драматургического текста – это комплекс элементов текстового характера, объединённых на принципах смысловой связности, изобразительности и выразительности. Структурная организация в большой степени ответственна за условность и сценичность драмы. Она формируется посредством эксплуатации не только языковых и речевых средств, но и иных, невербальных инструментов. Однако в приоритете остаётся слово, и его роль в создании паратекста значительна. Паратекст, в свою очередь, накладывает ощутимый отпечаток на дискурс драмы и придаёт ей традиционное или, напротив, новаторское звучание.

Дискурс драмы – это речемыслительное пространство событийного характера, которое образуется вокруг дискурсивно обусловленного концепта, в результате чего создаётся смысловое содержание, включающее в себя информацию о субъектах речемышления, объектах, обстоятельствах и пространственно-временных координатах.

Основная часть

В данной работе исследовательское внимание направлено на прямую речевую партию автора пьесы – паратекст, но не на его опосредованную речевую партию (реплики героев). Цель анализа – определить роль паратекста в формировании дискурса драмы, выявить особенности влияния паратекста на когнитивную деятельность реципиента драмы – читателя.

Прямая речевая партия автора пьесы (элементы, входящие в паратекст драмы) – специфический диалоговый пласт, существующий только в литературе драматургического рода. Мы рассматриваем каждый элемент паратекста (заглавие, посвящение, жанровое обозначение, афишу, элемент «от автора», эпилог, примечание, ремарку) как реплику автора в его прямой речевой партии. КК усилия автора в наибольшей степени заметны в языковом материале его прямой речевой партии. Наиболее разнообразны по структуре и объёму, речевой организации в перечне паратекстовых элементов ремарки. Ремарка рассматривалась с точки зрения структуры, семантики, места расположения, функции и прагматики, подвергалась различным классификациям в различных работах. Так, в основательных публикациях прошлого и начала нынешнего века: А. Г. Баклановой (1983), Д. Х. Баранника (1961), С. Д. Балухатого (1990), В. М. Волькенштейна (1969), З. С. Дортмузиевой (Эл. ресурс), А. И. Домашнева (1989), О. А. Донсковой (1982), В. Я. Задорновой (1985), Н. И. Ищук-Фадеевой (2001), В. И. Комаровой (1973), Г. В. Москвичёва (1987), Н. А. Николиной (2003), Н. К. Пиксанова (1921), В. Е. Хализева (1986), М. Ю. Хватовой (1989), С. В. Шервинского (1971), Л. А. Шуваловой (1969), И. И. Щёболевой (1961) – изложены основные наблюдения над этим феноменом драматургического текста. Информация дополнена выводами исследователей последних лет: А. С. Хоменко (2020), А. Ф. Ибраевой (2016), С. О. Носова (2010), К. В. Толчеевой (2007, 2014), А. А. Колотова (2011), И. А. Лиходкиной (2018) и других.

Обратимся к начальной ремарке перед первым действием в пьесе А.Ставицкого «Трагический поединок»:

Р е м а р к а: (1) Кабинет. (2) Небольшая комната на пятом этаже здания. (3) Окно выходит на площадь. (4) В кабинете: письменный стол, сначала один стул, позднее ещё один, два телефона, графин с водой и стакан. (5) На стене, над головой следователя, висит портрет Сталина времён тридцатых годов. (6) Это и вся декорация спектакля. (7) В момент открытия занавеса Корольков сидит за столом, что-то пишет, поученически закрываясь рукой от Грониной, которая стоит в двух шагах от стола. (8) Корольков, тонкий, подтянутый, с мальчишеской причёской, одет в военную форму с двумя «кубиками» в петлицах. (9) На груди значок КИМ. (10) Гронина невысокого роста, хрупкого вида, моложавая, густые рыжие волосы собраны в пучок, голос низкий, одета в скромное платье. (11) Корольков время от времени бросает на неё косые пронзительные взгляды. (12) Он весь напряжён, изображает бывалого чекиста и всё время подражает кому-то, кого считает образцом для себя. (13) Гронина, напротив, держится просто, естественно, не театрально.

Осознанность авторского воздействия с вектором в сторону читателя эксплицитна в наибольшей степени в ремарке, которая сконцентрировала в себе силы коэффициента сценичности и стала аккумулятором силы закона рампы. Выявим возможности реализации обстановочной функции ремарки, чтобы проиллюстрировать иллюкутивную силу отдельного высказывания в прямой речевой партии автора.

Неизбежность возникновения в сознании читателя сценического пространства обеспечивается наличием предложения (6), однако оно не обладает облигаторным значением, и при его отсутствии величина коэффициента сценичности значительно не уменьшится: номинативное предложение (1), двусоставные с опущенным предикатом предложения (2), (4), двусоставные (3), (5), (7) образуют описательный фрагмент, группу

обстановочных замечаний автора, формирующих хронотоп пьесы. Многосложная коммуникативная цель всего высказывания (всей ремарки) дробится на составные акционально-практические части в зависимости от реализуемых функций (обстановочной, мизансценой, описательной, кинесической, психологической). В данном узком поле коммуникативная цель успешно достигается посредством заданных читателю и разрешаемых им когнитивных задач: конструирования концепта пространства служебного помещения определённого историко-временного периода. При этом концепторами становятся лексемы и словосочетания разной морфологической принадлежности: субстантив (1), субстантивно-адъективное и субстантивно-нумеративное сочетания (2), предикативный центр предложения (3). В предложениях (4), (5), (7) наибольшим концепторным весом не обладают субстантивно-адъективное, субстантивно-нумеративные и субстантивно-субстантивное сочетания *письменный стол, один стул, два телефона, графин с водой и стакан, над головой следователя, портрет Сталина*. Он присущ локальным и темпоральным маркерам, выраженным падежно-предложным субстантивам *в кабинете, за столом*, сложным субстантивно-нумеративным сочетаниям *время тридцатых годов, в двух шагах от стола*, адвербиальным единицам *сначала, позднее*. Выделенные лексемы служат наведению сем 'казённое, служебное помещение', 'политизированное помещение'. Читательская апперцепция, неизбежно порождающая когнитивные структуры соответствующего характера, есть «ответ» в диалоге двух сознаний, вступивших в дискурс.

Высокая степень суггестии авторского высказывания, основанная на КК возможностях ремарки, свидетельствует о том, что это самостоятельная инициальная диалогическая партия (названная нами прямая речевая партия автора), несмотря на отсутствие читательского иллокутивно вынуждаемого акта.

Представляется оправданной предлагаемая нами классификация ремарок по степени их распространённости и по принадлежащему им контекстуально обусловленному коммуникативному смыслу. Обратимся к пьесе А.Солженицына «Республика труда». В ней обнаруживаются следующие примеры.

I. Ремарки констатирующие, самые короткие, включающие одно слово (*реплицирующий усечённый репрезентатив*):

- 1) Ф р о л о в (**Нержину**). *А ты кто за птица литейку закрывать?*
- 2) М е р е щ у н. *Ничего. (Этапу.) Сколько дней в дороге?*

Подобный репрезентатив можно квалифицировать как усечённый ввиду особой формы предложения: «имя персонажа выступает в роли подлежащего большинства из них, часто оно имеет прерывистую предикативную связь со сказуемым ремарки или со сказуемостью функционирующей структурой» (Шувалова 1969. 229). Синтаксическая компрессия в них достигается применением эллипсиса, когда усечённая структура предложения входит как составная часть в сопоставимую с ней полную структуру. Подобная конструкция представляет собой предложение с частично заполненной схемой. «Эллипсис глагола, его имплицитность базируется на наличии постоянно свойственных ремарке текстовых значений времени и наклонения, третьего лица» (Хижняк 2004. 25). «Закон экономии речевых усилий» (Кухаренко 1988. 125) порождает подобное явление максимальной синтаксической компрессии, нигде более, кроме драматургической ремарки, не наблюдаемое. Их КК потенциал проявляется в способности концентрировать в себе определённый формат знания, объективирующийся одной лексемой.

II. Короткая ремарка, представляющая собой неполное предложение, чаще – полупредикативную конструкцию (деепричастный, причастный оборот) или адвербиальное сочетание, одиночное деепричастие, наречие, предложно-

падежную форму субстантива в синтаксической функции обстоятельства образа действия, призванную описать явление, предмет, действие (*реплицирующий усечённый дескриптив*):

- 1) Н е р ж и н (**внимательно оглядывая прибывших.**) *Ваша фамилия как?*
- 2) К у к о ч (**легко.**) *Очень благодарен. Но я трагедии не делаю. Талантливый человек нигде не пропадёт!*

КК потенциал подобной ремарки заключается в её возможности производить когнитивное выдвигание некоего формата знания посредством локализации описания во фрагменте предложения и его выделения из синтаксической конструкции.

III. Конструкция, включающая не более одного полного двусоставного короткого самостоятельного предложения (не содержащего в себе имени персонажа как обозначение коммуниканта, владеющего коммуникативной инициативой), имеющего один предикативный центр, констатирующего физическое, психическое, временное положение всех составляющих мизансцены (*реплицирующий репрезентатив*):

- 1) Ф р о л о в. *Ну что? Взял? Гурвич молчит.*
- 2) Н е р ж и н. *Иди, Ангел, не надо. Ангел уходит недовольный.*

КК потенциал подобного образования направлен на усиление КК активности читателя, его интенций извлечения из речевого фрагмента содержательно-концептуальной информации.

IV. Ремарка, включающая одно распространённое пространное и большее количество полных предложений, призванная описать явление, предмет, действие (*реплицирующий дескриптив*):

- 1) Ф р о л о в. *А ты поймал хоть раз? Муница, осторожно выбив опоки, вытягивает кочерёжкой из земли ещё краснеющие детали: ролики и тонкие плиты.*

- 2) Г у р в и ч. *Вот, из его* (показывает на Горшкова) *зарплаты оплачу.*

Горшков, протирая очки, понурился над чертежом.

КК потенциал подобной ремарки, открывающей группу распространённых высказываний, невелик по сравнению с ремарками последующих групп, но значительно отличается от предыдущих, так как переводит ремарку из разряда сопутствующего реплике констатирующего вкрапления в разряд самостоятельного авторского описательного высказывания, что усиливает позиции его прямой речевой партии.

V. Ремарка, состоящая из одного или двух предложений, вмещающих в общем не более двух предикативных центров, обнаруживающая определённый замысел и установку автора на монологизирование. Тип речи – повествование – обнаруживается в предельно малом количестве предложений, коммуникативная цель – создание у читателя представления о происходящих событиях – достигается минимальным количеством синтаксических конструкций (*нераспространённый нарратив*):

- 1) К о л о д е й. *Ну так что? Начинаете? Пойдём, посмеёмся* (Уходит.) **Спектакль почти не слышен. В комнате остался мало кто.**
- 2) **Шофёр открывает задний борт кузова. Из кабины выходит сержант конвоя с пачкой тюремных дел.**

КК потенциал ремарок этого разряда призван обеспечить достаточно полное представление о сценических действиях без дополнительных когнитивных усилий читателя.

VI. Ремарка, состоящая из любого количества предложений, вмещающих в себя более двух предикативных центров. Коммуникативная инициатива автора в данном случае длительно находит применение в прямой речевой партии (*распространённый нарратив*).

- 1) Р е м а р к а. **Строительная зона. Строящееся кирпичное здание,**

из глубины его иногда – мигающие вспышки электросварки. Позади сцены – столбы, колючка зоны и предзонника, безобразная тесовая вышка с часовым, дальше, сквозь все проволоки, – голая степь. Где-то далеко работает экскаватор – сюда доносится его характерное повизгивание. Куча строймусора. На высоком штабеле горбыля сидит около десятка женщин нового этапа, уже переодевшихся в голубые рабочие одежды. На штабеле брёвен – десятка два мужчин, все – в изнеможённых телоположениях. Разогретый солнечный октябрьский день после полудня.

- 2) **Р е м а р к а. Нержин порывается бежать, но тут же входит с большим достоинством Соломон. Он в новенькой хлопчатобумажной спецовке, по-лагерному франтовской.**

Конструктивно-композиционные особенности прямой речевой партии в данном случае обуславливают тот факт, что распространённый нарратив может допускать инкорпорирование предложений любого типа речи: повествования, описания, рассуждения: невозможность вмешательства пассивного коммуниканта (читателя) позволяет автору обращаться к приёму эпизации ремарки (на наш взгляд, осложнение распространённого нарратива рассуждением и метафоризацией разных типов превращает ремарку в беллетризованную). Примеры беллетризованных ремарок:

- 1) **Р е м а р к а. Барбара никак не может собраться с духом и встать из кресла. Может быть, она ждёт, что её остановят, а может быть, действительно подкашиваются ноги. Мишель и Линн не смотрят на неё, молчат. Барбара поднимается и, медленно волоча ноги, – только теперь вдруг стало видно, как много ей лет! – уходит из дома, в котором провела почти полвека (М. Шатров «Может быть»).**

- 2) Р е м а р к а. **Все одеты по-зимнему, скромно, но с тем неуловимым щегольством, по которому актёра можно сразу отличить от людей иных профессий** (А. Козак «Верёвка»).

КК потенциал данного разряда ремарок высок вследствие присвоения автором КК функций читателя, однако противоположная, сдерживающая, сила проявляется в ограничении читательских возможностей инференции добавленной содержательно-концептуальной информации.

Ремарке в отдельных случаях свойственна эпизация. Термин «эпизация» может быть заменён и термином «монологизация», так как ремарка рассматривается здесь как реплика автора в его прямой речевой партии, однако для устранения неоднозначности следует использовать термин «эпизация», чтобы избежать пересечения с описанием явления монологизации реплики персонажа. Эпизация или беллетризация драматургической ремарки отличает реплику говорящего в разговорном диалоге, протекающем в нарративном режиме, от реплики драматурга: в разговорном диалоге условия протекания очень протяжённой реплики нарратора всегда искусственны, для её реализации требуется проявление сознательной воли молчания от слушателя, стремящегося, по законам коммуникации, внести свой речевой вклад в диалог. Для драматургического произведения подобная зона девиации (отклонения от родовых конвенциональных принципов драмы) – распространённый нарратив в прямой речевой партии автора – является, напротив, «облегчающим фрагментом» для апперципирующего сознания и внимания читателя. Родственность такого фрагмента эпическому роду литературы, требующему меньшего когнитивного напряжения реципиента в процессе конструирования виртуальной драматургической реальности, повышает степень увеличения его иллюкативной силы.

Коммуникативные параметры (Борисова 2009. 183) реплицированного и нарративного режимов авторской ремарки имеют основные отличия. Если

коммуникативная установка 1-ой группы ремарок: реплицирующего усечённого репрезентатива, реплицирующего усечённого дескриптива, реплицирующего репрезентатива, реплицирующего дескриптива – это быстрый темп «вклинивающегося» замечания с незамедлительным возвращением к опосредованной речевой партии автора (к репликам персонажей), то коммуникативная установка 2-ой группы ремарок: нарративов нераспространённого и распространённого – это нацеленность на обстоятельное пояснение и длительное удержание КК внимания читателя на деталях хронотопа, психологических и эмоциональных пояснениях автора. Точечный замысел с краткосрочным типом планирования ремарок 1-ой группы противостоит развёрнутому замыслу с долгосрочным типом планирования 2-ой группы, от чего зависит возможность выявления структурных связей речевых поступков только в ремарках 2-ой группы, где поступков может насчитываться (теоретически) неисчислимое множество.

Заключение

Таким образом, выделенные нами в массиве драматургических ремарок разновидности: *реплицирующий усечённый репрезентатив, реплицирующий усечённый дескриптив, реплицирующий репрезентатив, реплицирующий дескриптив, нераспространённый нарратив, распространённый нарратив* – это основные типы ремарок, дающие общее представление о вкладе репликового пласта в драматургический дискурс.

Рассмотрение паратекста пьесы как речевой партии автора в диалоге с читателем проясняет также и вопрос коэффициента сценичности и закона рампы. Безусловное конвенциональное выделение прямой речевой партии автора из текста пьесы (применение различных нестандартных шрифтов, разрядки, курсива, жирного выделения, помещения в скобки, абзацного членения) в отношении всех элементов неперсонажной речи оказывает

зрительное воздействие на когнитивную сферу читателя. Подобное «механическое» разделение двух пластов драматургической речи одновременно облегчает и усложняет рецептивно-когнитивную обработку получаемой информации читателем: визуально-вербальные знаки направляют мыслительные процессы читающего в сторону предварительного когнитивного «освоения» концептуальной базы каждого пласта в отдельности, а затем происходит синтезирование полученных результатов. Именно поэтому, на наш взгляд, вынесение большого количества информации об организации сценического пространства в ремарки способствует как максимализации коэффициента сценичности именно у драмы (в отличие от других родов литературы), так и работе закона рампы.

Сложность драматургического дискурса заключается, кроме прочего, ещё и в том, что сознание реципиента (читателя) пьесы раздельно «обрабатывает» паратекстовые элементы и ремарки, осознавая специфику жанра. Именно это помогает читателю оценить условность и сценичность драматургического текста в процессе его участия в дискурсе драмы. Дискурсивный потенциал паратекстовых элементов драматургического дискурса тем выше, чем сложнее организация паратекста, многообразнее палитра его элементов.

Литература

- 1- Борисова И. Н. (2009). *Русский разговорный диалог: Структура и динамика*, – 3-е изд., стер. – М. : ЛИБРОКОМ.
- 2- Волькенштейн В. М. (1969). *Драматургия*. – 5-е изд., испр. и доп. – М.-Спб. : Сов. писатель.
- 3- Домашнев А. И. (1989). *Интерпретация художественного текста* / А. И. Домашнев, И. П. Шишкина, Е. А. Гончарова. – 2-е изд., дораб. – М. : Просвещение.
- 4- Колотов А. А. (2011). *Паратекстуальный подход в современном литературоведении: Междунар. заочная научно-практическая конференция «Филология и лингвистика»: современные тренды и перспективы исследования: Сб. матер. конф. (30 сентября 2011 г.)* – Краснодар. – С. 37-41.

- 5- Кривцун О. А. (1992). *Эволюция художественных форм: культурологический анализ*. – М. : Наука.
- 6- Кухаренко В. А. (1988). *Интерпретация текста*. – М. : Просвещение.
- 7- Москвичёва Г. В. (1987). *Ремарка в сюжетно-композиционной системе русской трагедии XVIII века // Вопросы сюжета и композиции: Сб. науч. тр. – Горький : Изд-во Горьк. гос. пед. ун-та. – С. 39-49.*
- 8- Носов С. О. (2010). *Паратекст как средство конструирования художественного пространства в драме / Автореф. ... канд. филол. наук. – Тверь.*
- 9- Пиксанов Н. К. (1921). *Ремарки «Горя от ума» // Культура театра. – 1921. – № 5. – С. 12-16; № 6. – С. 22-27.*
- 10- Хализев В. Е. (1986). *Драма как род литературы (поэтика, генезис, функционирование)* – М. : Изд-во МГУ.
- 11- Хижняк А. В. (2004). *Ремарка в драмах Ф. Шиллера: локально-структурный, функционально-семантический и переводческий аспекты: Дис. ... канд. филол. наук. РГУ. – Р-н/Д.*
- 12- Хоменко А. С., Тютелова Л. Г., Журчева Т. В. (2020). *Особенности паратекста в пьесах Аси Волошиной*. – Самара : Самарский нац.-исслед. ун-т им. С. П. Королёва.
- 13- Шахматова Т. С. (2009). *Традиции водевиля и мелодрамы в русской драматургии XX – нач. XXI веков: Дис. ... канд. филол. наук. КГУ им. В. И. Ульянова-Ленина. – Казань, 2009. – 2010 с.*
- 14- Шувалова Л. А. (1969). *Стилистико-грамматические особенности сценических ремарок: Дис. ... канд. филол. наук. – МГУ. – М.*

Bibliography

- 1- Borisova I. N. (2009). *Russkij razgovornyj dialog: Struktura i dinamika*, – 3-e izd., ster. – М. : LIBROKOM.
- 2- Vol'kenshtejn V. M. (1969). *Dramaturgija*. – 5-e izd., ispr. i dop. – М.-Spb. : Sov. pisatel'.
- 3- Domashnev A. I. (1989). *Interpretacija hudozhestvennogo teksta / A. I. Domashnev, I. P. Shishkina, E. A. Goncharova*. – 2-e izd., dorab. – М. : Prosveshhenie.
- 4- Kolotov A. A. (2011). *Paratekstual'nyj podhod v sovremennom literaturovedenii: Mezhdunar. zaochnaja nauchno-prakticheskaja konferencija «Filologija i lingvistika»: sovremennye trendy i perspektivy issledovanija: Sb. mater. konf. (30 sentjabrja 2011 g.)* – Krasnodar. – S. 37-41.

- 5- Krivcun O. A. (1992). *Jevoljucija hudozhestvennyh form: kul'turologicheskij analiz.* – M. : Nauka.
- 6- Kuharenko V. A. (1988). *Interpretacija teksta.* – M. : Prosveshhenie.
- 7- Moskvichjova G. V. (1987). *Remarka v sjuzhetno-kompozicionnoj sisteme ruskoj tragedii XVIII veka // Voprosy sjuzheta i kompozicii: Sb. nauch. tr. – Gor'kij : Izd-vo Gor'k. gos. ped. un-ta. – S. 39-49.*
- 8- Nosov S. O. (2010). *Paratekst kak sredstvo konstruirovaniya hudozhestvennogo prostranstva v drame / Avtoref. ... kand. filol. nauk. – Tver'.*
- 9- Piksarov N. K. (1921). *Remarki «Gorja ot uma» // Kul'tura teatra. – 1921. – № 5. – S. 12-16; № 6. – S. 22-27.*
- 10- Halizev V. E. (1986). *Drama kak rod literatury (pojetika, genezis, funkcionirovanie) – M. : Izd-vo MGU.*
- 11- Hizhnjak A. V. (2004). *Remarka v dramah F. Shillera: lokal'no-strukturnyj, funkcional'no-semanticheskij i perevodcheskij aspekty: Dis. ... kand.filol. nauk. RGU. – R-n/D.*
- 12- Homenko A. S., Tjutelova L. G., Zhurcheva T. V. (2020). *Osobennosti parateksta v p'esah Asi Voloshinoy. – Samara : Samarskij nac.-issled. un-t im. S. P. Koroljova.*
- 13- Shahmatova T. S. (2009). *Tradicii vodevilja i melodramy v ruskoj dramaturgii HH – nach. HHI vekov: Dis. ... kand. filol. nauk. KGU im. V. I. Ul'janova-Lenina. – Kazan', 2009. – 2010 s.*
- 14- Shuvalova L. A. (1969). *Stilistiko-grammaticheskie osobennosti scenicheskikh remarok: Dis. ... kand. filol. nauk. – MGU. – M.*

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Golovaneva, Marina Anatolievna (2022). DISCURSIVE POTENTIAL OF PARATEXTUAL ELEMENTS OF DRAMA (BASED ON RUSSIAN PLAYS OF THE LATE 20TH CENTURY). *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literaturny, 10(2), 25–40.*

DOI: 10.52547/iarll.20.25

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/239>

ظرفیت گفتمانی عناصر فرامتنی درام (بر اساس نمایشنامه‌های روسی اواخر سده بیستم)

مارینا آناتولیونا گالوانوا^{*1}

استاد دانشگاه دولتی ون. تاتیشووا آستراخان،
آستراخان، روسیه.

(تاریخ دریافت: ژوئن ۲۰۲۲، تاریخ پذیرش: ژوئیه ۲۰۲۲)

چکیده

فضای ارتباطی-شناختی نمایش (درام) مبتنی بر گفتمان نمایشی است. مقاله حاضر به بررسی ظرفیت «ریمارک» (سخن نویسنده) به عبارتی دستورهای اجرای نمایش اختصاص دارد که در شکل‌گیری گفتمان نمایشی به‌عنوان عناصر فرامتنی دخیل هستند. تنوع و گوناگونی ریمارک‌ها، فهرست بزرگی از نقش و کارکرد آن‌ها در موقعیت‌های متنی مختلف، نقش مهم آن‌ها را در شکل‌گیری گفتمان نمایشی نشان می‌دهد. در مقاله حاضر طبقه‌بندی ما از ریمارک‌های نمایشنامه ارائه شده است. اساس این طبقه‌بندی را نقش ارتباطی ریمارک‌ها و میزان گستردگی کاربرد آن‌ها تشکیل می‌دهد و بر ارزش‌های نظریه ارتباطات و نظریه ارتباطات گفتاری تمرکز دارد. پیچیدگی گفتمان نمایشی به این دلیل است که ذهن خواننده نمایشنامه برای پی بردن به ویژگی‌های ژانر نمایشنامه به‌طور جداگانه عناصر فرامتنی و ریمارک‌ها را «پردازش» می‌کند. این همان چیزی است که به خواننده کمک می‌کند تا به مشروط بودن و نمایشی بودن متن نمایشنامه در روند مشارکت آن در گفتمان نمایشنامه پی ببرد. هر چه ساختار فرامتن پیچیده‌تر و عناصر تشکیل دهنده آن متنوع‌تر باشد، ظرفیت گفتمانی عناصر فرامتنی گفتمان نمایشی بیشتر خواهد بود.

واژگان کلیدی: فضای ارتباطی-شناختی، ذهن، فرامتن در نمایشنامه، ریمارک، مشروط بودن، نمایشی بودن، ظرفیت گفتمانی.

1. Email: yarrow@inbox.ru, ORCID ID: 0000-0002-5791-4845

* نویسنده مسئول
نوع مقاله: علمی- پژوهشی

ANTROPONYM TRANSFORMATION IN THE LINGUISTIC ASPECT

Ivanova Lyudmila Petrovna^{1*}

Professor of National Pedagogical Dragomanov University,
Kiev, Ukraine.

(date of receiving: July, 2022; date of acceptance: August, 2022)

Abstract

The article discusses: 1. Individual anthroponyms under appropriate conditions can become ethnonyms, as a rule, having passed the stage of connotonymization. Those were Ivan, German, Fritz, John, John Bul, in jargon - Karapetyan, Mamed, Osman (in Don dialects), Khachik. 2. All the indicated anthroponyms - ethnonyms have morphologically mastered, there is no such uniformity in the graphic characteristics. 3. In the process of ethnonymization, a chronological factor plays a certain role: the last four anthroponyms perform this function in modern jargons. 4. Becoming a nomination of an ethnos, the original anthroponym can expand (John - John Buhl), as well as enter into derivational (Ivan → Ivanov → Ivan Ivanovich, Mamed - Mamedia) relations, as well as be phraseologized (Ivanov - Petrov - Sidorov). 5. Parallel to ethnonominization, stereotypes of perception of one or another nationality are taking shape. 6. The study of the process of ethnonymization in connection with the process of stereotyping is of undoubted scientific interest, primarily in the field of linguoimagology, linguoculturology, ethnopsycholinguistics.

Keywords: Anthroponym, Connotonym, Ethnonymization, Morphological, Graphic Development.

1. E-mail: lupiv1303@gmail.com; ORCID ID: 0000-0003-1376-8214

* Corresponding author

ТРАНСОНИМИЗАЦИЯ АНТРОПОНИМА В ЛИНГВОИМАГОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Иванова Людмила Петровна^{1*}

Профессор, Национальный педагогический университет им.

М. П. Драгоманова,

Киев, Украина.

(дата получения: июль 2022 г.; дата принятия: август 2022 г.)

Аннотация

Статья посвящена анализу путей перехода антропонимов в этнонимы. Необходимое промежуточное звено данного процесса – коннотонимизация и символизация. Материалом для анализа послужил «Словарь коннотативных собственных имен» Е.С. Отина. По нашим данным, этнонимами стали русский Иван (Иванов, Иван Иванович, Иванов – Петров – Сидоров), английские Джон (Джон Буль), немецкие герман, фриц, в жаргонах – Карапет, Мамай, Мамед, Осман, Хачик. Жаргонные этнонимы сформировались сравнительно недавно, то есть определенную роль играет хронологический фактор. Последний очень важен и для немецких этнонимов: герман функционировал во время Первой мировой войны, фриц — во Второй мировой войне. Все этнонимы подверглись морфологическому, в определенной степени – графическому освоению. Особенно ярко графическая неопределенность проявляется в жаргонных этнонимах: поскольку жаргон функционирует преимущественно в устной форме, единообразие в написании сохранить трудно. Изучение процесса этнонимизации в соединении с процессом стереотипизации и символизации представляет несомненный научный интерес в сфере лингвоимагологии, лингвокультурологии, этнопсихолингвистики, а также лексикологии.

Ключевые слова: Антропоним, Коннотоним, Этнонимизация, Морфологическое, Графическое Освоение.

Введение

Лексика – одна из наиболее интенсивно изучаемых подсистем всякого языка, однако наше внимание привлекли процессы, которые хоть и называются, однако не описываются и не характеризуются: почему русский (а для западноевропейцев восточный славянин, в советский период – всякий советский человек) стал Иваном, немец – фрицем, англичанин – Джоном (Джоном Буллем)? Такие антропонимы с некоторой натяжкой можно считать этнонимами, поскольку они стали именовать определенный народ. Так, например, Т. В. Матвеева приводит довольно распространенную характеристику: «этнонимы – названия различных видов этнических общностей: нации, народов, племен и др.» (Матвеева 2010. 548).

Оговоримся, что далеко не всякий народ обладает подобной номинацией. Попытаемся выявить хотя бы некоторые закономерности данного процесса.

Цель исследования обозначена в заглавии статьи – установить пути перехода антропонимов в этнонимы.

Результат указанного перехода запечатлевается не столько в языке и культуре народа–донора, сколько в языковом сознании реципиента. Данное явление лежит в плоскости лингвоимагологии, изучающей вербализацию образа народа или страны в восприятии другого народа.

Задачи исследования:

- 1) Описать коннотонимизацию соответствующих антропонимов как главный этап описываемого перехода;
- 2) Выявить перечень антропонимов, выполняющих функцию этнонимов.

Таким образом, проблема рассматривается на стыке лексикологии, лингвоимагологии, лингвокультурологии, этнолингвистики с привлечением исследовательского аппарата перечисленных направлений языкознания.

Материалом для анализа послужил блестящий «Словарь коннотативных собственных имен» Е. С. Отина.

Основная часть

Обратимся к коннотонимизации. Е. С. Отин пишет: «...онимы не только способны выполнять свою прямую и изначальную функцию – быть именами объектов окружающего нас мира, но и проникаются вторичным, дополнительным понятийным содержанием, становятся в речи экспрессивно-оценочными заместителями имен нарицательных. Они обогащаются понятийными, или референтными коннотациями, органично слившимися с коннотациями эмоционально-экспрессивного плана» (Отин 2004. 5).

Антропоним, будучи в исходном состоянии абсолютно нейтральным, становясь этнонимом, проходит этап коннотонимизации, приобретая символическое значение, оценку и новую стилистическую окраску. Символ, образ глубоко и разноаспектно анализируют. Символ в нашей науке тесно переплетается с образом. Не случайно Т.В. Матвеева подчеркивает: «Символ — в языке и речевых произведениях; знак (слово, художественный образ), воплощающий в себе идею определенного явления» (Матвеева 2003. 300). В нашем исследовании чрезвычайно важен следующий признак образа: «...отражение явления действительности в виде обобщенного (выд. мной — Л. И.) представления о нем» (Там же. 182), то есть русский Иван, фриц и т.п. содержат образный компонент. «Образность помогает представить обозначаемое явление на базе другого явления действительности, в конкретно выраженном сопоставлении с ними. Это способствует созданию усиленного впечатления об обозначаемом». Следовательно, всякий русский обладает суммой определенных черт и особенностей, которые обобщаются в самом распространенном у восточных славян антропониме — Иван. (То же Джон Буль, хачик, герман и т.д.). Таким образом, любое слово языка может получить приращения смысла и стать образным» (Матвеева 2003. 183). Это касается и антропонимов. Оценочный компонент этнонима реализуется как в негативном, так и в позитивном ключе. «Установлено, что стилистическая коннотация в

словах обладает признаком асимметричности: большинство оценок – пейоративного (неодобрительного), меньшинство – мелиоративного (положительного) планов. Это свойственно и коннотативным собственным именам (коннотонимам): большинство из них (особенно антропонимы) чаще всего употребляются как пейоративные оценочные слова» (Отин 2004. 7). Рассматриваемые нами антропонимы получают и пейоративную оценку (герман, фриц), и становятся стилистически сниженными (русский Иван).

Итак, анализируемый процесс схематически возможно представить так:

антропоним → коннотоним → этноним.

На последнем этапе очень важно графическое оформление: написание со строчной или прописной буквы, в кавычках или без кавычек, курсивом или прямым шрифтом. В данном случае мы полностью ориентируемся на «Словарь» Е. С. Отина, поскольку он учитывает «все существующие варианты ... графического оформления» (Там же. 11).

Обратимся к русскому **Ивану**. Интересно, что словари возводят его к древнееврейскому – «Яхве (бог) смилостивился, ехве (бог) помиловал» (Петровский 1966. 118).

Е. С. Отин первым и главным признаком данного антропонима считает широкую распространенность: «Иван... Полная (литературная) форма широко распространенного русского мужского имени». В.А. Никонов утверждает, что в старой русской деревне имя Иван носили 16-25% всех крестьян — каждый пятый был Иваном. В наши дни тенденция, скорее всего, ослабла, но в целом сохранилась. По всей вероятности, указанный признак обусловил коннотативное значение - вообще русский человек, с собирательным значением «русский народ». Приводится пример из поэмы В.В. Маяковского 150000000: «*Россия единый Иван, и рука у него Нева, а пятки китайские стети*». Иногда – в сочетании с прилагательным *русский*, например: *Я разозлился на самого себя и вместо модного в то лето джинса с тоником*

заказал тройную водку и махнул ее залпом дескать русский я Иван, удивляйтесь моей богатырской силе! (Аксенов В. Ожог).

Второе значение расширяет этнические границы: «Все восточные славяне, «русскоязычное» население в неславянских странах – бывших республиках СССР». Автор словаря подчеркивает, что подобное значение зафиксировано и в украинских народных поговорках: Пан з паном, а Иван з Иваном; Не буде з Ивана пана; На собаку кинь, а Ивана поймаешь; Як не буде Ивана, то не буде пана (Отин 2004. 153).

Иван становится узуальным коннотативным антропонимом с интралингвальной коннотацией, характерным для инонациональной (не русской) языковой среды, но хорошо известным и русским (УКА₅): обобщенное именование не только русского, но и любого человека из России или СССР, а также самой России у некоторых народов других стран. Так, например, называют Жилина в повести Л.Н. Толстого «Кавказский пленник»: *«Собралась вся деревня: мальчишки, девчонки, бабы; и татары пришли, языком щелкают: Ай, урус, ай, Иван!»* (Там же. 155).

Антропоним Иван мог расширяться за счет отчества: **Иван Иванович...** Аллегривый вариант: **Иван Иваныч**. 1. Условное обозначение всякого мужчины (как правило, русской национальности). Так, например, в письме из Одессы в Петербург, написанном в январе — начале 1824 г. А.С. Пушкиным брату Л.С. Пушкину, автор «закодировал» имя царя Александра Первого: «Ты знаешь, что я дважды просил Ивана Ивановича о своем отпуске через его министров — и два раза воспоследовал все милостивейший отказ» (Там же. 161).

Как широко распространенная приводится Е. С. Отиним фамилия **Иванов**. Она получает коннотативное узуальное значение: «Всякий русский; условное именование русского, замещающее его реальную фамилию и лишаящее его индивидуальных черт. *Если взрослый душевно и умственно здоровый*

присяжный заседатель убежден, что этот потолок бел, что Иванов виновен, то бороться с этим убеждением и победить его не в силах никакой Демосфен (Чехов А. П. Сильные ощущения).

В крещении героя участвовала жена Афиногенова американка Дженни. Она с очень милым акцентом утверждала, что фамилия танкиста (героя пьесы К. Симонова «Парень из нашего города» - Е.О.) должна быть Иванов самая обобщающая русская фамилия (Долматовский Е. Некоторые страницы всей жизни) (Отин 2004. 168).

В значении УКА₅ [узуальный коннотативный антропоним с интралингвальной коннотацией, характерный для инонациональной (не русской) языковой среды, но хорошо известный и русским] указывается: «Обобщенное именование всякого русского (раньше – всякого советского, чаще славянского происхождения). Правда, впоследствии они (американцы — ЕО.) стали взбрыкивать: «Нет, Иванов визу не получит». Но мы почти всегда находили с ними общий язык, заявляя: «В таком случае и ваш Смит нам не нужен» ... И уж совсем ни к чему громкие скандалы «пану Ковальскому», как именуют среднего поляка. И нашему «просто Иванову» (Отин 2004. 16).

В данных примерах обращает на себя внимание еще один факт: ни Смит, ни пан Ковальский коннотативизации не подверглись.

Иванов может в составе Иванов, Петров, Сидоров фразеологизироваться: «В сочетании с фамилиями **Петров** и **Сидоров** (или противопоставлении им) выступают как условное обозначение группы людей (чаще русской, реже нерусской национальности)» (Там же. 169).

Автор словаря считает, что данная антропонимная триада сложилась к началу XX века. В XIX веке с антропонимом Иванов для условного обозначения группы лиц русской национальности могли сочетаться и некоторые другие фамилии. Например: *Что, ежели и он принадлежит к тому бесчисленному сонмищу Ивановых, Федоровых, Гавриловых и проч., которые*

не прихотливо прозябают при всяком проезжем шляхе ... Оставалось, впрочем, в запасе одно утешение: Ивановы и Гавриловы люди бесцветные, индифферентные, а он заведомый либерал (Салтыков-Щедрин М.Е. Старческое горе, или Непредвиденные последствия заблуждений ума); ... *Федя живо представил меня дочери, Нине Михайловне Поповой. Потом Лизе и еще полдюжине других Ивановых, Петровых, Никитиных и т.д.* (Надсон С. Дневник 1876).

Таким образом, коннотоним Иван, обозначая всякого русского, с одной стороны, расширяет значение за счет восточных славян и даже выходцев из СССР; с другой стороны, с указанным значением формируется словообразовательное гнездо Иван → Иванов и даже фразеологическая триада – Иванов, Петров, Сидоров.

Причины коннотонимизации видим прежде всего в широкой распространенности данного антропонима, однако в процессе символизации и коннотонимизации утрачивается индивидуальность его носителя, создается некий обобщенный образ. Тем не менее, во всех случаях Иван пишется с заглавной буквы.

Перейдем к немецким антропонимам. Прежде всего в сознании всплывает Фриц.

Е. С. Отин отмечает: **Фриц** ... Личное мужское имя немецкого происхождения ... Широко распространено среди немцев (как у русских **Иван**).

Первое значение в рассматриваемом словаре – немец. *Лучше оставим янкам внегалактическую астрономию, а фрицам психиатрию* (Ерофеев В. Москва-Петушки).

Второе значение: «В годы Великой Отечественной Войны (1941-45) и в первые послевоенные годы «солдат гитлеровской армии», «немец» (неодобрительно), а также с собирательным значением «солдаты немецкой

армии». *На радостях небось показалось, что всем фрицам и полицаям капут, машине тоже* (Быков В. Обелиск)» (Отин 2004. 367). Обратим внимание на то, что в текстах фриц пишется со строчной буквы и без кавычек, то есть антропоним полностью графически освоился.

Во время Первой мировой войны указанную позицию занимал герман: «В годы первой мировой войны этот антропоним получил широкое распространение с собирательным значением «немецкие солдаты, немцы». *Дважды в бегах был — ловили. В тюрьмах и крепостях у германа сидел* (Голубкова М.Р. Два века и полвека). *Видать, герман подготавливает атаку, а пока сидит у себя, в окопах, не вылезает* (Катаев В. Юношеский роман моего старого друга Саши Пчелкина, рассказанный им самим).

Как и фриц, антропоним герман полностью освоился и графически, и морфологически (склоняется как имя существительное мужского рода, пишется со строчной буквы и без кавычек). Тем не менее, определенную роль играет хронологический фактор: если фриц благодаря воспоминаниям участников и работников тыла времен Великой Отечественной войны, кинофильмам, художественной литературе, публицистике пока еще общеизвестен, то герман больше знаком знатокам истории и поклонникам соответствующей литературы. В сознании наших образованных современников скорее всплывает образ Германна из «Пиковой дамы» А. С. Пушкина.

Как и немецкие, английские антропонимы представлены двумя именами – **Джон и Джон Бульль**.

Джон ... Английское личное мужское имя. По утверждению Е. С. Отина, в жаргоне – всякий иностранец, формируется дериват – джонить – выдавать себя за иностранца.

Интересно Примечание: «В последние годы в газетных публикациях стал появляться английский отконнотонимный апеллятив **джон** (< John) – «клиент проститутки, путаны», который нельзя связывать с русским джон

«иностранец». *С самими путанами ничего сделать нельзя: проведя ночь в полицейском участке, они снова появляются на «своем» участке в центре города. Пытались отлавливать «джонов», когда они ищут партнершу на автомобиле. Машины у них конфисковывались и выставлялись на аукцион. Но, во-первых, не все «джоны» появляются на колесах, а, во-вторых, некоторые из них потом начинают судиться с полицией и выигрывают* («Труд», 2001г., 15 авг.) (Отин 2004. 124).

Антропоним Джон морфологически освоился, о графическом освоении судить трудно, поскольку в словаре примеры первого значения не приводятся, в публицистике наблюдается написание со строчной буквы и кавычки. Несмотря на утверждение об отсутствии связи между «русский джон» «иностранец» и отконнотонимным джон, такая связь несомненна (метафорический перенос?), хотя пока и не доказана.

Джон Буль... Английское антропонимное сочетание с типичными компонентами. *И «Двузначная логическая алгебра» Джона Буля вышла в один год с «Коммунистическим манифестом», только никто ее не заметил* (Солженицын А. В круге первом). Наблюдается частая употребительность имени и фамилии, а также самой антропонимной пары.

В качестве узуального коннотативного антропонима с интерлингвальной коннотацией приводится **Буль**. «Редкий (устаревший) вариант. Англичанин или англичане; английский обыватель, буржуа. *«Великий, глупый народ» так сказал о нем поэт. Добрый, сильный, упорный, но тяжелый, неповоротливый, нерасторопный Джон Буль, и жаль его, и смешно!* (Герцен А.И. Былое и думы); *Не только умеренный немец, но и рыжий Джон-Буль стал бы в тупик, увидя, как уплетал мой едва проснувшийся сородич сухари с чаем...* (Шевченко Т.Г. Прогулка с удовольствием и не без морали) (Отин 2004. 124-125).

Таким образом, Джон Буль морфологически освоился, в XIX в. возможны были два графических варианта, но и в XIX, и в XX вв. данный антропоним

писали только с заглавной буквы.

Обратим внимание на еще один интересный факт: и в примере из А. И. Герцена, и из Т. Г. Шевченко формируются стереотипы восприятия англичанина.

В XIX в. появляется, а в XX в. утверждается еще один этноним – Смит, хотя он не нашел отражения в словаре Е.С. Отина.

А. С. Пушкин пишет о промышленной революции в Англии: «Прочтите жалобы английских фабричных работников: волосы встанут дыбом от ужаса. Сколько отвратительных истязаний, непонятных мучений! Какое холодное варварство, с одной стороны, с другой какая странная бедность! Вы подумаете, что дело идет о строении фараоновых пирамид, о евреях, работающих под бичами египтян. Совсем нет: дело идет о сукнах г-на Смита или об иголках г-на Джексона. И заметьте, что все это не злоупотребления, не преступления, но происходит в строгих пределах закона» (Пушкин 1962. 395).

Типичность происходящего передается прежде всего за счет самых распространенных английских фамилий – Смит и Джексон.

Аналогичная ситуация, но уже в интервью с бывшим заместителем начальника внешней разведки КГБ СССР, приводимом Е.С. Отиным (мы на него ссылались, когда писали об Иванове): «*В таком случае и ваш Смит нам не нужен*» («Аргументы и факты», 1991г., № 4).

Значительно менее распространены и употребительны Карапет, Мамай, Мамед, Осман и Хачик.

Карапет... Армянское и турецкое мужское личное имя ... Этим именем наделен один из популярных персонажей турецкого фольклора. О нем говорит М. Горький (в статье «О том, как я учился писать», 1928 г.): «*А рядом с несчастной фигурой Фауста была создана фигура, тоже известная всем народам: в Италии это – Пульчинелло. В Англии – Понч, в Турции – Карапет, у нас – Петрушка*».

Формируется узуальный коннотативный антропоним с интралингвальной

коннотацией, употребление которого ограничено жаргоном. Совершенно непонятно, на каком основании развилось второе значение – «человек маленького роста» и вполне логично – «Ребенок, сын», «Низкорослый толстый мальчик» (Отин 2004. 194).

Следующее значение – Армянин. Ср. также отконнотонимный апеллиатив *хачик* «армянин», «представитель одного из народов Кавказа», в основе которого лежит распространенное армянское имя (Отин 2004. 193-194).

Антропоним *карапет* морфологически освоился, утвердилось единообразное написание со строчной буквы.

Мамай — представитель народов, исповедующих ислам (чаще — татарин). *Покуда шел митинг, он нервничал, поглядывал на солнце и покрикивал на кочевников, которые просто из любопытства пытались въехать в столовую верхом. Старик замахивался на них салфеткой и дребезжал: – Отойди, Мамай, не видишь, что делается?* (Ильф И., Петров Е. Золотой теленок). Антропоним освоился морфологически, но не графически. Е.С. Отин приводит троякое его написание: *Как и остальных горцев, он всех их называл «мамаями», словно каких-нибудь казанских или самарских татар* (Титов А. Лето на водах).

В основе данного этнонима Мамай — правитель Золотой Орды, предводитель татар во время Куликовской битвы в 1380 г. *А в селе уж не осталось, Ни одной души живой, Словно шел Мамай войной!* (Ершов П.П. Конек-горбунок) (Отин 2004. 222).

Мамед ... Мужское личное имя, особенно частое в именнике азербайджанцев (производное от **Мухамед**).

В молодежном жаргоне сложилось значение «Уроженец Кавказа или Средней Азии».

На базе данного антропонима в том же источнике формируется топоним – **Мамедия**. Южные республики (обычно Закавказья и Средней Азии) (Отин

2004. 223).

Антропоним Мамед освоился морфологически, о графическом освоении судить сложно с опорой на примеры, приводимые составителем словаря.

Осман ... Личное мужское имя, популярное у тюркских народов (например, у турок).

Формируется узуальный коннотативный антропоним с интралингвальной коннотацией и широким диапазоном известности **турок**.

В донских говорах выявились значения:

- 1) Смелый человек. *Осман, отвага, бежит, хватает;*
- 2) Наглец, бесстыдник. *Осман говорят, когда надурак, нахрапом берет* (Отин 2004. 264).

Данный антропоним освоился и морфологически, и графически.

Хачик ... Мужское личное имя у армян.

Формируется узуальный коннотативный антропоним с интралингвальной коннотацией, употребление которого ограничено жаргоном: Армянин.

- 1) *На рынке в ларьках одни – хачики. Там весь район вокруг армянский.*
- 2) Торговец, принадлежащий одной из кавказских национальностей. *И уже законодателями мод становятся "хачики" (пусть на меня не обидятся представители великих грузинского, армянского и других народов). Я называю этим словом, которое в ходу на толкучках, исключительно рыночных завсегдатаев* (ж. «Столица», 1992г., №38).

Следовательно, антропоним освоился морфологически, написание утвердилось в кавычках и со строчной буквы. В «Правилах русской орфографии и пунктуации» указывается: «Кавычками выделяются: слова, употребляемые не в своем обычном значении; слова, употребляемые иронически; слова, впервые предлагаемые или, наоборот, устарелые и

необычные» (Правила 2007. 84).

В нашем случае антропоним употребляется в необычном значении, хотя и некоторая доля иронии тоже присутствует.

Заключение

В заключение отметим следующее:

- 1- Отдельные антропонимы при соответствующих условиях могут становиться этнонимами, как правило, пройдя этап коннотонимизации. Таковыми стали Иван, герман, фриц, Джон, Джон Буль, в жаргонах – Карапет, Мамай, Мамед, Осман (в донских диалектах), Хачик.
- 2- Все указанные антропонимы – этнонимы морфологически освоились, в графических характеристиках такого единообразия нет.
- 3- В процессе этнонимизации определенную роль играет хронологический фактор: последние четыре антропонима указанную функцию выполняют в современных жаргонах.
- 4- Становясь номинацией этноса, исходный антропоним может расширяться (Джон – Джон Буль), вступать в деривационные (Иван → Иванов → Иван Иванович, Мамед – Мамедия) отношения, а также фразеологизироваться (Иванов – Петров – Сидоров).
- 5- Параллельно этнонимизации складываются стереотипы восприятия той или иной национальности.
- 6- Изучение процесса этнонимизации в соединении с процессом стереотипизации представляет несомненный научный интерес прежде всего в сфере лингвоимагологии, лингвокультурологии, этнопсихолингвистики.

Литература

- 1- Матвеева Т. В. (2003). *Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика* / Т.В.Матвеева. - М. : Флинта : Наука.
- 2- Матвеева Т. В. (2010). *Полный словарь лингвистических терминов* / Т.В. Матвеева. – Ростов : Феникс.
- 3- Отин Е. С. (2004). *Словарь коннотативных собственных имен*. – Донецк : ООО «Юго-Восток, Лтд».
- 4- Петровский Н. А. (1966). *Словарь русских личных имен. Около 2600 имен* / Н. А. Петровский. – М. : «Советская энциклопедия».
- 5- *Правила русской орфографии и пунктуации*. (2007). – М. : Издат. РИОР.

- 6- Пушкин А. С. (1962). *Собрание сочинений в 10-ти томах* / А. С. Пушкин. – Том VI. Критика и публицистика. – Гос. изд-во худ. лит-ры. – М.

Bibliography

- 1- Matveeva T. V. (2003). *Uchebnyj slovar': russkij jazyk, kul'tura rechi, stilistika, ritorika* / T.V.Matveeva.- М. : Flinta : Nauka.
- 2- Matveeva T. V. (2010). *Polnyj slovar' lingvisticheskikh terminov* / T.V. Matveeva. – Rostov : Feniks.
- 3- Otin E. S. (2004). *Slovar' konnotativnyh sobstvennyh imen.* – Doneck : OOO «Jugo-Vostok, Ltd».
- 4- Petrovskij N. A. (1966). *Slovar' russkih lichnyh imen. Okolo 2600 imen* / N. A. Petrovskij. – М. : «Sovetskaja jenciklopedija».
- 5- *Pravila russskoj orfografii i punktuacii.* (2007). – М. : Izdat. RIOR.
- 6- Pushkin A. S. (1962). *Sobranie sochinenij v 10-ti tomah* / A. S. Pushkin. – Том VI. Критика і publicistika. – Gos. izd-vo hud. lit-ry. – М.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Ivanova, Lyudmila Petrovna (2022). ANTROPONYM TRANSFORMATION IN THE LINGUISTIC ASPECT. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 10(2), 41–56.

DOI: 10.52547/iarll.20.41

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/240>

تبدیل اسم‌های آنتروپونیم (نام‌های اشخاص) از دریچهٔ ایماگولوژی زبان‌شناختی

لیودمیلا پتروونا ایوانووا*

استاد دانشگاه ملی علوم تربیتی م. پ. دراگومانوف،
کیف، اوکراین.

(تاریخ دریافت: ژوئیه ۲۰۲۲، تاریخ پذیرش: اوت ۲۰۲۲)

چکیده

این مقاله به مطالعه و بررسی روش‌های تبدیل آنتروپونیم‌ها (نام‌های اشخاص) به اتنونیم‌ها (نام‌های تباری و قومی) می‌پردازد. گسترش معنایی و نمادسازی یکی از مراحل میانی این فرآیند تبدیل است. منبع مورد مطالعه در این پژوهش «فرهنگ نام‌های خاص هم‌معنی» تألیف ای. اس. اوتین است. نتایج حاصل از پژوهش حاضر نشان می‌دهد اسم‌های روسی چون ایوان (ایوانف، ایوان ایوانوویچ، ایوانف - پتروف - سیدوروف)، اسامی انگلیسی چون جان (جان بول)، اسامی آلمانی چون گرمان، فریتس، در میان ژارگون‌ها اسم‌هایی چون کاراپت، مامای، ممد، اوسمان، خاچیک، به اتنونیم‌ها (نام تباری و قومی) تبدیل شدند. اتنونیم‌هایی که از ژارگون‌ها ساخته شده‌اند اخیراً شکل گرفته‌اند، یعنی مؤلفهٔ زمان نقش مهمی در ساخت آن‌ها ایفا می‌کند. نقش مؤلفهٔ زمان برای ساخت اتنونیم‌های با ریشهٔ آلمانی نیز بسیار پررنگ است: اتنونیم آلمانی «گرمان» در جنگ جهانی اول، و «فریتس» در جنگ جهانی دوم به‌وجود آمد. همهٔ اتنونیم‌ها تا حد زیادی از لحاظ صرفی و نوشتاری در زبان تعریف و تثبیت شدند. در این میان اتنونیم‌های ساخته شده از ژارگون‌ها نمود نوشتاری نداشتند به این دلیل که ژارگون‌ها عمدتاً در گفتار به‌صورت شفاهی به‌کار می‌روند، و ثبت شکل و نمود نوشتاری برای آن‌ها در نوشتار امری دشوار است. مطالعهٔ فرآیند ساخت اتنونیم‌ها در پیوند با فرآیند کلیشه‌سازی و نمادسازی بی‌تردید از اهمیت علمی ویژه‌ای در ایماگولوژی زبان‌شناختی، زبان‌شناسی فرهنگی، زبان‌شناسی و روان‌شناسی قومی و واژه‌شناسی برخوردار است.

واژگان کلیدی: اسامی آنتروپونیم (نام‌های اشخاص)، اسامی هم‌معنی، ساخت اتنونیم‌ها، ثبت صرفی و نوشتاری.

1. E-mail: lupiv1303@gmail.com; ORCID ID: 0000-0003-1376-8214

* نویسنده مسئول

نوع مقاله: علمی - پژوهشی

ALLEGORICAL IMAGES OF M. Y. LERMONTOV: TO THE THEME OF THE WEST AND THE EAST IN THE LYRICAL WORKS OF THE POET

Koshemchuk Tatiana Alexandrovna^{1*}

Professor of Saint-Petersburg Agrarian University

St. Petersburg, Russia.

(date of receiving: July, 2022; date of acceptance: August, 2022)

Abstract

The article analyzes the use of allegorical images in the poetry of M.Y. Lermontov in connection with the theme of the West and the East. It is shown that the poet's appeal to the West, having passed through the stage of deep infatuation, ended in disappointment in the allegory of the poem "The Dying Gladiator". The appeal to the East and the desire to know its spiritual foundations was expressed in a number of allegorical poems of oriental themes. The article suggests the interpretation of the poet's images not in line with the romantic concept of personality, but in a culturological and historiosophical way, reveals Lermontov's concept in his cycle "East" – in a kind of Western-Eastern divan of the poet. This reading of poetic parables reveals the depth of Lermontov's historiosophy, his understanding of the tragic complexity in the interaction of the East and the North (in the poem "Dispute"), as well as his understanding of eastern wisdom (in the poem "Three Palm Trees"). As a result, it is shown that the theme of the East, while retaining its spiritual significance for the poet to the end, did not find a final solution in his poems.

Keywords: M.Y. Lermontov's Poetry, Allegory, Symbolic Images, West, East.

1. E-mail: koshemchukt@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-4606-2525

* Corresponding author

ИНОСКАЗАТЕЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА: К ТЕМЕ ЗАПАДА И ВОСТОКА В СТИХАХ ПОЭТА

Кошемчук Татьяна Александровна^{1*}

Профессор, Санкт-Петербургский аграрный университет,
Санкт-Петербург, Россия.

(дата получения: июль 2022 г.; дата принятия: август 2022 г.)

Аннотация

В публикуемой статье анализируется использование иносказательных образов в поэзии М. Ю. Лермонтова в связи с темой Запада и Востока. Показано, что обращение поэта к теме Запада, пройдя через стадию глубокого увлечения, завершилось разочарованием в иносказании стихотворения «Умиравший гладиатор». Обращение к теме Востока и стремление познать его духовные основания выразилось в ряде аллегорических стихотворений. В статье предлагается истолкование образов поэта не в русле романтической концепции личности, но в культурософском и историософском ключе, вскрывается лермонтовская концепция в его цикле «Восток» – в своего рода западно-восточном диване поэта. Такое прочтение поэтических иносказаний раскрывает глубину лермонтовской историософии, его понимание трагической сложности во взаимодействии Востока и Севера (в стихотворении «Спор»), а также его понимание восточной мудрости (в стихотворении «Три пальмы»). В итоге показывается, что тема Востока, до конца сохраняя свою духовную значимость для поэта, не нашла итогового разрешения в его стихах.

Ключевые слова: Поэзия М. Ю. Лермонтова, Иносказание, Символические Образы, Запад, Восток.

Введение

Притчевый общемировой образный арсенал несет в себе, вытекая из религиозных недр, неисчерпаемые проповеднические, просветительские, назидательные и иллюстративные потенции. Он также, перетекая в жанры собственно лирические, становится питающим источником для выражения поэтических идей философского характера, предоставляя материал для параллелизма мысли и поэтической картины. При этом иносказательные, аллегорические и символические, стихотворения в эпоху классицизма, европейского и русского, отвечали стремлению поэтов обрести прочные ценности, укорененные в разумном начале личности. Европейское самосознание, вспыхнувшее в эпоху Возрождения, в эпоху Просвещения стремилось опереться на рассудок, который несет в себе всеобщее начало, объединяющее всех в своих выводах и тем самым дающее высшую санкцию утверждаемым урокам мудрости. Подобные же функции выполняли притчевые образы и в восточной поэзии. Героями иносказательных стихотворений произносятся монологи и ведутся диалоги, и при этом эти самовысказывания различных сущностей мира (предметов, идей, существ) могут следовать реалистическим тенденциям, которые вполне уместны в европейских, в русских и в восточных аллегорических произведениях, когда толкуемая иносказательная ситуация встречи двух позиций предстает и как бытовая правдоподобная реальность. Но в аллегорических ситуациях эта ориентация на верность бытовым коллизиям может совершенно отсутствовать при доминировании философической установки: речь персонажа может стать своего рода открыто данным поэтико-философским кратким трактатом, отнюдь не обладающим качеством правдоподобия, но становящимся вербализацией определенной философски обусловленной позиции, и эти речи могут строиться не в русле реалистического образа, но по законам философского высказывания.

Иносказательные образы использовали не только поэты-нравоучители и просветители, но и поэты-романтики, выражая в них вполне оригинальные, личностные особенности выстраиваемого собственного поэтического образа. Рассмотрим подобного рода приемы в лирике М. Ю. Лермонтова – в ее особом тематическом разделе, который можно обозначить как его своего рода Западно-Восточный цикл – ряд стихотворений культурологического, точнее, культурософского содержания.

Основная часть

М. Ю. Лермонтов обращался многократно к иносказательным ситуациям, аллегорическим и символическим образам, создавая стройные, выверенные, краткие поэтические концепции, излагаемые от имени листка, или горы, утёса, птицы или иных земных существей. При этом поэт отнюдь не был склонен к рассудочной морализации басенного типа, но имел очевидные философские интенции уже в раннем творчестве, и предметом его осмысления становились не только основные вопросы жизни, но и история человеческой культуры в ее всеобъемлющем целом. В своих широких историософских и культурософских размышлениях поэт обращался к таким проблемам, как соотношение Запада (Европы в целом, главным образом – Италии и Шотландии), Севера (России), Востока (он же Юг – Кавказ как часть мусульманского мира и отчасти иные культуры Ближнего Востока – Святая Земля, Аравия и Персия). Мысли этого культурологического круга можно усмотреть в десятке стихотворений Лермонтова, и развивал он их чаще всего в иносказательной форме. В итоге он успел положить начало созданию своего Западно-Восточного дивана (можно так назвать этот цикл по аналогии с Гете), дав ему заглавие «Восток». В этих стихотворениях я выделяю две основных темы: культурософские образы Запада и Востока в стихах Лермонтова и Север в отношениях с Западом и Востоком. В этой статье пойдет речь о первой теме (отдельная статья будет посвящена второй).

Обращенность Лермонтова к восточной культуре основывалась не только на ее западных преломлениях – восточных отражениях в европейской литературе, но и на русских переводных переложениях из восточной поэзии. Его эпоха, с начала XIX столетия подарила ему не только переводческие успешные труды, но и расцветшие востоковедческие штудии в Европе и в России, охватившие и круги тех учебных заведений, где учился Лермонтов (Московский университет и даже гвардейскую школу), исторические дисциплины в них включали в себя историю Востока. Об этом подробно рассказано в замечательной статье «Лермонтов и культуры Востока» Л. П. Гроссмана (Гроссман 1941), исчерпывающе описавшего, с опорой на обучающие программы лермонтовского времени, эту эпоху в связи с восточной темой на Западе и в России. Из лирических сочинений поэта Гроссман в деталях рассматривает лишь стихотворение «Спор», иные же не затрагивает. Он обращается к поэмам и к прозе поэта – то же можно сказать и о других значительных статьях по теме: С. Н. Дурьлина (Дурьлин 1916), Ю. М. Лотмана (Лотман 1985) и А. С. Панарина (Панарин 2005). Еще раз подчеркну, что эти значительные работы лирику поэта не включают в рассмотрение.

Второй существенный фактор обращенности Лермонтова к Востоку – биографический. Исследователи жизни и творчества поэта, кажется, исчерпали все биографические аспекты западно-восточной темы, и здесь я коснусь из них лишь тех, что важны для историософских размышлений поэта. В них сказались теоретические интересы эпохи к судьбам России на фоне Запада и Востока, реализуемые уже в ранней славянофильской мысли. Собственная же судьба поэта обеспечила ему личную причастность к духовному миру мусульманского Востока – благодаря его кавказским впечатлениям:

Быть может, небеса востока
Меня с ученьем их Пророка
Неволью сблизили...

Подчеркну здесь именно мировоззренческий аспект: мысль поэта устремлена к *учению* Пророка. Уже в первом кавказском периоде Лермонтов в Тифлисе общался с азербайджанским просветителем М. Ф. Ахундовым – знатоком восточной духовной традиции, языков и литературы персидской, арабской; есть предположение, что именно Ахундов дал Лермонтову первые уроки «татарского», то есть азербайджанского языка, который, по словам поэта, «...вообще в Азии необходим, как французский в Европе» (Лермонтов 1959. 598) и на котором существовали религиозные тексты христиан и мусульман. Во второй ссылке знание «татарского» языка пригодилось Лермонтову, когда, волей его воинской судьбы, ему пришлось непосредственно столкнуться с восстанием Шамиля, третьего мюридского имама, который на Кавказе вел борьбу с «неверными». Важен здесь лермонтовский интерес к кавказскому мюридизму, разновидности суфизма, распространившемуся на Кавказе с 20-х годов XIX века. Эти интересы поэта отражались в его письмах, шуточных и серьезных. Приведу здесь три фрагмента, важных для моей темы. Так, о своем участии в названной военной кампании он пишет весьма легкомысленно, в тон общения с адресатом, А. Лопухину: «Завтра еду в действующий отряд на левый фланг в Чечню брать пророка Шамиля, которого, надеюсь, не возьму, а если возьму, то постараюсь прислать к тебе по пересылке» (Лермонтов 1959. 620-621). Вот начало еще одного шуточного письма Лермонтова к П. И. Петрову, говорящее об увлечении Востоком: «...приехав в Петербург после долгих странствований и многих плясок в Москве, я благословил, во-первых, всемогущего Аллаха, разостлал ковер отдохновения, закурил чубук удовольствия и взял в руки перо благодарности и приятных воспоминаний» (Лермонтов 1959. 599).

Во второй кавказский период Лермонтов уже хорошо говорил на «татарском» – это было одно из условий его вступления в отряд Руфина Дорохова, в котором были люди разные по национальности и религии, в том числе и «татары» – магометане. Этим отрядом он потом командовал после ранения Дорохова. Но мир Востока был объектом пристального рассмотрения Лермонтова не только в связи с войной, когда философия противника, мусульманский бытовой фатализм, оказалась созвучна человеку войны: «...Я жизнь постиг; / Судьбе как турок и татарин, / За все равно я благодарен; / У Бога счастья не прошу / И молча зло переношу...». Заботы войны при этом, как он пишет в стихотворении «Валерик», уводят от жизни мысли: «Все, размышлению мешая, / Приводит в первобытный вид / Больную душу: сердце спит / Простора нет воображенью... И нет работы голове...» Зато... – дальше пишет Лермонтов – созерцание, погруженность в жизнь отмечает ярко в душе все черты происходящего. И впечатления этой жизни на Востоке и интерес к самой сущности восточной жизни захватили Лермонтова глубоко. Он стремился к корням мусульманской религии и культуры: **«Я уже составлял планы ехать в Мекку, в Персию...»** – писал он С.А. Раевскому (Лермонтов 1959. 598). О том же говорят еще два свидетельства. Б. М. Эйхенбаум писал: в мае 1840 года по пути на Кавказ Лермонтов в Москве общался с А.С. Хомяковым и Ю. Ф. Самариним, и «его живо интересовали начавшиеся тогда споры вокруг вопроса о культурах Запада и Востока» (Эйхенбаум 1959. 786). Краевский А. А. передает слова Лермонтова: **«Я многому научился у азиатов, – сказал он, – и мне бы хотелось проникнуть в таинство азиатского мирозерцания, зачатки которого и для самих азиатов и для нас еще мало понятны. Но поверь мне, там, на Востоке, тайник богатых откровений»** (Попов 1954. 156).

Попытки проникновения в таинства восточной духовности предприняты Лермонтовым в его лирике. Обычно стихотворения, о которых далее пойдет

речь, интерпретировались в романтическом ключе – как иллюстрирующие характер «лермонтовского» человека, говорящие о таких чертах, как одиночество, конфликт с миром, скитальчество, что представлено в «Лермонтовской энциклопедии» (Лермонтовская энциклопедия, 1981). Но стоит прочесть иносказательные стихотворения Лермонтова и иначе: в историософском и культурософском ключе. Подтверждают эту необходимость слова А.С. Панарина, который характеризует творчество Лермонтова как «пресеченную попытку великого синтеза» (Панарин 2005. 96) и пишет об оси Запад-Восток: «Сначала поиски своей тайной идентичности приводят его на Запад. Вялая меланхолия русских равнин — срединного места между мировыми геополитическими полюсами – его не устраивает, и он мечтает о вольной океанической дали атлантизма... <...> Каким образом маятник его оппозиционности круто качнулся с Запада на Восток? Здесь кроется, по-видимому, одна из наиболее важных проблем лермонтоведения. Литературоведческое вопрошание здесь тесно переплетается с историософским» (Панарин 2005. 92). Восток и Запад описаны философом как два искушения для русской души, которой предстоит, пройдя через оба, вернуться в русло собственных ценностей, изжив и западное демоническое начало, и восточное нирваническое.

С. Н. Дурылину хотелось видеть финальной точкой лермонтовской историософской мысли – Россию, Север как синтетический образ после обольщения Западом и увлечения Востоком; об этом говорил и А. С. Панарин как об исходе из этих противопоставлений: примирить и завершить тему Востока могла бы Личность непонятого им Христа, приятие Его могло бы стать исходом. Но стихи поэта не подтверждают этого исхода, чаемого русскими мыслителями, стремящимися «продолжить» Лермонтова, но преодоление западничества, «атлантизма», действительно звучит в стихах, несущих культурологические размышления о Западе.

Запад жил в сознании поэта яркой мечтой, вызванной связью с отцом, с Шотландией – этот любимый им мир был исполнен поэзии и вдохновлял поэта, о чем говорит и ранний «Романс» («Коварной жизнью недовольный...»), – о движении по оси Север («снега и вихрь зимы холодной») – Запад («Италия златая», «скалы» Гельвеции, Рим). И еще ярче – стихотворение «Желание»:

На запад, на запад помчался бы я,
Где цветут моих предков поля,
Где в замке пустом, на туманных горах,
Их забвенный покоится прах.

Старые щит и меч, шотландская арфа – эти атрибуты рыцарского мира Европы отмечены поэтом как знаки его пристрастия к своей далекой европейской «отчизне». Поэт описывает свое стремление – полететь из степей России («ворон *степной*»), подобно ворону, через разделяющие просторы – в свою «отчизну»: этим словом обозначен здесь Запад, а не родной Север. Север же чужд: он, поэт, «последний потомок отважных бойцов», рыцарей – лучшего, что дала европейская культура, мог бы «смахнуть пыль» с меча и щита и мог бы «задеть» струны арфы. Но он «умирает среди *чуждых* снегов», где он пусть и рожден, но душой – «нездешний», и снега Севера поэту *чужды*, а Запад – родной и недоступный.

Но Запад ушел из мыслей поэта, о чем говорит стихотворение «Умиравший гладиатор», подведшее черту под этой жизненной темой. Отмечу в «Умиравшем гладиаторе» значимую для культурософской темы подробность (оставя в стороне «романтические» интерпретации). Здесь аллегория Европы – умирающий на потеху толпе гладиатор, и эта ситуация описана Лермонтовым с установкой на исторически точное воссоздание картины смерти на арене римского Колизея. Далее впрямую о Западе идет

речь во второй части, начинающейся сопоставительным «Не так ли...». Гладиатор умирает, измученный – и здесь значимо каждое слово в сгущенной лермонтовской мысли – «в борьбе сомнений и страстей». Такова судьба Запада – провести свое «Я» через *сомнения* в духовной сфере и через *страсти* в сфере души. В осмыслении Лермонтова Запад не выстоял в борьбе с этими искушениями, «бесславно» погибает – «без веры, без надежд», не обретя эти духовные («вера») и душевные («надежда») ценности, проведенные через стадию отрицания. Умиравший Запад, подобно гладиатору, обращен к своим лучшим воспоминаниям молодости – Лермонтов отмечает лучшее, что видит в мире Запада: «рыцарских времен волшебные преданья». Подобно тому как гладиатор вспоминает оставленную родину и семью, так угасающий Запад обращен к миру своего Средневековья, который был воспет в эпоху романтизма как «юность светлая», как молодость стареющей культуры. Но и это увлечение, саму обращенность к своему лучшему перед своим концом, Лермонтов развенчивает здесь, обращаясь к Западу:

Ты жадно слушаешь и песни старины
И рыцарских времен волшебные преданья –
Насмешливых льстецов несбыточные сны.

Да, здесь именно развенчание самого цветения европейской культуры, прекрасных идеалов рыцарства, которые предстают в версии Лермонтова как коварная, хоть и прекрасная *лесть* западной культуры самой себе. А ведь этой рыцарской мечтой был одушевлен и сам поэт! Эта мечта, оказавшаяся *льстивым сном*, влекла его, в ней он видел «отчизну» своей души, к ней когда-то стремился – «на запад», к рыцарственной родине предков. Но она жестко развенчана и оставлена навсегда. Именно об этом говорит иносказание «Умиравшего гладиатора».

И одновременно с оставлением Запада поэтом обретается глубокое увлечение духовным миром Востока. Параллельно развивается в его стихах и

ярко звучит любовь к «милому» Северу, «странная» любовь к Отчизне – к ее просторам и христианским ценностям. (Последнее – иная тема, о которой много сказано и в XX веке, и современными исследователями и о которой речь пойдет в следующей статье.)

Восток, он же Юг в стихах поэта, как высокая духовная ценность выражается в ряде иносказательных стихотворений. Культурософские темы влекут поэта к универсальным поэтическим образам из единого арсенала мировых культур, из простейшего контекста бытия: дерево, небо, туча, река, гора, птица. Так, между двумя горами ведется аллегорический диалог в стихотворении «Спор». Как известно, гора в мировой культуре – символ жизненной и духовной высоты, высочайших откровений. У Лермонтова речь идет о двух из главных вершин Кавказа, это Казбек и Шат (Эльбрус). Эльбрус – высочайший пик Кавказа – впервые была покорена русскими в 1829 году, что воспринималось как человеческое одоление вечных неприступных снегов, ангельских высот, созданных не для человека, – и это цивилизационное, внерелигиозное деяние, духовное посягательство на неприкосновенное ранее. На Казбек много позднее первое восхождение совершили англичане. И речь идет у Лермонтова о непокоренном Казбеке как о крайней, дальней и дикой пока точке Востока.

О стихотворении «Спор» более, чем о других, писали исследователи: Казбек находится между двумя мирами, это неподвижный, спящий Восток, не опасный для него, и молодая, динамичная Россия, которая подчинит себе его, внося искажение в его мир (неизбежность воздействия цивилизации на первозданный природный мир) – и Казбек принимает эту неизбежную и двойственную участь, засыпая навек в неподвижности. Акцентирую, в добавление, несколько историософских нюансов стихотворения. Прежде всего географически: видят ли эти горы друг друга? Да, если смотреть с вершины Казбека, то вдали на западе отчетливо виден ослепительно-белый пологий

конус Эльбруса. Лермонтов не созерцал сам эту картину, но его воображение возносится к большой кавказской цепи и охватывает ее на огромных просторах – от Казбека (восточная часть хребта) до Эльбруса (центральная часть). В иносказательном диалоге гор надо подчеркнуть – трагизм происходящего:

В глубине твоих ущелий
Загремит топор,
И железная лопата
В каменную грудь,
Добывая медь и золото,
Врежет страшный путь.

Здесь речь идет не о покорении вершин духа, но о прагматической и суетной человеческой деятельности, о «*страшном* пути» цивилизации, орудия которой, весьма приземленные и примитивные, – это *топор* и *лопата*. Эту опасность несут природному миру две цивилизации. По первому предположению Шат-горы, огромный восточный мир может захватить Казбек, и уже сделаны первые шаги: по горе «проходят караваны» (речь идет, вероятно, о Военно-грузинской дороге). «Люди хитры», и одно завоевание повлечет следующее – предупреждает старый Шат. Но Восток не опасен, не он будет покорителем Казбека. Далее в стихотворении указанное Шатом и созерцаемое Казбеком вдали – это главная историософская проблема: символическое шествие русских полков по равнине «прямо на восток» описано в трагических тонах. Оно «страшно» медленное, «как тучи», «шумное», «как поток», с точки зрения горы обозначено как враждебное, вражеское, русские – прямо: «враги», которых не счесть. Их видит Казбек – «угрюмый», с «грустным» взором. И – самая трагическая нота в видении Казбека: «...томим зловещей думой, / Полный черных снов...». *Зловещие*

думы и *черные* сны кавказской вершины – это шествие русских полков, и созерцание его венчается – вечным молчанием: «...навек затих», закрывшись облачной «шапкой». Что в этом жесте? Отстранение от созерцания дальнейшего и неизбежного? Отказ видеть и оценивать? Вечное молчание. Здесь яркая трагическая нота – обреченность.

В «Споре», прочитанном как культурософское размышление, утверждается не просто гибельность цивилизации для природы и не просто молодость России. Описано ее шествие – для нее самой – как бодрое и неустранимое, как неостановимое движение молодой культуры по сужденному ей пути. Это не благой и победный марш ее, но и сам по себе он *страшный*, грозный, бодрый и неостановимый, как стихия. И, сам того не зная, для Казбека – он несет трагедию. И какой контраст с лермонтовским же описанием пришествия России в Грузию: «И Божья благодать / Сошла на Грузию, она цвела <...> / За гранью дружеских штыков». Конечно, здесь не только сочувствие Лермонтова «покоренной вольности», которая олицетворяется Казбеком (о чем пишут исследователи), не только утверждение «прогрессивного» влияния русской экономики и культуры (этого вовсе нет в стихотворении), не просто «сложность». «Поразительная геополитическая и историософская впечатлительность» (Панарин 2005. 98) Лермонтова показывает глазами Казбека – «сложность» трагическую: неизбежность поражения горы, то есть самого кавказского мира, которому придется замереть в неподвижности, невидении и немоте.

Кавказу приходилось не выбирать ориентиры (Север или Восток), но подчиниться исторической неизбежности. Умение поэта встать на чужую точку зрения и с симпатией оценивать историософские коллизии глазами иной культуры – отличительная черта лермонтовской «историософской впечатлительности». Поэт описал судьбу Казбека – самого ближнего к нам мусульманского Ближнего Востока. Как же он оценивал в конечном итоге эту

судьбу и как оценить нам эту неразрешимую механистичность и губительность шествия Севера... С. Н. Дурылин пытался разрешить ее так: в этой поэме «религиозного, космологического и антропологического содержания» русский человек оказывается «западным человеком» (Дурылин 1916. 124), то есть как бы «страшное» в ней возводится к «западному» в России... Впрочем, Дурылин не может дать ответа, как разрешится этот великий спор, что принесет Россия Востоку: «Захочет ли она убить Восток Западом <...>, сможет ли привести и Восток, и Запад к Одному, Кто равно вмещает в свою благодатную полноту и человека, и природу?» (Дурылин 1916. 127). Замечу, что и эта альтернатива, и ответ на вопрошание, увы, находятся за пределами лермонтовского стихотворения – этого недоговоренного, и можно сказать: не продуманного до конца философского иносказания, не ставшего у Лермонтова завершенной концепцией. Мы могли бы ждать этого лермонтовского решения в будущем, но оно не было ему дано.

Теперь о Востоке самом по себе у Лермонтова: какую мудрость дает он? Это можно увидеть в «восточном сказании» о трех пальмах, в стихотворении, всецело обращенном к Востоку. Обычно интерпретаторы говорят о наказании за ропот на Бога как центральной идее стихотворения. Так, В.А. Котельников дает емкую и лаконичную версию: «Поэт утверждает мысль о трагической судьбе всего живого: в тварной природе (и, значит, в человеке, который подразумевается в образе пальм, живущих в бесплодной пустыне этого мира лишь по благоволению Бога) пробуждается противление Божьему миропорядку – тогда совершается возмездие и гибельный конец оказывается необратим» (Котельников 2020. 24). В том же ключе читаем в статье иранских исследователей: «Подобно трем пальмам, человек тащит себя в бездну небытия из-за отсутствия правильного понимания причин мироздания. Все доступно человеку, но он не ценит тех благ, которые дал ему Бог» (Яхьяпур, Садеги-Сахлабад 2017. 148)

Добавлю к этой основной концепции некоторые культурософские нюансы в рамках моей темы. Какова здесь картина восточного мира? Его сущности, пальмы и ручей, живут в суровом мире, сохраняя гармонию роста и цветения: ручей питает пальмы, пальмы защищают ручей от зноя. Но при приближении конца, естественной смерти пальм, пробуждается то, что в европейском мире названо было бы самосознанием: к закату своему пальмы думают о смысле своего бытия, о жизни без пользы («без *пользы*» росли) и без радости для других (ничей «*не радуя* взор...»). То есть о земной задаче жизни, о смысле земном. Ропот на Бога здесь именно из-за отсутствия в их судьбе земного благого деяния, в бессмысленности долгого существования – по «святому приговору», предопределению Божьему, которое с возникновением вопроса о смысле жизни делает «неправым» просто существование на земле для себя. И вот по воле небес сознательное желание блага не для себя, а для других, – исполняется: пальмы согрели людей в холодной пустынной ночи, ручей их напоил. Они должны быть довольны и не жалеть о конце своей жизни – и сказание не говорит нам об их ропоте на то, что за поволенное ими деяние им пришлось отдать жизнь. Но... жестокость, на них обрушившаяся, описанная с точки зрения внешнего наблюдателя, далее становится главной темой стихотворения. Ни с точки зрения пальм, ни пришедшего каравана – жестокости не было. Мир людской в ситуации стихотворения не жесток, но прагматичен и бездумен: это веселый, энергичный мир торгового Востока (описанный с явным любованием), с его молодечеством и с женской прелестью. Никто не хотел жестокости – но именно пользы: тепла, ночного огня в пустыне, воды. Но гибель пальм описана именно как жестокость и даже как мучительство: «одежду сорвали», тела «были изрублены», их «медленно жгли огнем».

Повтор эпитетов в композиционном кольце подчеркивает: бесплодность почвы, но вместо «холодной» воды ручья – «холодный» пепел. И полное

исчезновение былой гармоничной жизни (ветер разнес пепел), которая до последнего своего часа жила лишь волей Творца – но пожелала своего людского. И добавочная жесткая деталь в финале: над этой картиной опустошения коршун добычу «терзает и щиплет»... Так губительно оказывается самосознание, порождающее жажду добра и действия ради земного устройства: оно дает в земном мире минутное и преходящее благо, но делает мир беднее, чем он был бы, существуя он только для Бога, без своего рода «грехопадения». Так восточное сказание обесценивает то, что предельно значимо для человека Запада: самосознание, порождающее жажду дела, добра, действия ради земной жизни. Поиск цели бытия разрушил долгий сон, течение столетий, самую гармоничную, но сонную и бессознательную жизнь. Иллюзорность и губительность всего того, что вне Бога, – это в иносказании о Востоке показывает Лермонтов, воспроизводя предание, вникая в его смысл и подчеркивая его яркими символическими деталями. Принимает ли сам поэт эту мудрость? По крайней мере, он видит в ней нечто существенное для восточной духовности. Далее можно было проследить ход лермонтовской мысли в стихотворении о дубовом листке – страннике Севера, стремящемся в мир Востока. Но это тема следующей статьи.

Заключение

Северная человеческая душа, живущая между полярностями Запада и Востока призвана познать их обе, первую по факту рождения в России, части Европы, по строю воспитания и образования, а в случае Лермонтова еще и по причине семейных корней, уходящих в глубины европейской истории. Лермонтовское решение этой первой задачи очевидно: на фоне прекрасного знания европейской культуры, языков и литературы, пристрастие к Западу, ярко пережитое, Лермонтовым оставлено, о чем свидетельствует стихотворение «Умирающий гладиатор». Обращение к Востоку – вторая задача, и для

обращения к ней нужны особенные обстоятельства жизни (они у Лермонтова налицо – Кавказ как ближний мусульманский восточный мир занимал в его жизни важное место) и широта культурных интересов и мыслительного охвата мирового целого. Осмысление Востока Лермонтовым не пришло к конечному итогу, как показывают его иносказательные стихи, и в них вместе с темой России встает ось Север – Восток как следующая проблема.

Литература

- 1- Гроссман Л. П. (1941). *Лермонтов и культуры Востока* // Литературное наследство. Т. 43. С. 673-744.
- 2- Дурылин С. Н. (1916). *Россия и Лермонтов. (К изучению религиозных истоков русской поэзии)* // Христианская мысль. Киев. Кн. 2 (февр.). С. 137-150; Кн. 3 (март).
- 3- Котельников В. А. (2020). *Ближний Восток в русских литературных отражениях 1750-1850 гг.* // Исследовательский журнал русского языка и литературы. Том 8. № 1 (15). С.11-33.
- 4- Лермонтов М. Ю. (1959). *Сочинения в 4 томах. Т. 4.* М.-Л. : издательство АН СССР. 826 с.
- 5- *Лермонтовская энциклопедия* (1981). Гл. ред. Мануйлов В. А., М. : Сов. Энцикл. 746 с.
- 6- Лотман Ю. М. (1985). *Проблема Востока и Запада в творчестве позднего Лермонтова* // Лермонтовский сборник. Л. С. 5-22.
- 7- Панарин А. С. (2005). *Завещание трагического романтика* // Панарин А. С. Русская культура перед вызовом постмодернизма. М. : ИФ РАН. С. 61-111.
- 8- Попов А. В. (1954). *Лермонтов на Кавказе.* Ставрополь, Ставропольское книжное изд-во. 222 с.
- 9- Эйхенбаум Б. М. (1959). *Михаил Юрьевич Лермонтов. Очерк жизни и творчества* // Лермонтов М.Ю. Сочинения в 4 томах. Т. 4. М.-Л., издательство АН СССР. с. 751-793.
- 10- Яхьяпур М., Садеги-Сахлабад З. (2017). *Михаил Лермонтов и мир Востока.* 2-е изд. Тегеран: изд-во «Пажухешгах улум енсани ва моталеат фарханги». 240 с.

Bibliography

- 1- Grossman L. P. (1941). *Lermontov i kul'tury Vostoka* // Literaturnoe nasledstvo. T. 43. S. 673-744.
- 2- Durylin S. N. (1916). *Rossija i Lermontov. (K izucheniju religioznych istokov russkoj poezii)* // Hristianskaja mysl'. Kiev. Kn. 2 (fevr.). S. 137-150; Kn. 3 (mart).
- 3- Kotel'nikov V. A. (2020). *Blizhnij Vostok v russkih literaturnyh otrazhenijah 1750-1850 gg.* // Issledovatel'skiy zhurnal russkogo jazyka i literatury. Tom 8. № 1 (15). S.11-33.
- 4- Lermontov M. Ju. (1959). *Sochinenija v 4 tomah.* T. 4. M.-L. : izdatel'stvo AN SSSR. 826 s.
- 5- *Lermontovskaja jenciklopedija* (1981). Gl. red. Manujlov V. A., M. : Sov. Jencikl. 746 s.
- 6- Lotman Ju. M. (1985). *Problema Vostoka i Zapada v tvorcheestve pozdnego Lermontova* // Lermontovskij sbornik. L. S. 5-22.
- 7- Panarin A. S. (2005). *Zaveshhanie tragicheskogo romantika* // Panarin A. S. Russkaja kul'tura pred vyzovom postmodernizma. M. : IF RAN. S. 61-111.
- 8- Popov A. V. (1954). *Lermontov na Kavkaze.* Stavropol', Stavropol'skoe knizhnoe izd-vo. 222 s.
- 9- Jejhenbaum B. M. (1959). *Mihail Jur'evich Lermontov. Ocherk zhizni i tvorcestva* // Lermontov M.Ju. Sochinenija v 4 tomah. T. 4. M.-L., izdatel'stvo AN SSSR. s. 751-793.
- 10- Jah'japur M. (Yahyapour M.), Sadegi-Sahlabad Z. (2017). *Mihail Lermontov i mir Vostoka.* 2-e izd. Tegeran: izd-vo «Pazhuheshgah ulum ensani va motaleat farhangi». 240 s.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Koshemchuk, Tatiana Alexandrovna (2022). ALLEGORICAL IMAGES OF M. Y. LERMONTOV: TO THE THEME OF THE WEST AND THE EAST IN THE LYRICAL WORKS OF THE POET. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 10(2), 57–75.

DOI: 10.52547/iarll.20.57

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/244>

شخصیت‌های تمثیلی م. یو. لرمانتف: موضوع غرب و شرق در اشعار شاعر

تاتیانا الکساندراونا کاشمچوک^{*}

استاد دانشگاه کشاورزی سن پیتربورگ،

سن پیتربورگ، روسیه.

(تاریخ دریافت: ژوئیه ۲۰۲۲؛ تاریخ پذیرش: اوت ۲۰۲۲)

چکیده

مقاله حاضر به بررسی و مطالعه استفاده از شخصیت‌های تمثیلی در اشعار لرمانتف از دریچه موضوع «غرب» و «شرق» می‌پردازد. نتایج حاصل از پژوهش نشان می‌دهد شاعر پس از گذر از علاقه عمیق خود به موضوع غرب، در نهایت در تمثیل شعر «گلادیاتور محتضر» از این موضوع ناامید و مأیوس می‌شود. پرداختن به موضوع شرق و تلاش برای شناختن ارزش‌های معنوی آن در برخی از اشعار تمثیلی شاعر مشهود است. این مقاله تفسیر شخصیت‌های شاعر را پیشنهاد می‌کند اما نه از منظر شخصیت رمانتیک شاعر، بلکه از منظر فرهنگی-فلسفی و تاریخ‌شناسی، جایی که بینش و نگرش لرمانتف درباره موضوع «شرق»- در دیوان غربی-شرقی شاعر آشکار می‌شود. چنین خوانشی از تمثیل‌های شاعرانه، عمق تاریخ‌شناسی لرمانتف، درک او از پیچیدگی تراژیک در تعامل بین شرق و شمال (در شعر «بحث»)، و همچنین درک او از حکمت شرقی (در شعر «سه نخل») را آشکار می‌کند. در پایان نشان داده می‌شود که موضوع شرق با حفظ اهمیت معنوی خود برای شاعر، هرگز در اشعار او به نقطه پایانی نرسیده و خاتمه نیافته است.

واژگان کلیدی: اشعار م. یو. لرمانتف، تمثیل، شخصیت‌های نمادین، غرب، شرق.

WORKS OF I. BUNIN IN THE ASSESSMENT OF YU. AIKHENVAL'D

Kravchenko Oksana Anatolievna¹

Adjunct Professor, Department of Russian Language, Faculty of Literature,
Alzahra University, Tehran, Iran.

Sadeghi Sahlabad Zeinab^{2*}

Assistant professor, Department of Russian Language, Faculty of Literature,
Alzahra University, Tehran, Iran.

(date of receiving: April, 2022; date of acceptance: June, 2022)

Abstract

The article is devoted to the study of the reception of I. Bunin's work in the collection "Silhouettes of Russian Writers" by Yu. Aikhenval'd. The theoretical principles of Aikhenval'd's critical method and its place in the context of artistic searches of the early twentieth century are comprehended. The system of centres of Russian literature developed by Aikhenval'd is considered, Bunin's place in it is determined. The article traces the line of succession Pushkin - Bunin; it is shown that traditionalism as the main characteristic of Bunin's style goes back to the harmony of Pushkin's creativity. The key motives of two editions of the feature article "Bunin" are analyzed: restraint and severity of poetic expression, images of nature, village, travel, orientalism. It is suggested that Bunin's high assessment reflects the critic's idea of the poet's mission as a divine "collaborator". It is noted that the spiritual closeness of the writer and critic is reflected in the biographical fact of their exile. It is concluded that in the criticism of Aikhenval'd Bunin appears as a modern bearer of the spiritual categories of Russian literature.

Keywords: Aikhenval'd, Bunin, Pushkin, Criticism, Classical Tradition.

1. E-mail: o.kravchenko@alzahra.ac.ir; ORCID ID: 0000-0003-2766-0589

2. E-mail: z.sadeghi@alzahra.ac.ir; ORCID ID: 0000-0002-7031-0763 * Corresponding author

ТВОРЧЕСТВО И. БУНИНА В ОЦЕНКЕ Ю. АЙХЕНВАЛЬДА

Кравченко Оксана Анатольевна¹

Профессор, Кафедра русского языка, Факультета литературы,
Университет Аль-Захра, Тегеран, Иран.

Садеги Сахлабад Зейнаб^{2*}

Старший преподаватель, Кафедра русского языка, Факультета литературы,
Университет Аль-Захра, Тегеран, Иран.

(дата получения: апрель 2022г.; дата принятия: июнь 2022г.)

Аннотация

Статья посвящена исследованию рецепции творчества И. Бунина в сборнике «Силуэты русских писателей» Ю. Айхенвальда. Осмыслены теоретические установки критического метода Айхенвальда, его место в контексте художественных исканий начала XX в. Рассмотрена система разработанных Айхенвальдом концентроров русской литературы, определено место Бунина в ней. В статье прослежена линия преемственности Пушкин – Бунин; показано, что традиционность как главная характеристика бунинского стиля восходит к гармонии пушкинского творчества. Проанализированы ключевые мотивы двух редакций очерка «Бунин»: сдержанность и строгость поэтического высказывания, образы природы, деревни, путешествий, ориентализм. Высказано предположение, что высокая оценка Бунина отражает представление критика о миссии поэта как божественного «сотрудника». Отмечено, что духовая близость писателя и критика находит отражение в биографическом факте их изгнанничества. Сделан вывод о том, что в критике Айхенвальда Бунин предстает современным носителем духовных категорий русской словесности.

Ключевые слова: Айхенвальд, Бунин, Пушкин, Критика, Классическая Традиция.

1. E-mail: o.kravchenko@alzahra.ac.ir; 0000- 0003-2766-0589

2. E-mail: z.sadeghi@alzahra.ac.ir; 0000- 0002-7031-0763

* Ответственный автор

Введение

Юлий Исаевич Айхенвальд (1872–1928) вошел в историю русской литературной критики как автор сборников «Силуэты русских писателей», издававшихся с 1906 по 1923 гг. Это было время сосуществования либеральной, публицистической, социальной, декадентской критики. Пересечение различных направлений обострило вопросы о задачах и назначении критики, состояние критики в России стало осознаваться как кризисное. Это нашло отражение в статье К.И. Чуковского «О короткомыслии» 1909 г., начинавшейся печальной констатацией: «На наших глазах вымирает один из существенных родов российской журнальной словесности – литературная критика» (Чуковский 2012. 534). Чуковский говорил о произвольности тем и сюжетов современной критики, о том, что она становится «короткомысленной», «бессистемной». В статье была дана отрицательная оценка новым тенденциям в критике: внеисторическому и субъективному подходу к творчеству русских писателей. Эти претензии адресовались критикам, чьи имена сегодня по праву связываются с высшими достижениями Серебряного века: И.Ф. Анненскому и Ю.И. Айхенвальду.

Вопреки диагнозу Чуковского, литературная критика в России начала XX века не «вымирала», а прокладывала новые пути собственного развития. Одно из таких направлений оформилось в жанре силуэта как модернизации традиционного литературного портрета. К числу авторов, обращавшихся к этому жанру, следует отнести не только Анненского и Айхенвальда, но также К.Д. Бальмонта, А. Белого, М.А. Волошина, Б.А. Садовского. Жанр силуэта удостоверял право критика на субъективность и даже интимность в оценке художественного явления, порою – на сотворчество. По наблюдению В.Н. Крылова, в жанре силуэта выразилось импрессионистское видение историко-литературного процесса (Крылов 2005.192).

Задача нашей статьи состоит в раскрытии особенностей критического метода Айхенвальда на примере его рецепции творчества И.А. Бунина.

Отметим, что внимание исследователей было обращено как на методологию Айхенвальда (Алексеев 2015), так и на отдельные «силуэты», в числе которых портреты В.А. Жуковского (Анисимова 2018), А.С. Пушкина (Тахо-Годи 2020), И.С. Тургенева (Куделько 2012), И.А. Гончарова (Смирнов 2019) и других писателей. Творчество Бунина в философско-эстетической системе Ю. Айхенвальда рассматривается авторами статьи впервые, что определяет новизну предложенного исследования.

Основная часть

Главная цель Айхенвальда-критика состояла в том, чтобы поделиться своим переживанием, своими восторгами и разочарованиями по поводу прочитанного. Поэтому Айхенвальд называет свой метод «имманентной» критикой – то есть критикой, основанной на внутреннем опыте читателя. В «Силуэтах» мы не найдем биографий писателей, поскольку с точки зрения имманентной критики «жизнь писателя – только средство; цель же его – писания» (Айхенвальд 1911. XVI). Главная цель – описать биографию писательской души, ее переживания, образы и идеи.

В теоретическом введении к «Силуэтам» Айхенвальд предлагает «Схему к изучению русской художественной литературы». Критик обозначает проблемные точки развития культуры, своеобразные концентры, или линии «духовных преемственностей» (Там же. XXVI). Ими оказываются оседлость и скитальчество, деревня и город, природа и культура. Иллюстрируя художественное воплощение культурных дихотомий, Айхенвальд обращается к творчеству писателей-классиков: Н. М. Карамзину, В. А. Жуковскому, А. С. Пушкину, Н. В. Гоголю, М. Ю. Лермонтову, Ф.М. Достоевскому. Из числа же современных писателей критик неизменно называет имя Бунина. Бунинский компонент теоретического введения к «Силуэтам» заслуживает столь же пристального внимания, как и посвященный писателю очерк. «Схема»

позволяет увидеть место Бунина в общем контексте русского литературного развития.

Осмысляя особенности становления русской культуры, Айхенвальд особое значение придает роли Петра Великого – «царя-путешественника», приобщившего «общественные судьбы» России, равно как и ее литературу, к Европе. С петровских времен прослеживается борьба двух начал, которым Айхенвальд дает разные, но по сути своей родственные имена: «это – тоска по родине и тоска по чужбине <...>, центростремительная и центробежная сила, статика и динамика, оседлость и скитальчество, патриотизм и космополитизм...» (Там же. XXVII).

Важно, что у Айхенвальда движение к неизведанному, любовь к путешествиям и дальним странам прослеживается не на уровне биографии писателя, а на уровне его творческих устремлений. Так молодой Карамзин с его «Письмами русского путешественника» представлял «живое звено между родиной и чужбиной, Востоком и Западом». Затем же оседлость взяла верх в его душе, что выразилось в привязанности к русской старине и официальности: «Карамзин догматически оцепенел» (Там же).

В отношении Гоголя, паломником пришедшего к Святым местам в Палестину, исколесившего Европу и долгие годы прожившего в Риме, Айхенвальд высказывает неожиданное, но обоснованное суждение: «он внутренне-далеких путешествий не совершил, остался дома, в “Переписке с друзьями” изветшавший русский дом с его прикрепленностью и крепостничеством благословил» (Там же. XXIX). Гоголевская манящая и зовущая вдаль дорога для Айхенвальда – только механически-мертвенное движение по кругу: «Гоголевский Одиссей, это – только Чичиков, который в своей знаменитой бричке далеко не уехал, а кружил все на том же мертвом месте, как это и приличествует мертвой душе» (Там же. XXIX-XXX).

На фоне внешнего движения Карамзина и Гоголя Пушкин, никогда не покидавший России, прикованный «к петербургской скале», предстает настоящим, духовным путешественником: «прославленной силой своих перевоплощений он был путешественник более, чем кто-либо» (Там же. XXXIII). Однако именно в Пушкине, по мнению Айхенвальда, снимается оппозиция оседлости и скитальчества, внутренний смысл пушкинской поэзии состоит в синтезе указанных начал. Пушкин для Айхенвальда – это «эхо вселенной», его поэтическая лира откликалась на самые разные голоса, он переводил, заимствовал, испытывал множество влияний. Поэтический талант Пушкина критик уподобляет европейской увлеченности Петра, но без отказа от исконно-русского: «Такой подражающий, повторяющий, неустанный посетитель чужбин, он вместе с тем – и величайший из наших инициаторов (аналогия с Петром Великим)» (там же). В Пушкине происходит взаимопроникновение своего и чужого, «слияние элементов чужбины и родины» (Там же. XXXIV).

В это «синтетическое море Пушкина» (Там же. XXXIII) вливается река бунинского творчества. Писателю XX века оказывается близка пушкинская «всечеловеческая» мера, стремление к преодолению географических и человеческих ограниченностей. Свое и чужое, близкое и дальнее, реальность и вымысел сближены у Бунина пушкинским синтезом: «Русская деревня, русские будни, какая-нибудь Плющиха в Москве – и отсюда в Палестину, к пирамидам Египта, к восточной религии и мифологии» (там же). Айхенвальд считает эти пушкинские черты свидетельством классичности Бунина, удостоверяющей высокую простоту и человечность его творчества: «Сочетание реальности и мифа, осязательной определенности и безграничного, придает классической поэзии Бунина характер, одновременно простой и торжественный» (Там же).

Намеченное в теоретическом введении к «Силуэтам» сближение Бунина с Пушкиным было не случайным и не однократным. Для самого критика

Пушкин всегда был мериллом и образцом настоящего поэта, и потому в свете Пушкина Айхенвальд рассматривает как поэтов-современников, так и всю русскую литературу. Как отмечает Е.А. Тахо-Годи, «под знаком Пушкина проходит вся критическая деятельность Айхенвальда – с 1899 г. и до конца жизни. При этом Пушкин является для него и высшим критерием эстетической и нравственной ценности каждого русского литератора: критик предпочитает характеризовать автора, исходя из близости или отдаленности от пушкинского эстетического и этического эталона» (Тахо-Годи 2020.175–176).

Близость Бунина к данному эталону становится более очевидной при обращении к материалам пушкинского и бунинского очерков. Проблема странничества – оседлость обретает в них ярко выраженные ориентальные черты. При этом воображаемый, творчески воспроизведенный Восток Пушкина находит отражение в реальных впечатлениях восточных путешествий Бунина.

О Пушкине Айхенвальд пишет: «он передумал Коран, и русские слова, в которые он воплотил его, зазвучали какой-то восточной мелодией и восточной философией, окрасились в колорит мечети и муэдзина» (Айхенвальд 1911. 34). В эссе о Бунине критик как бы продолжает эту мысль, задающую движение на Восток. Бунин, русский художник, «сделался близок и к Палестине, и к Египту, к религии – ко всей красе и ко всей широте мироздания» (Айхенвальд 1913. 145–146). Важно подчеркнуть, что путь на Восток в понимании Айхенвальда представляет собой некое космическое движение, объемлющее всю вселенную. Мудрость Востока у Бунина представлена так, «словно движется перед вами какая-то колесница человечества» (Там же. 142).

Как отмечено в современных исследованиях, «несмотря на то, что И.А. Бунин никогда не путешествовал по Ирану, поэт активно использует иранскую мифологию как богатейшую и весьма ёмкую. Многие образы художественной системы поэта, восходящие к иранской мифологии,

воспринимаются как образы-символы, образы с глубоким подтекстом...» (Саяпова, Каримириаби 2014. 116).

В подаче Айхенвальда иранские мифологические образы Бунина словно бы вырастают из пушкинских стихов: «... всю упоительную грезу и сладострастие восточной музыки, всплески “Бахчисарайского фонтана” умеет он передавать в этих нежащих стихах:

РОЗЫ ШИРАЗА

Пой, соловей! Они томятся
В шатрах узорчатых мимоз,
На их ресницах серебрятся
Алмазы томных крупных слез.

Сад в эту ночь – как сад Ирема;
И сладострастна, и бледна,
Как в шакнизир – тайник гарема,
В узор ветвей глядит луна...» (Айхенвальд 1913. 144-145).

Говоря о «ценностных модальностях духовно-предметного состава» творческих замыслов Бунина, С.А. Волков подчеркивает, что в его «смыслотворческом мастерстве приоткрывается завеса в раскрытии и других культур, особенно восточной мусульманской» (Волков 2021. 95, 96). Важно при этом и то, что «Баг-е Эрам» («Райский сад») в творческом сознании бунинского интерпретатора соединяет Иран и Крым, Шираз и Бахчисарай, романтическую поэму Пушкина и бунинскую разработку усвоенного романтиками мусульманского топоса соловья и розы.

Айхенвальду, выстраивающему историю русской литературы в свете пушкинского идеала «всечеловечества», важно показать, что Пушкин, «сторукый богатырь духа», «переживший в своей душе все эпохи и страны, все

культуры» (Айхенвальд 1911. 33), именно в Бунине обретает своего достойного наследника. Так в рамках теоретического концепта «тоска по родине – тоска по чужбине» прорисовывается один из изгибов бунинского силуэта.

Следующая культурная оппозиция, неразрывно связанная с проблемой родины и чужбины, – это проблема природы и культуры: «в психологической сути своей <...> родина, – это природа, и чужбина, это – культура; родина, – это стихия, и чужбина – это сознание» (Айхенвальд 1911. XXXV). Эта оппозиция держится на усвоенной русской литературой традиции, восходящей к Руссо с его идеалом благородного дикаря и осуждением порочных порождений цивилизации.

У Карамзина в «Бедной Лизе» натура и культура воплощены соответственно в крестьянке Лизе и горожанине Эрасте. Смерть Лизы Айхенвальд трактует следующим образом: «культура <...> вносит в природу смятение и смерть, отравляет ее живое и наивное течение» (Там же. XXXVI).

У Пушкина Айхенвальд усматривает продолжение заложенной Карамзиным модели, отмечая, то в «Кавказском пленнике» героиня-Черкешенка избирает ту же самую форму самоубийства, что и Лиза у Карамзина. В Татьяне же Пушкина Айхенвальд видит воплощение русской природы, называет ее «родною Снегурочкой» (Там же.). Но при всем том в гармонический облик ее входит и «французская книжка». Духовная цельность Татьяны, объединяющей в себе природу и культуру, жизнь в «деревенской тиши» и беседу на балу с испанским послом – оказывается непостижима и недостижима для Онегина, что и порождает «трагическое недоразумение» (там же) его судьбы.

После Пушкина культура все более уходит в умствование, в оторванное от природы философствование. Так, для Лермонтова становятся типичны «жалобы на мысль, изнеможение от культуры» (Там же). Герои Достоевского

«за чрезмерное развитие индивидуальности, сознания, совести» платят безумием. Мир Достоевского изгоняет из себя естественность природы: «от страшного приближения Достоевского блекнет зеленая природа, и его городские герои больны от культурности, от переизбытка сознания...» (Там же. XXXVIII).

Преодоление этого трагического разрыва, восстановление гармонии, воплощенной любимой пушкинской героиней, Айхенвальд прочитывает в творчестве Бунина. Философский строй бунинского творчества не отрешается от стихии природы. В ней бунинская культурная глубина «находит утоление и достойной содержание» (Там же. XXIX). Бунин, «значительный и высокий» не отвернулся от природы, не «перерос» ее (там же). В его творчестве живы связи, тесно соединяющие его с природной красотой и мудростью.

Следующий виток развития исходной дихотомии родины и чужбины – это образы города и деревни, которые Айхенвальд предлагает понимать «как два мирозерцания, две психологии» (Там же. XLII).

Здесь также Пушкин предстает как объединитель и гармонизатор. И снова Татьяна – «родная дочь Пушкина, самое любимое его дитя» воплощает в себе обе стихии: города и деревни. В единстве своей «кристальной» души она соединила «живую непосредственность деревни и все искусство города, городской литературы, всяких Ричардсонов и Руссо» (Там же. XLV). Неизбывно преклоняющийся перед Пушкиным Айхенвальд говорит о Татьяне в восторженных тонах: «этой несравненной цельностью своей она и поныне сияет как прекрасная человеческая звезда» (там же).

Бунин в указанной оппозиции и на фоне пропетого пушкинской героине гимна предстает в данном случае односторонне: только как певец деревни. Но и в этой односторонности критик сохраняет за Буниным статус настоящего поэта: «В утончившийся красоте рисуется деревня в стихах Бунина» (Там же. XLIII).

Описанные оппозиции, как утверждает Айхенвальд, охватывают все самые существенные элементы русской литературы. Из центральной антитезы оседлости и скитальчества, разворачивающейся как противопоставление природы и культуры, города и деревни, «могут быть радиусами проведены и другие важные темы нашей художественной словесности» (Там же. XLV).

В перспективе же нашего исследования важно подчеркнуть, что рассмотренные оппозиции формируют творческий облик Бунина в неразрывной связи с идеалом Пушкина. Этой высокой оценки Айхенвальд удостоивает лишь немногих современных поэтов и писателей. Среди них – Анна Ахматова. Хотя в теоретическом введении Айхенвальд не обращается за примерами к ее творчеству и не прочерчивает так четко, как в случае с Буниным преемственных связей с Пушкиным, критик называет поэтессу «законной наследницей Пушкина, уловившей в своих стихах шелест его шагов» (Айхенвальд, 1923: 286).

О многих писателях-современниках Айхенвальд высказывается крайне резко. Горький, например, «рисует» <...> как явление глубоко-некультурное» (Айхенвальд 1913. 89). В изображении своих героев-босяков, по мнению Айхенвальда, Горький внес «много выдумки, фальши, всяческих румян» (Там же. 93). Не менее уничижительная оценка дана Брюсову: это «поэт без поэзии, пророк без вдохновения», «трудолюбивый кустарь поэзии» (Там же. 185, 195). Брюсовская попытка закончить «Египетские ночи» Пушкина породила едкую иронию критика.

На фоне подобных нелюбезных отзывов пиетет перед Буниным как наследником «вечной пушкинской традиции» (Там же. 133) свидетельствует об особой роли Бунина не только в архитектонике его «Силуэтов», но и собственно в истории русской литературы.

Обратимся теперь непосредственно к очерку «Бунин», объединяя в анализе несколько его редакций – и вариант второго издания «Силуэтов» 1913 года, и

вариант с внесенными дополнениями и изменениями, вошедший в публикацию 1994 года.

Первая часть бунинского очерка озаглавлена «Его стихотворения». Прежде всего Айхенвальд хочет показать, если можно так выразиться, поэтическую породу Бунина. Для критика важно дать портрет поэта на фоне русского модернизма – течения, направленного на поиск нового ценю отказом от старого и классического. Бунина не смогли увлечь модные декадентские, порой эпатажные тенденции. Он навсегда сохранил верность классической традиции. Хронологически принадлежа к эпохе модернизма, Бунин кровно дистанцирован от него, выделяется на его фоне «как хорошее старое» (Там же. 133). Это «хорошее» и есть пушкинское по преимуществу. Поэзия Бунина предстает «образцом благородства и простоты». Бунин – «счастливо-старомодный» – с благодарностью «принял наследство». Оно позволяет ему вольно отдаться творчеству, «просто писать хорошие стихи», а не создавать «теории словесности», «не теоретизировать, не причислять себя ни к какой школе» (там же). Бунин творит не ради поэтических экспериментов и не для того, чтобы дать иллюстрации новаторских идей: «За его стихотворениями чувствуется еще нечто другое, нечто большее – он сам. У него есть за стихами, за душой» (там же). Самодостаточность Бунина с очевидностью импонировала Айхенвальду, также не примкнувшему ни к одной из художественных группировок начала XX века.

Традиционность Бунина Айхенвальд стремится показать в анализе его поэтической манеры: «Его строки – испытанного старинного чекана; его почерк – самый четкий в современной литературе; его рисунок – сжатый и сосредоточенный» (там же). Бунин одновременно лиричен и прозаичен, способен в самом будничном явлении увидеть красоту и дать ей поэтическое воплощение. Айхенвальд называет бунинскую, рожденную из жизненных фактов красоту, «белой». В этой характеристике критик стремится воплотить

единство формы и содержания бунинских стихов. Поэтизация будничного течения жизни порождает любовь поэта к белому цветку: «эпитеты белый, серебряный, серебристый необыкновенно часто слышатся на его светлых страницах» (Там же. 135).

Особенность бунинской манеры – сдержанность, не словоохотливость. Бунин способен возбудить читательское участие, не прибегая к многословию и патетике: «строгим очерком незаменимых линий передав какую-нибудь восточную легенду или притчу, он этим самым <...> пробуждает в нас известное настроение, теплое движение сердца» (Там же. 134).

Сам поэт напоминает критику образ из собственного стихотворения: сон-цветок. В поэзии Бунина Айхенвальд отмечает сочетание «жизненности и сухости»: «он – живой, но сухой» (Там же. 135), подобно сон-цветку.

Особая тема Бунина – Россия. К родине обращены трагические слова поэта: «Я не люблю, о Русь, твоей несмелой / Тысячелетней, рабской нищеты» (Там же. 138). За этим признанием в нелюбви, в отчуждении следует пронзительный образ чего-то родного и неотторжимого от души поэта: «Но этот крест, но этот ковшик белый... / Смиранные, родимые черты!..» (Там же. 138).

Тема мучительного раздвоения между любовью к родине, к русской природе, русским людям – и дикостью русской деревенской жизни формирует содержание второй части бунинского силуэта в издании 1913 г. под названием «По поводу “Суходола”». В «Силуэтах русских писателей» 1994 г. второй раздел предстает более развернутым и носит название «О некоторых его рассказах и стихах».

В издании 1994 г. мы отмечаем в портрете Бунина такие черты, которые нарушают изначально установленную пушкинскую оптику его восприятия. Так, Айхенвальд говорит о том, что глубинная реалистичность Бунина подчас оборачивается жесткостью авторского замысла: «субъективности Бунина

свойственно <...> и что-то недоброе, жесткое или, по крайней мере, ожесточившееся» (Айхенвальд 1994. 429). У Айхенвальда Бунин рисуется писателем, создающим безукоризненно-прекрасные по стилю произведения, но в то же время разрешающем коллизии более жестоко, чем сама жизнь. Это свойство бунинского таланта проявляет себя тематически разнообразно: и в обыденности русской деревни, и в «пышной экзотике Цейлона» (Там же. 427).

Но все же Бунин, описывающий смерть юного рикши в рассказе «Братья» или убийство нищего старика в рассказе «Весенний вечер» не утрачивает присущих ему душевной отзывчивости, мягкости и сочувственности. Примерами такой «растроганности» Айхенвальд называет два стихотворения, различных по тональности, но общих по своей почти пушкинской «всечеловечности». Это стихотворения «Плач ночью» и «Магомет и Сафия». В первом из них сострадание матери, потерявшей ребенка, «возведено и в космические, и в божественные сферы» (Там же. 429). Второе представляет собой «законченную прелестную пьесу», в которой даны и «живая ласковость», и «своеобразное поэтическое решение “еврейского вопроса”»:

«Сафия, проснувшись, заплетает ловкой
Голубой рукою пряди чёрных кос:
“Все меня ругают, Магомет, жидовкой”, –
Говорит сквозь слёзы, не стирая слёз.
Магомет, с усмешкой и любовью глядя,
Отвечает кротко: “Ты скажи им, друг:
Авраам – отец мой, Моисей – мой дядя,
Магомет – супруг”» (там же).

Следует отметить, что современные трактовки данного стихотворения рассматривают заложенный в нем «еврейский вопрос» в этическом ключе: «Для Бунина ценны нравственные черты и достоинства. Еврейка Сафия стала женой пророка Мохаммада (мир ему и благословение Всевышнего). В

стихотворении “Магомет и Сафия” Бунин указывает на союз между божественными религиями» (Яхьяпур 2018. 536–537).

Говоря об итоговой оценке, которое получает в устах Айхенвальда творчество Бунина, следует отметить, что классичность Бунина видится критику не только в приверженности традиции, но и в синтезирующем, сближающем противоположные полюса творческом усилии: «Временное и вечное, близкое и далекое, факт и миф объединил он в своем прекрасном творчестве, и та “чаша жизни”, стильная чаша, которую вычеканил этот строгий ювелир, этот ваятель стиха и прозы вмещает в себе, употребляя его же слово, некое драгоценное “темное вино”» (Айхенвальд 1994. 430). В стиле Бунина виделась Айхенвальду гуманистическая пушкинская струя, в которой живо «неодолимое чувство добра», объемлющее все человечество.

Представленный анализ бунинского силуэта позволяет говорить об особом месте писателя в мировоззрении критика. В момент создания эссе ни Бунин, ни Айхенвальд не представляли, что вскоре они навсегда покинут Россию: Бунин в 1920, Айхенвальд – в 1922 г. как пассажир печально известного «философского парохода». В числе изгнанников, разделивших участь Айхенвальда, были философы Н. Бердяев, С. Франк, М. Осоргин. Последний так писал о пассажирах уходящего на Штетин немецкого парохода: «Для многих отъезд был настоящей трагедией, – никакая Европа их манить к себе не могла; вся их жизнь и работа были связаны с Россией связью единственной и нерушимой от цели существования» (Осоргин 1955. 185). Именно такая связь соединяла с Россией и Бунина, и Айхенвальд сумел почувствовать эту кровную связь в дорогом «темном вине» бунинского слога. Уже после смерти критика, в 1933 году Бунин стал первым русским лауреатом Нобелевской премии. В реакции современников на это событие отчетливо воспроизводятся айхенвальдовские оценки. К примеру, П.Е. Ковалевский, религиозный мыслитель и автор первого энциклопедического обзора о русской эмиграции, записал в своем дневнике: «С величайшей радостью узнали сегодня из газет о

присуждении Ивану Алексеевичу Бунину Нобелевской премии по литературе. Для него это и почетно, и дает возможность жить и издавать, а для всех русских – большая победа, так как в первый раз премия выпадает на их долю, да еще в такие безнадежные времена. Самое отрадное, что венец выпадает последнему русскому классику и писателю Пушкинской школы, а не современному “стилисту”. Он – последний русский академик по разряду изящной словесности...» (цит. по: Марченко 2021. 478).

Заключение

В силуэте Бунина явственно проступают пушкинские черты, предопределяющие отказ от модернистского стилизаторства. Ключевыми мотивами двух редакций очерка «Бунин» являются сдержанность и строгость поэтического высказывания, анализ образов природы, деревни, путешествий, Востока. При этом Айхенвальду важно было не только высказать собственное впечатление, субъективное восприятие творчества Бунина, но и вписать Бунина в ключевые концентры русской словесности, показав его как современного адепта и утвердителя духовных категорий родины, странствований, природы, культуры, сельской укорененности в бытии. В созданной Айхенвальдом галерее русских писателей Бунин предстал художником в высшем значении этого слова как божественный сотрудник, созидающий мир на основе единства красоты и добра.

Литература

- 1- Айхенвальд Ю. И. (1911). *Силуэты русских писателей*. Вып. I. М. : Издание «Научного слова».
- 2- Айхенвальд Ю. И. (1913). *Силуэты русских писателей*. Вып. III. М. : Издание т-ва «МИРЪ».
- 3- Айхенвальд Ю. И. (1923). *Силуэты русских писателей*. 4-е изд. Т. 3. Берлин : Слово.
- 4- Айхенвальд Ю. И. (1994). *Силуэты русских писателей*. М.: Республика, 1994.

- 5- Алексеев А.А. (2015). *Художественная образность и ее роль для имманентного метода литературной критики Ю.И. Айхенвальда* // Вестник Сургутского госуд. педагогического ун-та. № 5 (32). С. 68–72.
- 6- Анисимова Е.Е. (2018). «Силуэт» В.А. Жуковского в критике А.И. Айхенвальда // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 6 (84). Ч. 1. С. 9-12.
- 7- Волков С.А. (2021). *Концептуальный объект «птица» в одноименном стихотворении И. Бунина и кораническом тексте*. Исследовательский Журнал Русского Языка и Литературы, 9(2), 91–110. <https://doi.org/10.52547/iarll.18.91>
- 8- Крылов В. Н. (2005). *Русская символистская критика: генезис, традиции, жанры*. Казань : Изд-во Казанск. ун-та.
- 9- Куделько Н. А. (2012). *Ю.И. Айхенвальд о Тургеневе: pro et contra. (Из книги «Силуэты русских писателей) // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. № 1 (45). С. 290–293.*
- 10- Марченко Т. В. (2020). *Букет фиалок и немного нервно: штрихи к нобелевским дням 1933 г. // Studia Litterarum. Т. 5, № 4. С. 472–505. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2020-5-4-472-505>*
- 11- Осоргин М. А. (1955). *Времена*. Париж : Б.и.
- 12- Смирнов К. В. (2019). *Ю.И. Айхенвальд и его «Гончаров» (о специфике интерпретации) // Заметки ученого. № 5 (39). С. 113–117.*
- 13- Саяпова М. А., Каримириаби Э. (2014). *Иранская мифология в художественном мире И. А. Бунина // Ученые записки Казанского университета. Том 156, кн. 2. Гуманитарные науки. С. 115-120.*
- 14- Тахо-Годи Е. А. (2020). *Пушкин в философско-эстетической системе Ю. И. Айхенвальда // Проблемы исторической поэтики. Т. 18. № 3. С. 171–189. DOI: 10.15393/j9.art.2020.8223.*
- 15- Чуковский К. И. (2012). *О короткомыслии // Чуковский К. И. Собрание сочинений: в 15-ти т. М. : Агентство ФТМ. Т. 6. С. 534-539.*
- 16- Яхьяпур Марзие (2018). *Трудности перевода поэзии Ивана Бунина на персидский язык // Материалы Международной конференции «Проблемы изучения жизни и творческого наследия И.А. Бунина (биография, источниковедение, текстология)», 12–13 ноября 2018 г., ИМЛИ РАН, Москва. — С. 532-539.*

Bibliography

- 1- Ajhenval'd Ju. I. (1911). *Silujety russkih pisatelej*. Vyp. I. M. : Izdanie «Nauchnogo slova».
- 2- Ajhenval'd Ju. I. (1913). *Silujety russkih pisatelej*. Vyp. III. M. : Izdanie t-va «MIR##».

- 3- Ajhenval'd Ju. I. (1923). *Silujety russkih pisatelej*. 4-e izd. T. 3. Berlin : Slovo.
- 4- Ajhenval'd Ju. I. (1994). *Silujety russkih pisatelej*. M.: Respublika, 1994.
- 5- Alekseev A.A. (2015). *Hudozhestvennaja obraznost' i ee rol' dlja immanentnogo metoda literaturnoj kritiki Ju.I. Ajhenval'da* // Vestnik Surgutskogo gosud. pedagogicheskogo un-ta. № 5 (32). S. 68–72.
- 6- Anisimova E.E. (2018). «*Silujet*» V.A. Zhukovskogo v kritike A.I. Ajhenval'da // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2018. № 6 (84). Ch. 1. S. 9-12.
- 7- Volkov S.A. (2021). *Konceptual'nyj ob#ekt «ptica» v odnoimennom stihotvorenii I. Bunina i koranicheskom tekste*. Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Jazyka i Literatury, 9(2), 91–110. <https://doi.org/10.52547/iarll.18.91>
- 8- Krylov V. N. (2005). *Russkaja simbolistskaja kritika: genezis, tradicii, zhanry*. Kazan' : Izd-vo Kazansk. un-ta.
- 9- Kudel'ko N. A. (2012). *Ju.I. Ajhenval'd o Turgeneve: pro et contra. (Iz knigi «Silujety russkih pisatelej») // Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Gumanitarnye i social'nye nauki. № 1 (45). S. 290–293.*
- 10- Marchenko T. V. (2020). *Buket fialok i nemnogo nervno: shtrihi k nobelevskim dnjam 1933 g.* // Studia Litterarum. T. 5, № 4. S. 472–505. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2020-5-4-472-505>
- 11- Osorgin M. A. (1955). *Vremena*. Parizh : B.i.
- 12- Smirnov K. V. (2019). *Ju.I. Ajhenval'd i ego «Goncharov» (o specifikie interpretacii) // Zametki uchenogo. № 5 (39). S. 113–117.*
- 13- Sajapova M. A., Karimiriabi Je. (2014). *Iranskaja mifologija v hudozhestvennom mire I. A. Bunina // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Tom 156, kn. 2. Gumanitarnye nauki. S. 115-120.*
- 14- Taho-Godi E. A. (2020). *Pushkin v filozofsko-jesteticheskoj sisteme Ju. I. Ajhenval'da* // Problemy istoricheskoy pojetiki. T. 18. № 3. S. 171–189. DOI: 10.15393/j9.art.2020.8223.
- 15- Chukovskij K. I. (2012). *O korotkomyslii* // Chukovskij K. I. Sobranie sochinenij: v 15-ti t. M. : Agentstvo FTM. T. 6. S. 534-539.
- 16- Jah'japur Marzie (2018). *Trudnosti perevoda poezii Ivana Bunina na persidskij jazyk* // Materialy Mezhdunarodnoj konferencii «Problemy izuchenija zhizni i tvorcheskogo nasledija I.A. Bunina (biografija, istochnikovedenie, tekstologija)», 12–13 nojabrja 2018 g., IMLI RAN, Moskva. — S. 532-539.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Kravchenko, O. A., & Sadeghi, Sahlabad Z. (2022). WORKS OF I. BUNIN IN THE ASSESSMENT OF YU. AIKHENVAL'D . *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 10(2), 77–95.

DOI: 10.52547/iarll.20.77

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/234>

آثار ای. بونین در نقد آبخنوالد

آکسانا آناتولیونا کرافچنکو^۱

استاد وابسته گروه زبان روسی، دانشکده ادبیات، دانشگاه الزهرا(س)،
تهران، ایران.

زینب صادقی سهل آباد^۲*

استادیار گروه زبان روسی، دانشکده ادبیات، دانشگاه الزهرا(س)،
تهران، ایران.

(تاریخ دریافت: آوریل ۲۰۲۲؛ تاریخ پذیرش: ژوئن ۲۰۲۲)

چکیده

مقاله حاضر به بررسی آثار بونین در مجموعه «سیلوئت‌های نویسندگان روسی» آبخنوالد و اصول نظری روش نقد و جایگاه آبخنوالد در تحقیقات هنری اوایل سده بیستم می‌پردازد. همچنین، اصول ادبیات روسی که آبخنوالد تدوین کرده، بررسی و جایگاه بونین در آن مشخص شده است. در مقاله، خط وراثت پوشکین - بونین دنبال و نشان داده شده است که سنت‌گرایی به‌عنوان ویژگی اصلی سبک بونین به هماهنگی با آثار پوشکین باز می‌گردد. درون‌مایه‌های کلیدی دو ویراست اوچرک «بونین» شامل محدودیت و شدت بیان شاعرانه، تصاویر طبیعت، روستاها، سفرها و شرق‌گرایی تجزیه و تحلیل شده است. فرضیه این است که ارزیابی والای بونین، ایده منتقد را درباره رسالت شاعر به عنوان یک «همکار» الهی منعکس کرده است. شایان ذکر است که قرابت روحی نویسنده و منتقد در واقعیت تبعید آنها منعکس شده است. این نتیجه حاصل می‌شود که در نقد آبخنوالد، بونین به عنوان دارنده مؤلفه‌های معنوی ادب روسیه در عصر خود ظاهر شده است.

واژگان کلیدی: آبخنوالد، بونین، پوشکین، نقد، سنت کلاسیک.

1. E-mail: o.kravchenko@alzahra.ac.ir; ORCID ID: 0000-0003-2766-0589

2. E-mail: z.sadeghi@alzahra.ac.ir; ORCID ID: 0000-0002-7031-0763

* نویسنده مسئول

نوع مقاله: علمی - پژوهشی

THE IMAGE OF THE EAST IN THE EMBASSY DISCOURSE (INTRODUCTION TO THE TOPIC)

Maltseva Tatiana Vladimirovna^{1*}

Professor at Pushkin Leningrad State University,
St. Petersburg, Russia.

(date of receiving: August, 2022; date of acceptance: September, 2022)

Abstract

The article considers a layer of literature that has value as a primary source of information about the East, incl. about Persia, which is practically not studied. These are diplomatic documents, the texts of which have so far been considered precisely as documents from a historical point of view in the writings of historians. From the author's point of view, these documents can be considered in the context of the Eastern text of Russian literature. They represent a thematic unity, as they are based on general mythology and image of the East, general material descriptions. The author introduces the concept of embassy discourse to determine the literary function of such texts. The material of the study is the texts of participants in diplomatic missions, which represent a specific description of the East, motivated by the professional interests of the authors. The article analyzes a specific document of the embassy discourse – "Day notes on the journey of the Russian imperial embassy in Persia in 1816 and 1817, conducted by the adviser of this embassy A. E. Sokolov." It is established that special elements of narration were formed in A. E. Sokolov's "Day Notes" to convey the constants of the embassy text: natural descriptions, descriptions of social and cultural space, author's comments, ways of mastering foreign names and words.

Keywords: Oriental Text; Ambassadorial Discourse; Diplomatic Documents; Documentary Genres; Documentary and Journalistic Prose.

ОБРАЗ ВОСТОКА В ПОСОЛЬСКОМ ДИСКУРСЕ (ВВЕДЕНИЕ В ТЕМУ)

Мальцева Татьяна Владимировна^{1*}

Профессор, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Россия.

(дата получения: август 2022г.; дата принятия: сентябрь 2022г.)

Аннотация

В статье рассматривается пласт литературы, имеющий ценность как первоисточник сведений о Востоке, в т.ч. о Персии, который практически не изучен. Это дипломатические документы, тексты которых до сих пор рассматривались именно как документы с исторической точки зрения в трудах историков. С точки зрения автора, эти документы могут рассматриваться в контексте восточного текста русской литературы. Они представляют собой тематическое единство, так как опираются на общую мифологию и образ Востока, общие объекты, способы их описания. Автор вводит для определения литературной функции таких текстов понятие *посольский дискурс*. Материалом исследования служат тексты участников дипломатических миссий, представляющих специфическое описание Востока, мотивированное профессиональными интересами авторов. В статье проанализирован конкретный документ посольского дискурса – «Дневные записки о путешествии русского императорского посольства в Персии в 1816 и 1817 гг., веденные советником этого посольства А. Е. Соколовым». Устанавливается, что в «Дневных записках» А. Е. Соколова сформировались особые элементы наррации для передачи констант посольского текста: натурные описания, описания социального и культурного пространства, авторские комментарии, способы освоения иноязычных названий и слов.

Ключевые слова: Восточный Текст, Посольский Дискурс, Дипломатические Документы, Документальные Жанры, Документально-Публицистическая Проза.

1. E-mail: kafliit@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-8432-4314

* Ответственный автор

Введение

Конец XVIII – начало XIX вв. в России и Европе сопровождается устойчивым экономическим и политическим, и, в силу этого, бытовым и научным интересом к Востоку как источнику иномирной культуры и образа жизни. Многочисленные описания Востока сформировали устойчивый комплекс восточных тем и мотивов, что позволило исследователям говорить о русском ориентализме как художественной системе. Несмотря на значимые научные результаты в области изучения восточного текста русской литературы, по словам П. В. Алексеева, «русский ориентализм все еще не осмыслен как важнейший национальный нарратив первой половины XIX века, не определена его системность и сверткостное единство, не до конца оценен его идентификационный потенциал» (Алексеев 2015. 3).

Материалом для научного изучения, в основном, являлась поэзия и художественная проза восточного текста. Между тем существует пласт литературы, имеющий ценность как первоисточник сведений о Востоке, в т.ч. о Персии, который практически не изучен. За пределами научного анализа остаются пока несобственно-литературные произведения: записки, письма, путевые дневники, журналы и воспоминания послов и участников восточных посольств. Они представляют интерес и как документальные, и как литературные источники, поскольку входят в контекст существующего ряда подобных произведений (См. подробнее: Мальцева 2008, 2019).

В данной статье мы обратимся к несобственно-литературным текстам, а именно к документам русских посольств в Персию. Мы рассматриваем посольские документы, отражающие взаимоотношения между Россией и Персией, как примеры документальной и документально-публицистической прозы восточного текста. Русско-персидские дипломатические отношения зафиксированы в большом количестве текстов, среди которых можно указать самые значимые: «Посольство М. П. Бярятинского» (1618 г.), «Посольство Артемия Волынского» (1715–1718 гг.), «Записка о политических отношениях»

Г.-И.-Ф. Остермана (1726 г.), «Дневная записка» Аврамова (Абрамова) С. (1726–1729 гг.), «Дневные записки о путешествии послов в Персию» А. Е. Соколова (1816–1817 гг.), «Посольство А. П. Ермолова в Персию» А. П. Берже (1870), «Воспоминание о первой русской миссии в Персии» А. Домонтовича (1878 г.) и др.

Некоторые из указанных или подобных текстов рассматривались именно как документы с исторической точки зрения (См., например: Миклухо-Маклай 1952; Строева 1974; Бушев 1976 и др.).

До настоящего времени объектом литературоведческого интереса такие тексты не становились. Между тем, с нашей точки зрения, они являются неотъемлемой частью восточного сверхтекста. Мы предлагаем ввести для определения литературоведческого статуса таких текстов понятие *посольский дискурс*, который детерминирует тематическое единство таких текстов безотносительно территориальной принадлежности.

В лингвистике существует понятие *дипломатический дискурс*, который рассматривается как явление коммуникации в нескольких сферах: в социальном институте дипломатии, как особая форма политической коммуникации или в целом как интердискурсивное явление. Дипломатический дискурс в его современном виде анализируется в лингвистическом или психолого-лингвистическом аспекте с точки зрения его структурной организации, специфики адресата/адресанта, агента/клиента и коммуникативно-речевых средств (Терентий 2010). Как явление литературное тексты дипломатического дискурса не рассматривались. Это не удивительно, если иметь в виду современные дипломатические тексты. Для них существуют дипломатический протокол, строгие жанровые регламенты и нормы, устанавливаемые этим видом институционального дискурса (Ярославцева, Дубровская 2015). В таких текстах невозможны эмоциональные оценки, личные комментарии, то есть проявление авторского начала.

В текстах же того периода, когда дипломатические отношения только зарождаются в обменах посольствами, когда только начинается знакомство с обычаями, культурой, социальной стратификацией чужой страны при отсутствии жанрового перечня и строгих регламентов посольских документов как раз и проявляется авторское начало, продуцирующее нарративные элементы текста. К дипломатическим документам этого периода применимо понятие *посольский дискурс*.

Как видим из краткого перечня посольских текстов, приведенного выше, они имеют разную жанровую природу – это записки, отчеты, журналы, воспоминания. Каждый из этих жанров предполагает разную степень авторской свободы и зависимости от профессиональных клише и регламентов. Их объединяет профессиональное ядро: все они написаны непосредственными участниками посольских миссий.

Таким образом, *посольский дискурс* составляют документальные и документально-публицистические тексты, представляющие собой тематическое единство, рассматриваемые в контексте – в нашем случае – восточного текста русской литературы, так как они опираются на общую мифологию и образ Востока, общие объекты описания чужого материального, социального и культурного пространства.

Материал и метод

В современной отечественной филологии активно исследуются текстовые массивы, объединенные общим объектом/событием, общей темой/мотивами. Самым значимым результатом такого подхода являются работы по исследованию локального текста, но «методология анализа локального текста как иерархически организованного сверткста, имеющего тематическое ядро, комплекс субтекстов разной стилистики (фольклорных и авторских) может быть применена и по отношению к другим тематическим единствам» (Мальцева 2020. 28).

Цель настоящей статьи состоит в описании *посольского дискурса*, являющегося, по нашему мнению, составной частью восточного текста русской литературы, который включает художественные, документально-публицистические и документальные тексты.

Посольский дискурс еще не был объектом системного научного описания. Нами он осмысливается как единство, представляющее собой практическую (профессиональную), научную, эстетическую и ментальную ценность. Такие тексты содержат уникальные подробности, не встречающиеся в других произведениях. Вхождение авторского посольского субтекста в такое единство предполагает исследование этого субтекста в рамках тематического контекста, литературной и культурной традиции. Более того, можно сказать, что специальная профессиональная документалистика и публицистика как раз и формирует первоначальный образ Востока, который объединяет восточный текст русской литературы: миф о былом величии этого края. Эта роль посольского дискурса определяет его ценность и значимость в создании общенациональной картины мира (ось Россия – Восток).

Материалом этого исследования служат тексты участников русско-персидских дипломатических миссий, представляющих специфическое описание Востока, мотивированное профессиональными интересами авторов. В данной статье представлен анализ текста «Дневные записки о путешествии русского императорского посольства в Персии в 1816 и 1817 годах, веденные советником этого посольства А. Е. Соколовым» (Соколов 1910). (Цитаты в статье приводятся по этому изданию с сохранением орфографии оригинала. – Т. М.).

«Дневные записки о путешествии русского императорского посольства в Персии в 1816 и 1817 годах»

В «Дневных записках» описано путешествие чрезвычайного посольства в Персию, которое в 1816 году отправил к персидскому шаху Фет-Али император Александр I во главе с генералом А. П. Ермоловым.

Об этом чрезвычайном посольстве есть несколько свидетельств: это дневниковые записи самого А. П. Ермолова, записки чиновника посольской канцелярии Василия Бороздина «Краткое описание путешествия Российско-императорского посольства в Персию в 1817 году», «Дневные записки» советника посольства Александра Егоровича Соколова и др. Последние представляют собой наиболее полный журнал, в котором описано само путешествие к месту назначения и действия посольства в Персии.

А. П. Ермолов в письме министру иностранных дел графу К. В. Нессельроде отметил важность этого документа: «...всякое сведение о земле столько мало как Персия нам известной может проложить пути к некоторым заключениям и подать мысль к полезным изысканиям» (Соколов 1910. 2). Следовательно, мы можем считать, что для современников «Дневные записки» Соколова представляли ценный источник информации, в котором содержались такие восточные реалии, которые были описаны впервые.

Наша гипотеза состоит в следующем. Считаем, что в «Дневных записках» А. Е. Соколова сформировались особые элементы наррации для передачи констант посольского текста: натурные описания, описания социального и культурного пространства, авторские комментарии, способы освоения иноязычных названий и слов.

1. Структура «Дневных записок»

«Дневные записки» состоят из трех частей, каждая из которых описывает определенный период посольства.

В первой части, которая охватывает период с середины октября 1816 года до 30 апреля 1817 года, описывается пребывание Ермолова в Тифлисе и осмотр им границ спорных территорий. По возвращении генерал Ермолов отправил в Петербург Александру I доклад об охране и обороне самых уязвимых участков русско-персидской границы.

В феврале 1817 года началась подготовка к путешествию по Персии: выбор маршрута для большого обоза, подготовка жилья для остановок и ночевки, предупреждение наместников пересекаемых областей о встрече посла. Заканчивается первая часть прибытием посольства на новую границу с Персией.

Во второй части, которая охватывает период с 30 апреля по 29 августа 1817 года, описывается путешествие до Султании (город в горной местности в 235 км от Тегерана, служил летней резиденцией шаха ввиду более мягкого климата. – *Т. М.*), прием у шах-заде в Тавризе, прием во дворце шаха в Султании и ведение переговоров.

В третьей части описывается обратное путешествие посольства из Султании в Тифлис в течение полутора месяцев с 29 августа до 10 октября 1817 года.

«Дневные записки» имеют служебную цель – это описание дипломатического этикета приема чрезвычайного русского посла персидскими наместниками и шахом. «Дневные записки» фиксируют маршрут движения посольства, порядок и содержание договоров о церемониале встречи чрезвычайного русского посла персидской стороной, порядок обмена подарками и участия в мероприятиях. Но кроме собственно дипломатических моментов автор описывает личное отношение к церемониальному персидскому этикету, представителям других посольств в Персии, дает оценку поведения европейских послов и характеризует отдельные персоны и их взаимоотношения, описывает шаха и его родственников, бытовые этнографические подробности домашнего убранства, природные и климатические особенности мест пребывания и т.д. Все эти детали закладывают порядок натуральных описаний чужого природного, культурно-этнографического и социального пространства и формируют ядро образа Востока в восточном тексте русской литературы.

2. Натурные описания

Сюжет подневного журнала задается маршрутом, а хронология и полнота описания событий определяется степенью их важности и значимости. Это основной способ организации материала в посольском дискурсе.

«Дневные записки» имеют смешанную хронологию передачи событий. В первой – «оседлой» – части, в которой посольство находится в Тифлисе и ожидает разрешения от русского императора, датировка помесечная с октября по конец апреля. Записи в этой части содержат описание переписки посольской миссии с Петербургом. 17 апреля 1817 года посольство выехало из Тифлиса. С этого момента начинается подневная датировка событий, задавая путевой нарратив.

Первые впечатления от Востока зарегистрированы в натурных описаниях восточной природы и восточной архитектуры, в которых автор отметил все особенности восточного домостроения, вызывающие удивление: бассейны, открытые террасы, зеркальные украшения интерьера:

Пространная долина, горами окруженная, на которой на некотором возвышении Аббас-мирза выстроил дворец изрядно отделанный, но еще не совсем dokonченный. Пред главною оногo фасадою обширный террас и пред сим регулярный четырех-угольник во всю ширину терраса и с отводами в обе стороны, деревьями обсаженными (орфография оригинала. – Т. М.);

Комната сия отделана весьма со вкусом штукатурною и лепною позлащенною работою, а стены возвышенного ее пространства подобногo открытому алькову до панелей, а также и потолок, украшены зеркалами и цветными стеклами; пред местом же, где сидел шах-зада, сделан во всю ширину впадины бассейн, наполненный водою.

Профессиональная направленность интересов автора отражена в приемах путевой наррации, свойственных именно посольскому дискурсу: вербальное картографирование природного пространства, описание восточной социальной стратификации и системы родства, описание восточного посольского церемониала.

2.1 Топонимическая номинация как способ картографирования чужого пространства

Новая территория документируется в «Дневных записках» в обильной топонимике осваиваемого пространства, только недавно вошедшего в состав России. В «Записках» отмечаются все географические точки местности по ходу движения посольского обоза. Маршрутизация движения является элементом путевого нарратива:

Главные пункты, чрез которые шла дорога от Коды, суть: переправа вброд через реку Храм или Кцию, Емир Айвазлы, ущелье у моста чрез речку Ахкерпи, Ахзы Бююк, переправа чрез речку Джемал-Оглу или Каменную в долине Ларийской горы и ущелья Безабдальские до Караклиса, а из сей крепости до Гумри.

В тексте встречаются названия разных видов географических объектов: гидронимы (*река Аджи-Чай, река Кизиль Узун, речка Джемал-Оглу, река Храм или Кция, речка Арпачай/Арпа-Чай*), оронимы (*горы Кафланку, урочище Караван-Сарай-Халагу, Ларийская гора, ущелья Безабдальские*), ойконимы (*Талынь, Девалу, Норошан, Маранд, Софиана, Саглан, Тавриз/Таврис, Астабад, Синджил-Абад/Синджил-Аббад/Синджил-Абат, Харзан, Аванлык, Варзаган, Туркманчай, Джамал-Абат, Миана, Енгидж, Зенган, Саман-Архи*).

Следует отметить, что автор впервые фиксирует названия некоторых объектов на русском языке, иногда предлагая перевод. Избранная стратегия

написания сохранится на всем протяжении записок, а именно: тщательная побуквенная передача иноязычных названий в русской транскрипции, возможное сопровождение топонима переводом на русский язык. Автор колеблется в написании персоязычных названий и иногда дает до трех вариантов их написания.

Как совершенно новые слова топонимы выделяются в тексте автором жирным шрифтом.

2.2 Способы описания социального пространства

В «Дневных записках» тщательно документируется социальное пространство, в первую очередь, социальная стратификация, отраженная в сложной и разветвленной иерархии должностей, иногда предлагается перевод и варианты написания должностей: *субхан*, *сердарь*, *сарганг/сарганк* (*командир*), *эшик-агаси* (*адъютант*), *шах-заде* (*шахский сын*), *мирза*, *каймахан/каймакан*, *беглер-биги*, *джалаудар* (*стрелянный*), *везирь/визирь*, *молла*, *верховный визирь* (*или садр-азам*), *ессаул-баши*, *топчи-баши/тапчибаши*, *моотамидуль-довла* (*отличный государственной доверенностью*), *бек*.

В восточной культуре очень важной оказывается система родства, автор обязательно подчеркивает семейные связи тех правителей, с которыми встречался Ермолов. При этом тщательно передается звучание имен, большинство из которых названы впервые:

По левую его (Аббас-мирзы. – Т. М.) сторону стояли три мальчика... один из них был сын Аббас-мирзы, другой его брат, а третий племянник шах-заде сын Али-шаха, Тегеранского беглер-биги;

В 10 часов утра был с визитою у г-на посла визирь его высочества мирза Аббул-Гассум (сын каймакама) в сопровождении трех ханов,

главных мирз Аббас-мирзы по разным частям управлений, ими заведываемых. Вслед за визирем пришел с визитою же и меньший сын каймакама мирза Муса-хан, имеющий в женах одну из шахских дочерей.

Родство во многом определяет место персонажа в системе социальной иерархии.

2.3 Посольский церемониал как элемент культурно-этнографического пространства

Ядро посольского дискурса составляет посольский церемониал. В него входят ритуалы встречи посла, его сопровождения, развлечения, угощения и дарения подарков. Так как важной частью посольства является организация приемов и участие в приемах противоположной стороны, автор подробно пишет о характере и способе подачи и сопровождения угощения со стороны персов и «потчиваний» гостей от имени русского посольства. Подобные угощения воспринимаются автором как возможность понять психологию и манеры поведения персидских вельмож, а также следить за соответствием этикета рангу чрезвычайного посла.

Автор указывает, что персидская сторона чаще всего угощает фруктами, сладостями, sherbetom, причем, отмечает необычную сервировку угощения:

...чинилось угощение чаем, сладостями и sherbetom; потом подан был завтрак из разных блюд в азиатском вкусе;

Потом принесен был из множества азиатских яств состряпанный обед на нескольких круглых подносах, поставляемых на маленькие столики, пред каждым из коих могут сесть токмо двое друг против друга.

В церемониале подношения угощения важным является статус подносителя от имени шах-заде или шаха:

Сюда прибыл из Тавриза от шах-заде Аббас-мирзы ... дворский принца сего чиновник, племянник каймакана мирзы Бизюрка. Он же поднес послу от его высочества на нескольких подносах разные сласти и фрукты, состоявшие из померанцов и гранат, с шербетом в нескольких фарфоровых чашках.

Автор отмечает живучесть религиозного запрета мусульманам есть за одним столом с христианами на приеме у русского посла:

съехавшиеся же к послу с приметным принуждением отведывали токмо чай и шоколад, безпрерывно куриив кальяны, а сев за стол вкушали токмо дыни и арбузы, которые разрезывал каймакам и слуги их собственными ножами, а до шербета, для пития приготовленного, и не коснулись, – и добавляет: Но каждый из них выпросил к себе на дом блюду из красиво сделанных желеев (желе. – Т. М.) и конфект. Сим угощением однако же чрезмеру довольны.

Русская сторона дипломатично приспособливалась к религиозным ограничениям в еде и угощала персидских вельмож тактично, о чем и пишет автор:

Нам в то же время стало о сем известно, и мы нашлись приспособиться несколько к их предрассудкам, и поелику известно, что магометане не вкушают от мяс, битых не людьми их исповедания, то и предъупредили мы их, что не токмо не будет ни блюд мясных, ни вина, но что и подаваться им будут яствы и пития в их вкусе.

Таким образом устанавливался своеобразный диалог угощений, «дипломатический стол», что способствовало успешности посольства.

2.4 Формы проявления авторского начала

«Дневные записки» представляют собой документальный отчет о путешествии и мероприятиях предварительно спланированного посольства. Тем не менее, текст записок не является документом в прямом смысле этого слова. Автор связан регламентом в описании посольских мероприятий, но свободен в описании обстановки, оценки поведения участников приемов и их качества, а также в высказывании собственного отношения к происходящему.

Для выражения личного отношения к событиям автор использует несколько способов.

Во-первых, вводит в текст записок личные комментарии под знаком NB.

Так, описывая размещение посла ереванским сердарем, Соколов указывает, что *брат и племянник сердаря, Гассан-хан и субхан Кули-хан, с приставом Аскер-ханом препроводили посла в предместье города до самого дома, назначенного для приема его превосходительства, принадлежащего саргангу (командиру батальона Сарбазов) Мегмед-бею. NB. Сарбазами называются ныне в Персии батальоны регулярных войск, англичанами формируемых.*

Во-вторых, к основному тексту автор добавляет 2 приложения: «Об этикете и о прочих событиях с Российско-императорским посольством в Тавризе, Султании и вообще в путешествии по Персии» и «О посещениях и угощениях», в которых дается оценка отношения обеих сторон к этикету и самого этикета. В частности, автор много внимания уделяет знаменитой истории отказа генерала Ермолова надевать красные чулки и азиатские туфли на высоких каблуках на приеме у шах-заде и шаха. Генерал Ермолов счел этот этикетный обряд оскорбительным для русского мундира и себя как представителя российского императора и категорически отверг его вплоть до отказа от встречи с шахом. Для Ермолова персидская сторона сделала исключение – он на всех приемах был в сапогах.

Автор дает личный комментарий к таким церемониям:

Что же касается до обрядов, от утонченной вежливости происходить долженствовавших бы, вникательному понятию нашему, привыкшему ко всему и в общежитии и при дворах царских в Европе наблюдаемому в сем отношении, не иное что являлось, как пресмыкающаяся униженность младших к старшим и подчиненных пред властителями, сих же токмо презрительная надменность; а в выражениях учтивостей, приветствий и рассуждений заключалось токмо непомерное невежество с лицемерием и самохвалством.

В-третьих, автор не чурается давать личные оценки событиям и персонам. Так, русское посольство в соответствии с рангом чрезвычайного посла персидская сторона сопровождала воинскими церемониями: воинскими караулами и показательными выступлениями войск.

Автор в скобках как явно текст «от себя» с одобрением отмечает любовь персиян к воинским выступлениям и грандиозность этих мероприятий:

Нынешнее пребывание здесь (в Султании. – Т. М.) шаха отличалось чрезвычайным многолюдством: с ним был старший его сын Мегмед-Али-мирза, Зенганский шах-зада Абдулла-мирза и Курдистанский вали Эманулла-хан, множество вельмож, и многочисленное войско, состоявшее тысяч из тридцати, в числе коих регулярной пехоты тысяч до девяти... Пребывание здесь его шахского величества украшалось ежедневными экзерцициями регулярной пехоты, и частыми смотрами воинских сил.

В-четвертых, автор по своей инициативе включает в повествование персидские реалии (меры длины, названия месяцев и другую информацию) и в скобках дает пояснения для читателя:

От Тавриза до Тегерана считается более 80 агачей, или около 600 верст. От Тавриза же до Уджана агачей 7 или с небольшим 40 верст; а из

Султани в Тегеран 24 агача, или около 150 верст, следовательно от Тавриза до Султаши предстояло еще верст с 450;

Известив притом, что желательно было бы его величеству, что (бы) посол прибыл в Тегеран, есть-ли бы было то возможно, к 7-му или 8-му числу месяца шабана (к 10-му или 11-му июня).

Таким образом, можно сделать вывод, что автор свободен в выборе объектов и способа комментирования и охотно дает эмоциональные авторские оценки персидским церемониальным посольским ритуалам и бытовым реалиям.

Заключение

Итак, мы рассмотрели содержание понятия *посольский дискурс* и возможные составляющие этого дискурса.

По нашему мнению, *посольский дискурс* составляют документальные и документально-публицистические тексты, представляющие собой тематическое единство, рассматриваемые в контексте восточного текста русской литературы, так как они опираются на общую мифологию и образ Востока, общие дестинации чужого материального, социального и культурного пространства.

Установив, что посольский дискурс может рассматриваться как часть иерархически организованной структуры восточного текста русской литературы, мы проанализировали конкретный документ посольского дискурса – «Дневные записки о путешествии русского императорского посольства в Персии в 1816 и 1817 годах, веденные советником этого посольства А. Е. Соколовым».

В «Дневных записках» сформировались особые элементы наррации для передачи констант посольского текста: натурные описания, описания

социального и культурного пространства, авторские комментарии, способы освоения иноязычных названий и слов.

Новая территория документируется в «Дневных записках» в обильной топонимике осваиваемого пространства, только недавно вошедшего в состав России, оформляется культура топонимической номинации.

В «Дневных записках» тщательно документируется социальное пространство, в первую очередь, социальная стратификация, отраженная в сложной и разветвленной иерархии должностей.

Ядро посольского дискурса составляет посольский церемониал. В него входят посольские ритуалы встречи посла, его сопровождения, развлечения, угощения и дарения подарков. Этот значимый элемент посольского церемониала воспринимается автором как возможность понять психологию и манеры поведения персидских вельмож.

В «Дневных записках» ярко проявляется личность автора. Автор свободен в выборе объектов и способа комментирования церемониального посольского ритуала.

Литература

- 1- Алексеев П. В. (2015). *Восток и восточный текст русской литературы первой половины XIX века: концептосфера русского ориентализма*: автореф. дис. ...д-ра филол. наук. Томск.
- 2- Андропова Е. В. (2002). *Русско-иранские торгово-экономические и дипломатические отношения в XVII – первой половине XVIII века*: дис. ... канд. исторических наук. М.
- 3- Бушев П. П. (1976). *История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1586-1612 гг. (по русским архивам)*. М.: Изд-во «Наука».
- 4- Кулагина Л. М. (2010). *Россия и Иран (XIX – начало XX века)* / Российская академия наук; Институт востоковедения. М.: Изд-во «Ключ-С».
- 5- Мальцева Т. В. (2008). *Изображение природы в русской документальной прозе XVIII века // Природа в художественном слове. Идеи и стиль. Сборник научных статей*. Под ред. Т. Я. Гринфельд-Зингурс. СПб.: Изд-во «ЛГУ им. А.С. Пушкина».

- 6- Мальцева Т. В. (2019). *Изображение Персии в русской документальной прозе XIX века («Путешествие в Персию» А. Д. Салтыкова)* // Исследовательский журнал русского языка и литературы. URL: <https://journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/81/90>
- 7- Мальцева Т. В. (2020). *«Охотничий текст» русской литературы* // ART LOGOS (Искусство слова). URL: [file:///C:/Users/Admin/Downloads/ohotnichiy-tekst-russkoy-literatury%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/Admin/Downloads/ohotnichiy-tekst-russkoy-literatury%20(1).pdf)
- 8- Миклухо-Маклай И. Д. (1952). *«Записки» С. Аврамова об Иране как исторический источник* // Ученые записки ЛГУ. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Persien/XVIII/1720-1740/Avramov_S/frametext1.htm.
- 9- *Пушкин и мир Востока* (1999). М. : Изд-во «Наука».
- 10- *Русская литература и Восток: Особенности художественной ориенталистики XIX-XX веков* (1998). Ташкент: Изд-во «Фан».
- 11- Саймонов С. И. (1763). *Описание Каспийского моря и чиненых на оных российских завоеваний, яко часть истории государя императора Петра Великого*. СПб.
- 12- Соколов А. Е. (1910). *Дневные записки о путешествии русского императорского посольства в Персии в 1816 и 1817 годах, веденные советником этого посольства А. Е. Соколовым*. М. : Изд-во «Императорское общество истории и древностей российских».
- 13- Строева Л. В. (1974). *Русские источники по истории Ирана второй половины XVIII века* // Вестник ЛГУ. Серия истории, языка и литературы. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Persien/XVIII/1760-1780/Jablonskij_V_S/text.phtml?id=12763
- 14- Тер-Гукасов Е. Н. (1915). *Экономические интересы России в Персии*. Петроград.
- 15- Терентий Л. М. (2010). *Дипломатический дискурс как особая форма политической коммуникации* // Вопросы когнитивной лингвистики. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diplomaticheskij-diskurs-kak-osobaya-forma-politicheskoy-kommunikatsii>
- 16- Ярославцева Я. А., Дубровская Т. В. (2015). *Корпус российского внешнеполитического дискурса в жанровом аспекте (на материале выступлений министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова)* // Научный диалог. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korpus-rossiyskogo-vneshnepoliticheskogo-diskursa-v-zhanrovom-aspekte-na-materiale-vystupleniy-ministra-inostrannyh-del-rossiyskoy>

Bibliography

- 1- Alekseev P. V. (2015). *Vostok i vostochnyj tekst russkoj literatury pervoj poloviny XIX veka: konceptosfera russkogo orientalizma: avtoref. dis. ...d-ra filol. nauk.* Tomsk.
- 2- Andronova E. V. (2002). *Russko-iranske trgovno-jekonomicheskie i diplomatske otnoshenija v XVII – pervoj polovine XVIII veka: dis. ... kand. istoricheskikh nauk.* M.
- 3- Bushev P. P. (1976). *Istorija posol'stv i diplomatskikh otnoshenij Russkogo i Iranskogo gosudarstv v 1586-1612 gg. (po russkim arhivam).* M. : Izd-vo «Nauka».
- 4- Kulagina L. M. (2010). *Rossija i Iran (XIX – nachalo XX veka) /* Rossijskaja akademija nauk; Institut vostokovedenija. M.: Izd-vo «Kljuch-S».
- 5- Mal'ceva T. V. (2008). *Izobrazhenie prirody v russkoj dokumental'noj proze XVIII veka // Priroda v hudozhestvennom slove. Idei i stil'. Sbornik nauchnyh statej.* Pod red. T. Ja. Grinfel'd-Zingurs. SPb.: Izd-vo «LGU im. A.S. Pushkina».
- 6- Mal'ceva T. V. (2019). *Izobrazhenie Persii v russkoj dokumental'noj proze XIX veka («Puteshestvie v Persiju» A. D. Saltykova) // Issledovatel'skij zhurnal russkogo jazyka i literatury.* URL: <https://journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/81/90>
- 7- Mal'ceva T. V. (2020). *«Ohotnichij tekst» russkoj literatury // ART LOGOS (Iskusstvo slova).* URL: [file:///C:/Users/Admin/Downloads/ohotnichiy-tekst-russkoy-literatury%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/Admin/Downloads/ohotnichiy-tekst-russkoy-literatury%20(1).pdf)
- 8- Mikluho-Maklaj I. D. (1952). *«Zapiski» S. Avramova ob Irane kak istoricheskij istochnik // Uchenye zapiski LGU.* URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Persien/XVIII/1720-1740/Avramov_S/frametext1.htm.
- 9- *Pushkin i mir Vostoka* (1999). M. : Izd-vo «Nauka».
- 10- *Russkaja literatura i Vostok: Osobennosti hudozhestvennoj orientalistiki XIX-XX vekov* (1998). Tashkent: Izd-vo «Fan».
- 11- Sajmonov S. I. (1763). *Opisanie Kaspijskogo morja i chinennyh na onyh rossijskikh zavoevanij, jako chast' istorii gosudarja imperatora Petra Velikogo.* SPb.
- 12- Sokolov A. E. (1910). *Dnevnye zapiski o puteshestvii russkogo imperatorskogo posol'stva v Persii v 1816 i 1817 godah, vedennye sovetnikom jetogo posol'stva A. E. Sokolovym.* M. : Izd-vo «Imperatorskoe obshhestvo istorii i drevnostej rossijskikh».
- 13- Stroeva L. V. (1974). *Russkie istochniki po istorii Irana vtoroj poloviny XVIII veka // Vestnik LGU. Serija istorii, jazyka i literatury.* URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Persien/XVIII/1760-1780/Jablonskij_V_S/text.phtml?id=12763
- 14- Ter-Gukasov E. N. (1915). *Jekonomicheskie interesy Rossii v Persii.* Petrograd.

- 15- Terentij L. M. (2010). *Diplomaticheskij diskurs kak osobaja forma politicheskoy kommunikacii* // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diplomaticheskij-diskurs-kak-osobaya-forma-politicheskoy-kommunikatsii>
- 16- Jaroslavceva Ja. A., Dubrovskaja T. V. (2015). *Korpus rossijskogo vneshnepoliticheskogo diskursa v zhanrovom aspekte (na materiale vystuplenij ministra inostrannyh del Rossijskoj Federacii S.V. Lavrova)* // Nauchnyj dialog. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korpus-rossijskogo-vneshnepoliticheskogo-diskursa-v-zhanrovom-aspekte-na-materiale-vystupleniy-ministra-inostrannyh-del-rossijskoy>

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Maltseva, Tatiana Vladimirovna (2022). THE IMAGE OF THE EAST IN THE EMBASSY DISCOURSE (INTRODUCTION TO THE TOPIC). *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury*, 10(2), 97–117

DOI: 10.52547/iarll.20.97

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/245>

سیمای شرق در گفتمان سفارت (درآمدی بر موضوع)

تاتیانا ولادیمیروونا مالتسوا*

استاد دانشگاه دولتی آ.س. پوشکین لنینگراد،

سن پیتربورگ، روسیه.

(تاریخ دریافت: اوت ۲۰۲۲؛ تاریخ پذیرش: سپتامبر ۲۰۲۲)

چکیده

مقاله حاضر به بررسی و مطالعه بخشی از ادبیات که منبع ارزشمند اطلاعات درباره شرق از جمله ایران است می‌پردازد و به جرئت می‌توان گفت هنوز مورد مطالعه قرار نگرفته است. موضوع مطالعه این پژوهش، اسناد دیپلماتیکی است که متون آن‌ها تاکنون به‌عنوان اسناد و مدارک تنها از دیدگاه تاریخی در آثار مورخان مورد توجه قرار گرفته است. به‌نظر نویسنده مقاله، این اسناد را می‌توان در چارچوب متون شرقی در ادبیات روسیه دانست. همه آن‌ها موضوع واحد و مشترکی دارند زیرا براساس اسطوره و تصویر مشترک از شرق، موضوعات و پدیده‌های مشترک و روش‌های مشترک توصیف آن‌ها نگاشته شده‌اند. نویسنده برای تعیین کارکرد ادبی این‌گونه متون، مفهوم گفتمان سفارت را ارائه می‌کند. منابع مورد مطالعه مقاله حاضر نوشته‌های اشخاصی است که در مأموریت‌های دیپلماتیک حضور داشته‌اند و با تکیه بر نگرش و تجربیات حرفه‌ای خود، توصیف خاصی از شرق ارائه کرده‌اند. در این مقاله یکی از اسناد مربوط به گفتمان سفارت با عنوان «یادداشت‌های روزانه درباره سفر سفیر امپراتوری روسیه به ایران طی سال‌های ۱۸۱۶ و ۱۸۱۷ که مشاور سفیر به نام آ.ای. ساکالوف آن‌ها را می‌نوشته است» بررسی و تجزیه و تحلیل می‌شود. نتایج حاصل از پژوهش نشان می‌دهد که در «یادداشت‌های روزانه» آ.ای. ساکالوف، عناصر و شیوه‌های خاصی برای روایت موضوع در متون مربوط به گفتمان سفارت شکل گرفته‌اند: عناصری چون توصیف طبیعت، توصیف فضای اجتماعی و فرهنگی، نظرات و دیدگاه‌های نویسنده، روش‌های ثبت شکل نوشتاری نام‌ها، عناوین و واژگان خارجی.

واژگان کلیدی: آثار و متون شرقی، گفتمان سفارت، اسناد دیپلماتیک، ژانرهای مستند، نشر مستند و مطبوعاتی.

1. E-mail: kafliit@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-8432-4314

* نویسنده مسئول

نوع مقاله: علمی-پژوهشی

PECULIARITIES OF CONCEPTUALIZATION OF ART IN L.N.TOLSTOY'S PUBLICIST WRITING

Tokarev Grigoriy Valeriyevich¹

Professor, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
Tula, Russia.

Yahyapour Marzieh^{2*}

Professor of Russian Language and Literature,
Faculty of Foreign Languages and Literature, University of Tehran,
Tehran, Iran.

(date of receiving: July, 2022; date of acceptance August, 2022)

Abstract

The article deals with the conceptualization of art in the works of Tolstoy in his publicist writings. The conceptualization is a complex amalgam of ordinary and scholarly consciousness. Tolstoy presents his point of view on the basis of the extensive theoretical and empirical material, theories of love, non-resistance to evil by violence, the meaning of human life, the structure of society. The main means of explication of knowledge include synonymy, antonymy, comparison of related concepts, highlighting the key differential features, and metaphorization. Tolstoy understands art as an activity, a pastime, a spiritual entity. The thinker organically uses rational and emotional tactics of narration. The outcome of Tolstoy's thinking is a classification of art built on the principle of dichotomy: art is divided into true and false, and the true one, in turn, is divided into religious and common (worldly). The conceptualization of art is linked to the identification of its main features: expression of the law of universal love, uniqueness, contagiousness, clarity and simplicity, and its functions: to be a means of communication, to suppress low feelings and develop high ones, to make a person morally strong. The conceptualisation of art has been found to have an explicit vectorial marking, directed towards the future.

Keywords: Leo Tolstoy, Art, Consciousness, Conceptualization, Publicism.

1. Email: grig72@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-2362-0902

2. E-mail: myahya@ut.ac.ir; ORCID ID: 0000-0001-8195-6909; ScopusID: 57219025316

* Corresponding author.

ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ИСКУССТВА В ПУБЛИЦИСТИКЕ Л. Н. ТОЛСТОГО

Токарев Григорий Валериевич¹

Профессор,
Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого,
Тула, Россия.

Яхьяпур Марзие^{2*}

Профессор, Кафедра русского языка и литературы, Тегеранский университет,
Тегеран, Иран.

(дата получения: июль 2022г., дата принятия: август 2022г.)

Аннотация

В статье рассмотрены особенности концептуализации искусства в публицистических произведениях Л. Н. Толстого. Концептуализация представляет собой сложную амальгаму обыденного и научного сознания. Толстой излагает свою точку зрения с опорой на обширный теоретический и эмпирический материал, на созданные им теории любви, непротивления злу насилием, смысла человеческой жизни, устройства общества. К основным средствам экспликации знаний относится синонимия, антонимия, сопоставление смежных понятий, выделение ключевых дифференциальных признаков, метафоризация. Под искусством Толстой понимает деятельность, забаву, духовный орган. Мыслитель органично использует рациональные и эмоциональные тактики изложения. Итогом размышлений Толстого стала классификация искусства, построенная на принципе дихотомии: искусство делится на подлинное и ложное, а подлинное в свою очередь на религиозное и обыденное (всемирное). Концептуализация искусства связана с выявлением его основных признаков: выражение закона всеобщей любви, уникальность, заразительность, ясность и простота – и функций: быть средством коммуникации, подавлять низменные чувства и развивать высокие, делать человека морально сильным. Установлено, что концептуализация искусства имеет явную векторную маркированность, направленность в будущее.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, Искусство, Сознание, Концептуализация, Публицистика.

1. Email: grig72@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-2362-0902

2. Email: myahya@ut.ac.ir; ORCID ID: 0000-0001-8195-6909; ScopusID: 57219025316

* Ответственный автор.

Введение

Личность Л. Н. Толстого в современной интерпретации преподносится как неформатная, противоречивая, эпатажная. На протяжении своей долгой жизни мыслитель менял убеждения, выражал взгляды, которые вступали в противоречие с культурными установками, стандартами, нормами времени. Идеям Толстого дают оценку разнообразными определениями: смелые, нестандартные, нигилистские, революционные и др. Толстой излагал своё видение на разнообразные явления действительности: государство и патриотизм, церковь, религия и вера, школа и система воспитания, брак и семья. Особое место в этом ряду занимает тема искусства. Этот аспект жизни особенно важен для Толстого, поскольку он выступает и как «потребитель» произведений искусства, и как их создатель.

Полагаем, что новый взгляд на искусство у Толстого формируется в период его активной педагогической деятельности: с конца 50-х – начала 60-х гг. XIX в. Толстой наблюдает за творчеством крестьянских детей и приходит к осмыслению критериев настоящего искусства. Огромное значение в этом отношении имеет статья «Кому у кого учиться писать, крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят?», а также некоторые другие педагогические сочинения Толстого. В своём позднем творчестве Толстой уходит от крупных форм, от использования приёмов макаронической речи и варваризмов. Главным критерием художественного произведения выступает понятность и доступность во всех аспектах преломления этих свойств.

Вопросы о сущности искусства затрагивались Толстым во многих публицистических и художественных произведениях, письмах и дневниках. Главным трудом, посвящённым сущности искусства, является обширная статья Л. Н. Толстого «Что такое искусство», над которой он работал пятнадцать лет. В ней Толстой был настолько прямолинеен, что данная работа в исходном своём виде была запрещена к публикации в России, и Толстой

намеревался опубликовать её за рубежом. Профессор Грот пытался отредактировать данную статью, сгладив острые углы. Но, как отмечал сам Толстой, это привело к искажению его мысли.

Эстетические взгляды Л. Н. Толстого хорошо изучены в рамках философской и идеологической парадигм. Е. П. Федосова рассуждает в своих трудах о социальных причинах отрицания Толстым декадентского искусства (Федосова, 2014), Е. Н. Арцибасова исследует влияние этических воззрений писателя на его эстетическую теорию, а также её воздействие на современников Толстого (Арцибасова, 2003). С. А. Симонова считает, что воззрения Толстого на искусство стали следствием его морализаторства (Симонова, 2021). При этом А. О. Кобылкин отмечает: «несмотря на количество работ, в которых рассматривается эстетика писателя, во многих своих аспектах они проанализированы недостаточно, и публицистического наследия писателя касаются слабо» (Кобылкин 2017. 150). Целью настоящего исследования является изучение особенностей концептуализации искусства в публицистике Л. Н. Толстого. Основным методом изучения является интерпретация ключевых фраз и когнитивное моделирование концептуальной сферы «Искусство».

Основная часть

В различных статьях, посвящённых теме искусства, Толстой предлагает разнообразные определения данному феномену.

Так, искусство трактуется путём подбора идеографических синонимов как потеха, развлечение, забава. Цель такого способа – показать, что назначение искусства – отвлечь человека, заставить пережить какие-либо чувства без усилий. *«Искусство есть забава, дающая отдохновение трудящимся людям, забава, состоящая в том, что человек, не делая усилий жизни, переживает различные душевные состояния, чувства, которыми его заражает искусство.»*

О том, что есть и что не есть искусство, и о том, когда искусство есть дело важное и когда она есть дело пустое» (Толстой 2006б. 269). Такая интерпретация характеризуется наивностью, простотой толкования. Толстой принимает на себя роль простого, малообразованного человека, который объясняет сущность искусства.

Толстой считает искусство обязательным атрибутом жизни человека, оно имеет разнообразные формы, без которых он не представляет своего существования. Причастие *наполнено* подчёркивает данную тактику концептуализации, указывая на то, что искусство выступает своеобразным содержанием человеческой жизни. *Вся жизнь человеческая наполнена произведениями искусства всякого рода, от колыбельной песни, шутки, передразнивания, украшений жилищ, одежд, утвари до церковных служб, торжественных шествий. Всё это деятельность искусства.* (Толстой 2006а. 67). Ещё один важный дефинирующий аспект искусства – объяснение его как деятельности, которая предполагает какой-либо результат, продукт.

Концептуализацию искусства Толстой выстраивает на основе сопоставления смежных феноменов. Так, мыслитель разделяет понятия искусства и мастерства, считая, что подлинное искусство отличается от мастерства уникальностью, нетиражируемостью, предназначенностью передать чувства творца. *«...искусство не есть мастерство, а передача испытанного художником чувства»* (Там же. 182).

Для подчёркивания важности искусства Толстой прибегает к метафоре духовного органа. *«Искусство есть духовный орган человеческой жизни и его нельзя уничтожить...»* (Там же. 177). Из прочтения данной метафоры следует, что искусство – это жизнь.

Толстой основательно подходит к определению сущности искусства. Он скрупулёзно анализирует принятые в эстетике трактовки искусства, данные Баумгартеном, Кантом, Шеллингом, Шиллером, Фихте, Лессингом, Гегелем и

др. и заключает, что оно трактуется неоднозначно: *«Так что искусство, поглощающее огромные труды народа и жизни человеческих и нарушающее любовь между ними, не только не есть нечто ясно и твёрдо определённое, но и понимается так разноречиво своими любителями, что трудно сказать, что вообще разумеется под искусством...»* (Там же. 32). Обращает на себя внимание сочетаемость ключевого слова: *искусство поглощает, нарушает*. Фразой: *«Искусству приносятся страшные жертвы трудами, жизнями людскими, нравственностью, а искусство это не только не полезное, но вредное дело»* (Там же. 33). Толстой подчёркивает разрушающий аспект той силы, которая в обществе именуется искусством, её вредоносное влияние на человека. Лев Николаевич отмечает неопределённость искусства, отсутствие чётких критериев в установлении его границ. То, что для одних выступает искусством, для других – нет.

В. Ф. Асмус отмечает: *«Голстовское осуждение культуры – не злоба варвара, который, будучи сам вне культуры, не дойдя еще до культуры, отрицает ее как нечто ему совершенно чуждое и ненавистное. Своеобразие Толстого в том, что, будучи европейски образованным писателем, Толстой в то же время глядит на явления культуры и глазами патриархального крестьянина, который видит, что плоды культуры остаются для него недоступными в тех условиях общества, в какие он поставлен. (Асмус 1961. 40).* Таким образом, концептуализации искусства свойствен синтез обыденного и научного подходов.

Анализируя многообразные эстетические теории, Толстой выделяет в них главный дифференциальный признак искусства – красоту. Выбор данного критерия, по мнению мыслителя, связан с духовной деградацией людей. Кризис искусства связан с изменением религиозного сознания людей и утратой чувства народности. *С тех пор как люди высших классов потеряли веру в церковное христианство, мерилom хорошего и дурного искусства стала*

красота, то есть получаемое от искусства наслаждение... (Толстой 2006а. 74). В этом тезисе Толстого важно то, что искусство объясняется как объект интереса высших слоёв общества. *«...почти все чувства людей нашего круга сводятся к трём, очень несложным и ничтожным чувствам: к чувству гордости, похоти и к чувству тоски жизни. И эти три чувства и их разветвления составляют почти исключительное содержание искусства богатых классов»* (Там же. 87). По мнению С. А. Симоновой, «Морализаторство писателя сужает перспективу исследований, мешает ему осознать феномен искусства во всей глубине его метафизических измерений» (Толстой 2006. 7). На наш взгляд, данное суждение остаётся не доказанным. Толстой выстраивает собственную, аргументированную модель искусства, а не ограничивается изложением наставлений и запретов.

Следует заметить, что религиозное сознание, в понимании Толстого, – это не культовое, церковное сознание. Оно проявляется в принятии чувства любви к ближнему, к Богу. *«Религиозное сознание нашего времени в самом общем практическом приложении его есть сознание того, что наше благо, и материальное и духовное, и отдельное и общее, и временное и вечное, заключается в братской жизни всех людей, в любом единении нашем между собой»* (Толстой 2006а. 154). Соответствие критерию религиозного сознания позволяет Толстому говорить об искусстве поддельном и подлинном, об особенностях искусства будущего. *Искусством будут считаться только те произведения, которые будут передавать чувства, влекущие людей к братскому единению или такие общечеловеческие чувства, которые будут способны соединять всех людей.* (Там же. 179). К чертам лжеискусства Толстой относит приверженность ритуалу, патриотизм, чувственность. *Искусство же, передающее чувства, вытекающие из отсталого, пережитого людьми, религиозного учения: искусство церковное, патриотическое, сладострастное, передающее чувство суеверного страха, гордости,*

тщеславия, восхищения перед героями, искусство, возбуждающее исключительную любовь к своему народу или чувственность, будет считаться дурным, вредным искусством и будет осуждаться и презираться общественным мнением» (Там же. 179-180).

Сопоставляя истинное и ложное искусство, Толстой прибегает к метафорам блудницы и добропорядочной жены. Данные метафоры позволяют Толстому объяснить читателю продажную красочность поддельного искусства, его внутреннюю пустоту, корысть. *«Искусство нашего времени и нашего круга стало блудницей. ...так же всегда разукрашено, так же всегда продажно, так же заманчиво и губительно»* (Там же. 178). Эти же метафоры эксплицируют смыслы уникальности подлинного искусства и серийности, регулярности ложного. *Настоящее произведение искусства может проявляться в душе художника только изредка, как плод предшествующей жизни, точно так же как зачатие ребёнка матерью. Поддельное же искусство производится мастерами, ремесленниками безостановочно, только бы были потребители. ... Настоящее искусство не нуждается в украшениях, как жена любящего мужа. Поддельное искусство, как проститутка, должно быть всегда изукрашено. Причиной появления настоящего искусства есть внутренняя потребность выразить накопившееся чувство, как для матери причина полового зачатия есть любовь. Причина поддельного искусства есть корысть, точно так же как и проституция»* (Там же. 178).

Истинное и ложное искусство различаются результатами. Истинное искусство делает человека сильным, ложное – слабым. *«Последствие истинного искусства есть внесённое новое чувство в обиход жизни, как последствие любви жены есть рождение нового человека в жизнь. Последствие поддельного искусства есть развращение человека, ненасытность удовольствий, ослабление духовных сил человека»* (Там же. 179). С. А. Симонова полагает, что «русский писатель понимает искусство

только как средство формирования нравственности с помощью художественных средств, по сути, отстаивая дидактическую функцию искусства как главную и исключительную, забыв о том, что искусство само по себе прекрасно и обладает правом стоять вне нравственности или над ней». (Симонова 2021). Вновь обращаясь к приведённым цитатам, мы полагаем, что утверждение о том, что Толстой забывает о прекрасном, размышляя об искусстве, беспочвенно. Напротив, он подчёркивает естественную красоту подлинного искусства, используя образы верной жены и матери. Метафорика традиционно является приёмом аргументации в дискурсе Толстого. Косвенные номинации могут использоваться как средства рациональной, так и эмоциональной аргументации. В нашем случае метафорика используется как инструмент эмоционального воздействия на читателя, свидетельствует о напряжённости чувств пишущего.

Размышляя над сущностью красоты, Толстой приходит к пониманию того, что красота – это то, что нравится, то, что лежит на поверхности, то, что приносит удовольствие. Однако данный критерий субъективен, поскольку одним может нравиться одно, другим – другое. Толстой считает данный критерий неправильным. *«Люди поймут смысл искусства только тогда, когда перестанут считать целью этой деятельности красоту, то есть наслаждение»* (Там же. 61). Красота, наслаждение, по Толстому, не могут стать критериями искусства. Если уйти от этого критерия, можно преодолеть споры о сущности искусства.

Современное искусство, по мнению писателя, обеднело, утратило красоту, искренность. Это подтверждают выделенные Толстым приёмы современного искусства: 1) заимствование, 2) подражательность, 3) эпатаж, 4) занимательность. Толстой анализирует произведения современных ему творцов: Бодлера, Верлена, Вагнера и др. – и приходит к выводу, что они непонятны обычному человеку. Для экспликации своих мыслей Толстой

прибегает к приёму использования антонимов в функции превращения: *«дурной → хороший. В нашем обществе искусство до такой степени извратилось, что искусство дурное стало считаться хорошим, но потерялось и самое понятие о том, что есть искусство, так что для того, чтобы говорить об искусстве нашего общества, нужно прежде всего выделить настоящее искусство от поддельного»* (Там же. 148). Именно критерий понятности, а следовательно, ангажированности интересам потребителя Толстой видит ключевым при определении искусства. *«...извращённое искусство может быть непонятно людям, но хорошее искусство всегда понятно всем».* (Там же. 108) Понятность искусства обеспечивается ясностью мысли и чувства. *«Научное и художественное творчество есть такая духовная деятельность, которая смутно представляющиеся мысль или чувство доводит до такой ясности, что мысль усваивается другими людьми, а чувство также сообщается другим людям.* (Толстой 2006б. 219).

Понятность проявляется и в том, что искусство должно выражать присущие всем людям чувства и главное из них – любовь к Богу. *«Первое и главное, чтобы оно выражало не чувства людей, стоящих в исключительных условиях, а напротив, такие чувства, которые свойственны всем людям. Чувства же, свойственные всем людям, суть самые высокие чувства. Чем выше чувства людей – любовь божеская – тем они общее всем людям и наоборот.* (Толстой 2006б. 270). Назначение искусства Толстой видит в том, что посредством него люди передают свои чувства: *«...искусством люди передают свои чувства»* (Толстой 2006. 64). Тем самым, искусство выступает средством коммуникации, а следовательно, должно объединять людей. *«Искусство ... есть одно из орудий общения, а потому и прогресса...»* (Толстой 2006а. 151). В этой функции искусства Толстой видит его прогрессивное значение. Это свойство объединяет искусство и науку. Толстой задумывается над тем, что наука может открыть для искусства новые идеалы.

На концепцию искусства оказала влияние теория непротивления злу насилием. Именно борьбу с разными формами насилия, утверждение всеобщей любви Толстой считает одним из главных предназначений искусства. *«Назначение искусства в наше время – в том, чтобы перевести из области рассудка в область чувства истину о том, что благо людей в их единении между собою, и установить на место царствующего теперь насилия то царство Божие, то есть любви, которое представляется всем нам высшею целью жизни человечества ...»* (Там же. 195).

Толстой предлагает модель подлинного искусство, выделяя в нём две разновидности: религиозное искусство (соотносящее человека с Богом) и всемирное (передающее обычные чувства человека).

Значение искусства в том, чтобы вытеснять низшие чувства, способствовать их эволюции... *«...Христианское искусство нашего времени может быть и есть двух родов: 1) искусство, передающее чувства, вытекающие из религиозного сознания положения человека в мире, по отношению к Богу и ближнему, – искусство религиозное, и 2) искусство, передающее самые простые жизненные чувства, такие, которые доступны всем людям всего мира, – искусство всемирное»* (Там же. 177). Для номинации подлинного искусства Толстой прибегает к эпитету *христианское*, подчёркивает тем самым его связь с религиозным сознанием. А. Н. Тушев отмечает: «Л. Н. Толстой не видит смысла в плодах, которые приносит человечеству прогресс, если они не способны повлиять на самую важную, по мнению писателя, сферу жизни человека – религиозную» (Тушев 2016. 184).

Главным признаком настоящего искусства является его заразительность, которая стирает грани между художником и воспринимающим. *«Признак, выделяющий настоящее искусство от поддельного, есть один несомненный – заразительность искусства»* (Толстой 2006а. 148). Благодаря этому свойству искусства обычный человек, незаметно для него, выступает в роли творца. Это

происходит потому, что мировоззрение художника и воспринимающего совпадают. *«Главная особенность этого чувства в том, что воспринимающий до такой степени сливается с художником, что ему кажется, что воспринимаемый им предмет сделан не кем-либо другим, а им самим, и что всё то, что выражается этим предметом, есть то самое, что так давно уже ему хотелось выразить. Настоящее произведение искусства делает то, что в сознании воспринимающего уничтожается разделение между ним и художником...»* (Там же. 149).

Христианское искусство Толстой называет искусством будущего. Ему мыслитель приписывает следующие признаки: ясность, простота, краткость. Именно эти условия Толстой посчитал нужным приложить к своим поздним произведениям. Важность для людей, понятность, внутренняя потребность художника в самовыражении – вот условия появления произведений подлинного искусства.

«...чтобы произведение было произведением искусства нужно:

- 1) *чтобы то новое, что составляет содержание произведения, было бы важно для людей;*
 - 2) *чтобы выражено было это содержание так ясно, чтобы люди могли понять его;*
 - 3) *чтобы побуждением к работе автора над своим произведением была внутренняя потребность, а не внешние побуждения.*
- (Толстой 2006б. 221-222).

Как видим, Толстой в свойственной ему манере рассуждения предложил стройную, основанную на принципе дихотомии классификацию искусства. Этот факт подтверждает С. А. Симонова: «Русский классик выстраивает собственную духовную архитектонику, на вершине которой оказываются нравственные ценности, признаваемые им самыми важными и высшими» (Симонова 2021).

Мысли об искусстве, представленные Л. Н. Толстым, мы охарактеризовали бы как перспективные применительно к современной культурной ситуации, в которой культура, по сути, превратилась в бизнес, а люди культуры – в пропагандистов комфортной, основанной на потреблении жизни. Д. Еремеева справедливо отмечает: «...Для Толстого всегда важнее был не технический прогресс, а естественное развитие живой души человека; не искусство ради искусства и наслаждения прекрасным, а искусство, учащее осознанной и нравственной жизни; не исцеление тела лекарствами, а исцеление духа евангельскими проповедями» (Еремеева 2017. 132). Так, злободневными мы находим слова мыслителя об условиях жизни художника: *«Нет более губительного положения для производительности художника, как положение полной обеспеченности и роскоши, в которых в нашем обществе обыкновенно находится художник. Художник будущего будет жить обычной жизнью людей»* (Толстой 2006а. 182).

Заключение

Таким образом, мнения о том, что концепция искусства, представленная в трудах Толстого, характеризуется дидактизмом и нигилизмом, являются несостоятельными. Специфика концептуализации заключается в сложном сплетении быденного и научного подходов. Толстой аргументированно, с опорой на теоретический и эмпирический материал излагает свою точку зрения, которая основывается на культивируемых им теориях любви, непротивления злу насилем, смысле человеческой жизни, устройстве общества. Лев Николаевич использует различные способы дефинирования искусства, понимая под ним деятельность, забаву, духовный орган. Для экспликации своих идей об искусстве Толстой использует синонимы, антонимы, метафорику, сопоставление смежных понятий. Мыслителем органично используются рациональные и эмоциональные тактики изложения. Итогом размышлений Толстого стала классификация искусства, построенная

на принципе дихотомии. Выявлены основные признаки искусства: выражение закона всеобщей любви, уникальность, заразительность, ясность и простота – и функции: быть средством коммуникации, подавлять низменные чувства и развивать высокие, делать человека морально сильным. Примечательно, что концептуализация искусства имеет явную векторную маркированность, направленность в будущее.

Литература

- 1- Асмус В. Ф. (1961). *Мировоззрение Л. Н. Толстого* // Литературное наследство. Т. 69. № 1. С. 35-102.
- 2- Арцибасова Е. Н. (2009). *Творчество русских художников в контексте взглядов на искусство Л. Н. Толстого* // Мир науки, культуры, образования. № 1(13). С. 76-79.
- 3- Еремеева Д. (2017). *Граф Лев Толстой. Как шутил, кого любил, чем восхищался и что осуждал яснополянский гений*. М. : Бослен. 192 с.
- 4- Кобылкин А. О. (2017). *Эстетические взгляды Л. Н. Толстого на искусство в трактате «Что такое искусство»* // Ломоносовские чтения – 2019. – Севастополь : Филиал МГУ в Севастополе. С. 150-151.
- 5- Симонова С. А. (2021). *Ловушки морализаторства*. Nominum. 2021. № 1. [Электронный ресурс].
- 6- Толстой Л. Н. (2006а). *Что такое искусство?* // Полное собрание сочинений : в 90 т. Т. 30. М. : РГБ. С. 27-195.
- 7- Толстой Л. Н. (2006б). *О том, что есть и что не есть искусство и о том, когда искусство есть дело важное и когда оно есть дело пустое* // Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 30. М. : РГБ. С. 216-225.
- 8- Тушев А. М. (2016). *Л. Н. Толстой и А. М. Добролюбов как критики цивилизации и искусство* // Учёные записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Т. 158. № 1. С. 183-189.
- 9- Федосова Е. П. (2014). *Взгляды Л. Н. Толстого на искусство и науку* // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. № 3 (11). С. 154-162.

Bibliography

- 1- Asmus V. F. (1961). *Mirovozzrenie L. N. Tolstogo* // Literaturnoe nasledstvo. T. 69. № 1. S. 35-102.
- 2- Arcibasova E. N. (2009). *Tvorchestvo russkih hudozhnikov v kontekste vzgljadov na iskusstvo L. N. Tolstogo* // Mir nauki, kul'tury, obrazovanija. № 1(13). S. 76-79.

- 3- Eremeeva D. (2017). *Graf Lev Tolstoj. Kak shutil, kogo ljubil, chem voshishhalsja i chto osuzhdal jasnopoljanskij genij*. M. : Boslen. 192 s.
- 4- Kobylkin A. O. (2017). *Jesteticheskie vzgljady L. N. Tolstogo na iskusstvo v traktate «Chto takoe iskusstvo» // Lomonosovskie chtenija – 2019. – Sevastopol' : Filial MGU v Sevastopole. S. 150-151.*
- 5- Simonova S. A. (2021). *Lovushki moralizatorstva*. Hominum. 2021. № 1. [Elektronnyj resurs].
- 6- Tolstoj L. N. (2006a). *Chto takoe iskusstvo?* // Polnoe sobranie sochinenij : v 90 t. T. 30. M. : RGB. S. 27-195.
- 7- Tolstoj L. N. (2006b). *O tom, chto est' i chto ne est' iskusstvo i o tom, kogda iskusstvo est' delo vazhnoe i kogda ono est' delo pustoe* // Polnoe sobranie sochinenij: v 90 t. T. 30. M. : RGB. S. 216-225.
- 8- Tushev A. M. (2016). *L. N. Tolstoj i A. M. Dobroljubov kak kritiki civilizacii i iskusstvo* // Uchjonye zapiski Kazanskogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki. 2016. T. 158. № 1. S. 183-189.
- 9- Fedosova E. P. (2014). *Vzgljady L. N. Tolstogo na iskusstvo i nauku* // Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo. № 3 (11). S. 154-162.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Tokarev, G., & Yahyapour, M. (2022). PECULIARITIES OF CONCEPTUALIZATION OF ART IN L.N.TOLSTOY'S PUBLICIST WRITING. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 10(2), 119–134.

DOI: 10.52547/iarll.20.119

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/242>

ویژگی‌های مفهوم‌سازی هنر در آثار سیاسی - اجتماعی لف تالستوی

گریگوری والرئو یویچ توکارف^۱

استاد اسنادشناسی و سبک‌شناسی زبان روسی دانشگاه دولتی تربیت‌معلم لف تالستوی تولا،
تولا، روسیه.

مرضیه یحیی پور^{۲*}

استاد گروه زبان و ادبیات روسی، دانشگاه تهران،
تهران، ایران.

(تاریخ دریافت: ژوئیه ۲۰۲۲؛ تاریخ پذیرش: اوت ۲۰۲۲)

چکیده

در مقاله حاضر ویژگی‌های مفهوم‌سازی هنر در آثار سیاسی-اجتماعی لف تالستوی بررسی شده است. مفهوم‌سازی ترکیب‌ناهمگن پیچیده‌ای از درک و آگاهی همگانی و علمی است. تالستوی دیدگاه خود را بر مبنای مطالب گسترده نظری و تجربی‌اش بیان می‌کند که بر اساس آرای عشق، عدم مقاومت خشونت‌آمیز در برابر شر، معنای زندگی انسان و ساختار جامعه است که خود آن را تدوین کرده است. ابزارهای اصلی تبیین درک عبارتند از: مترادف، متضاد، قیاس مفاهیم مرتبط، شناسایی ویژگی‌های افتراقی کلیدی، استعاره. تالستوی فعالیت، سرگرمی، و مقام معنوی را هنر می‌داند. این نویسنده اندیشمند به‌طور طبیعی از روش‌های ارائه عقلائی و احساسی استفاده می‌کند. نتیجه تفکرات تالستوی دسته‌بندی هنر است که بر اساس اصل دوگانگی بنا شده است: هنر به راستین و دروغین تقسیم می‌شود و هنر راستین به سهم خود به مذهبی و همگانی (عمومی). مفهوم‌سازی هنر با شناسایی ویژگی‌های اصلی آن مرتبط است: بیان قانون عشق همگانی و عمومی، منحصربه‌فرد بودن، واگیری، شفافیت و سادگی و همچنین کارکردها: نقش ابزار ارتباطی داشتن، سرکوب احساسات پست و گسترش احساسات متعالی و انسان را از نظر اخلاقی قوی کردن. پیداست که مفهوم‌سازی هنر دارای نشانی واضح و آن تمرکز بر آینده است.

واژگان کلیدی: لف تالستوی، هنر، درک و آگاهی، مفهوم‌سازی، آثار سیاسی - اجتماعی.

1. Email: grig72@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-2362-0902

2. Email: myahya@ut.ac.ir; ORCID ID: 0000-0001-8195-6909; ScopusID: 57219025316

* نویسنده مسئول؛ نوع مقاله: علمی - پژوهشی

VALUE CONTENT OF THE COMPLEX OF MOTIVES OF DAWN AND DUSK IN YA. POLONSKY'S LYRICS

Fedoseeva Tatiana Vasilyevna^{1*}

Professor, Ryazan State University named for S. Yesenin,
Ryazan, Russia.

(date of receiving June, 2022; date of acceptance: August, 2022)

Abstract

The lyrical works of Ya. Polonsky, thematically related to the motives of the morning and evening dawn, are analyzed using a value approach. The works of the early, mature and late periods of the poet's creativity are involved in the study. In the course of comparative consideration of the selected group of texts, semantic and value oppositions structuring the picture of the world depicted by the author are determined. It is established that the motivic complex of the morning and evening dawn acquires value content in the poetic world of the author. The dynamics of the author's value attitudes is determined. In the early lyrics, life values are reduced to romantic unity: "youth–freedom–love–joy–light". A mature poet is looking for spiritual meanings of being. The morning and evening dawn serve to express a sense of disappointment in society (daylight fading) and hope for its liberation from false values (enlightenment). In the poems of late lyricism, the Motives of Dawn and Dusk include the value of the spiritual renewal of humanity in the gospel sense.

Keywords: Ya. Polonsky, Lyrics, The Complex of Motives of Dawn and Dusk, Semantics, Functioning, Value Meanings.

1. E-mail: t.fedoseeva@365.rsu.edu.ru; ORCID ID: 0000-0002-5540-5051 * Corresponding author

ЦЕННОСТНОЕ НАПОЛНЕНИЕ МОТИВНОГО КОМПЛЕКСА ЗАРИ В ЛИРИКЕ Я. П. ПОЛОНСКОГО

Федосеева Татьяна Васильевна^{1*}

Профессор, Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина,
Рязань, Россия.

(дата получения: июнь 2022г.; 2022; дата принятия: август 2022г.)

Аннотация

Лирические произведения Я. П. Полонского, тематически связанные с мотивами утренней и вечерней зари, анализируются с применением ценностного подхода. К исследованию привлечены сочинения раннего, зрелого и позднего периодов творчества поэта. В ходе сопоставительного рассмотрения избранной группы текстов определены семантико-ценностные оппозиции, структурирующие изображенную автором картину мира. Установлено, что мотивный комплекс утренней и вечерней зари приобретает в поэтическом мире автора ценностное содержание. Определена динамика ценностных установок автора. В ранней лирике жизненные ценности сводятся к романтическому единству: «молодость–свобода–любовь–радость–свет». Зрелый поэт ищет духовных смыслов бытия. Утренняя и вечерняя заря служат выражению чувства разочарованности в обществе (угасание дневного света) и надежды на его освобождение от ложных ценностей (озарение). В стихотворениях поздней лирики мотивный комплекс зари включает в себя ценность духовного обновления человечества в евангельском смысле.

Ключевые слова: Я. П. Полонский, Лирика, Мотивный Комплекс Зари, Семантика, Функционирование, Ценностные Смыслы.

1. E-mail: t.fedoseeva@365.rsu.edu.ru; ORCID ID: 0000-0002-5540-5051* Ответственный автор
УДК 821.161.1

Введение

Ценностный подход, все более активно применяемый к объекту изучения в современном литературоведении, позволяет совместить отношение к нему как эстетической ценности с выходом в мир принятых автором жизненных ценностей высшего порядка: духовных, социальных, морально-этических. Мотивный анализ является одним из инструментов, позволяющих выйти в интерпретации авторского сознания к широкому полю культурных смыслов. Определяющую роль в такого рода исследовании А. К. Жолковский и Ю. К. Щеглов отводят устойчивым мотивам, называя их «инвариантными темами», с функционированием которых связано выражение авторского «угла зрения» (Жолковский, Щеглов 1996. 19). И. В. Силантьев уточняет функции мотивных комплексов в лирике, отмечая, во-первых, их конструирующую роль – «лирические мотивы легко и органично образуют комплексы», во-вторых, – содержательную, действуют «в одном поле лирического переживания» (Силантьев 2012. 111). Из трудов новосибирской школы исторической поэтики проистекает вывод о концентрации и сохранении в мотивных инвариантах авторского творчества универсальных ценностных смыслов отечественной культуры (Сюжетно-мотивные комплексы... 2012. 8). Дефиниция «мотивный комплекс» (как вариант – «система мотивов») в настоящее время находит широкое применение в исследовательской практике и служит уточнению знания о художественном мире автора.

Целью нашего исследования является определение ценностно-семантических акцентов, привнесенных мотивным комплексом зари в художественный мир лирики Я. П. Полонского. Посредством аксиологического анализа мир автора включается в контекст национальной культуры и литературной традиции, что позволяет установить динамику постижения лирическим субъектом духовных смыслов бытия.

Пейзажная лирика Я. П. Полонского с точки зрения развернутого из мотивного комплекса зари художественного изображения ранее объектом отдельного исследования не становилась. Одна из немногих её характеристик была дана М. Н. Эпштейном, отметившим, что заря отвечает общему меланхолическому тону поэзии Полонского: «холодная, глядит сквозь промерзлое стекло, всходит под тучами...» (Эпштейн 1990. 229). Лишь в недавнее время исследователи стали рассматривать пейзажную лирику Полонского в мировоззренчески-ценностном аспекте. Так, И. Г. Вьюшкова и М. А. Понятая отметили в ней лермонтовский прием соединения «мира земного и мира небесного» (Вьюшкова 2012. 15). Нельзя не сказать, в связи с этим, что наследование Полонским романтической традиции в ранний период творчества несомненно и очевидно, тогда как зрелая и поздняя его лирика тяготеет к поэтике символизма.

К исследованию нами привлечены лирические произведения Я. П. Полонского, написанные им в разные годы. Опираясь на описанную Л. Ю. Фуксоном методику, мы определяем ценностные оппозиции, структурирующие художественный мир в произведениях раннего, зрелого и позднего периодов творчества поэта, что позволит уточнить, через «символические подтексты» представление о динамике ценностных ориентиров автора (Фуксон 2008. 292).

Основная часть

1. Эмоционально-ценностные оппозиции в ранней лирике: «покой / движение», «стесненность / простор», «временное / вечное»

Общеизвестно, что символика зари восходит к традиционной народной культуре и развивается в библейских текстах. Если в фольклорно-мифологической образной системе славянских народов утро и вечер выражают диалектическое противоречие между светом и тьмой, то в Библии смена

времени дня символизирует поддержание установленного Богом в земной жизни распорядка. Известно, что творческое сознание Полонского складывалось под влиянием традиционной народной культуры (значительная часть его детских и отроческих лет прошла в патриархальной обстановке дворянской усадьбы его бабушки А. Б. Кафтыревой). Судя по воспоминаниям поэта, в быту его семьи с православной обрядностью совмещались формы дохристианской славянской культуры, следствие чего мы видим и в изображенном мире его лирических произведений.

В лирических сборниках «Гаммы» (1844) и «Стихотворения 1845 года» (1846) обнаруживаются тексты с развернутыми из мотива зари пейзажными зарисовками, выполненными в русле совмещения мифопоэтики с элементами библейских текстов. Это стихотворения: «Вечер» (1843), «Прогулка верхом» (1844), «Утро» (1845), «Ах, как у нас хорошо на балконе, мой милый! смотри...» (1845).

В стихотворении «Вечер» из мотива зари развернуто описание природы. Действие зари в нем отвечает мифопоэтической традиции, оно животворно для природы: «Росы освежительной капли...». Наблюдая картину нисходящего на землю покоя, человек приходит к умиротворению страстей, совсем не случайно в стихотворении упоминание о заснувшем ребенке: «Качается белая пена / У серого камня, как в люльке / Заснувший ребёнок» (Полонский 1844. 43).

Пейзажную зарисовку, образительно и эмоционально близкую этой, содержит текст лирической миниатюры 1845 года:

Ах, как у нас хорошо на балконе, мой милый! смотри –
Озеро светит внизу, отражая сиянье зари;
Белый там нежится лебедь, в объятьях стихии родной,
И не расстанется с ней, как и ты, друг мой милый, со мной...

Сколько ты мне ни толкуй, что родная стихия твоя –

Мир, а не жаркое солнце, не грудь молодая моя!

(Полонский 1896. Т. 1. 61).

Композиция этого стихотворения выстроена по типу образного параллелизма, с едва намеченной оппозицией «покой / движение». В нем лирический монолог позволяет не просто сопоставить состояние природы и человека, но, в определенной степени, противопоставить их. Состояние природы спокойно-гармонично и выражено в слиянии небесного света с водной гладью озера. Символически воплощённого в образе «белого лебедя», который «нежится» «в объятых стихии родной». Ближе к финалу стихотворения на первый план выходит тема разъединенности людей в отношениях, вследствие чего нарастает эмоциональная напряженность состояния лирического субъекта. Герой созерцателен и устремлен к покою – «миру», героиня импульсивна и требует его подчинения своей воле. Так, абсолютная гармония покоя в мире природы оттеняется мотивом несовпадения стремлений людей, даже если их объединяет взаимное чувство.

Изобразительные детали двух пейзажных зарисовок раннего Я. П. Полонского позволяют говорить о наследовании им элегической традиции романтизма. Живописание природы в произведениях жанра условно и избирательно, лирического героя привлекает едва заметная динамика смены дня и ночи, открытая особо тонко чувствующему мир человеку. Очевидна, в частности, стилистическая родственность описательных характеристик в стихотворении В. А. Жуковского «Славянка» и рассмотренных выше текстах Полонского. В них привлекают внимание детали смены дня и ночи. У Жуковского: заря «верхи поблѣкые и корни золотит», «На сумраке листок трепещущий блестит / Смущая тишину паденьем», «Там лебедь, притаясь у берега в кустах, / Недвижим в сумраке сияет». У Полонского – беззвучно

«рассыпаются» искры заката, море «сквозит», капли росы «повисли», пламя зари «трепещет». Для героя каждого из стихотворений важны оттенки состояния природы, в том числе и наступление тишины и благодатного покоя.

Одно из проявлений свойственного произведениям романтиков драматизма мы видим в противостоянии спокойной самодостаточности природы беспокойному духу человеческих стремлений. В лирике Полонского несовершенный мир людей, как правило, контрастирует гармоничности отношений в природе. Именно на таком контрасте построены стихотворения «Утро» и «Прогулка верхом», двухчастная композиция которых обусловлена приемом образного параллелизма.

В стихотворении «Утро» из мотива зари разворачивается динамичная и красочная картина рождения нового дня, с утверждением абсолютной бесконфликтности и беспечной свободы: «Ни единой тучки / На лазурном небе! / Ни единой мысли / О насущном хлебе!» (Полонский 1846. 69). Радостное пробуждение природы омрачено размышлением лирического героя о собственной обреченности на многие жизненные скорби. Контраст безмятежного покоя природы и смятенного состояния человеческого духа проявлен и в стихотворении Полонского «Прогулка верхом». В нем описанию суеты городского пейзажа противопоставлен покой в природе.

В первой части текста представлена картина шумного южного города. Бытовые сценки, определенные одной-двумя изобразительными деталями, стремительно сменяют друг друга, порождая сложные эмоции лирического героя. Знаки, свидетельствующие о несовершенстве физических форм жизни в социуме, определяют напряженность душевного состояния героя, которое разрешается под влиянием причудливого загородного пейзажа.

Стилистически и интонационно стихотворение Полонского близко пушкинской традиции. В нем говорная интонация формируется метрически – применен вольный ямб, а также средствами ритмико-синтаксических

переносов. Ту же роль выполняет нестрофическая организация текста, создающая иллюзию развернутого устного монолога. Заслуживают внимания и отдельные приемы поэтической образности речи – в тексте отмечается преобладание книжной лексики и насыщенность изобразительными эпитетами, придающими изысканную живописность пейзажу:

Над головою облака
Плывут, сплываются – слегка
Их тронул пурпур золотистой
Авроры вечной; а вдали
На севере, из-под земли,
Встают и тянутся волнистой
Грядой вершины синих гор
И серебрятся... (Литературный вечер... 1844. 270).

В этом фрагменте мы видим аллюзию на окончание второй импровизации итальянца в «Египетских ночах» А. С. Пушкина со строками: «Но только утренней порфирой / Аврора вечная блеснет...». При этом функционально упоминание «Авроры вечной» разнится: у Пушкина этот пассаж, включенный в монолог Клеопатры, отвечает общему историческому колориту и служит созданию антропоморфного образа богини зари, в то время как у Полонского оно лишь добавляет краски в живописную картину природы и подчеркивает динамику вечернего пейзажа.

Нельзя не заметить, что в финальной части стихотворения Полонским применен характерный для пушкинской лирики прием гармонизирующего воздействия природы на душевное состояние лирического героя.

Итак, пейзаж в ранних стихотворениях Я. П. Полонского, вовлечен в напряженную душевную жизнь лирического субъекта и служит выражению оппозиционных смыслов: «движение / покой», «стесненность / простор»,

«временное / вечное». Описательные детали: сияние, зарево, пламень, искры, лазурь – сопровождают смену дня и ночи и служат созданию образа идеалистически настроенного лирического героя.

2. Ценностные оппозиции: «добро / зло», «угроза / спасение», «прошлое / новый день»

В ряде стихотворений зрелого Я. П. Полонского мотивный комплекс зари получает символическое значение и выражает идею противостояния животворящей силы солнечного света и деструктивности тьмы.

Стихотворение «Песня» (1859) наиболее близко устно-поэтической традиции, в нем автор явно следует жанровой характерности народной лирической песни. Отметим, прежде всего, метрико-мелодический уровень речевого оформления. К тексту применен трехстопный хорей, редкий для русской поэзии размер, семантический ореол которого, по наблюдениям М. Л. Гаспарова, в долермонтовской и лермонтовской романтической стилистике связан с мотивами вечера, пути, смерти, родины, детства и юности и служит воссозданию бытовой обстановки и описанию природы (Гаспаров 1976. 359–260). И у Полонского сюжет разворачивается из мотивов разлуки, измены, препятствия в любви. Героиня находится в тревожном ожидании возвращения любимого и, услышав звучащий вдали звон дорожного колокольчика, среди ночи покидает дом. Однако ночь сыграла с героиней Полонского злую шутку – надежда на встречу с любимым не оправдалась, а развязка сюжета о разлуке происходит на утренней заре: «Зорька выплывает – / Заревом играет». Восход солнца возвращает запутавшейся героине ясную жизненную перспективу: «Я через куртину / Проберусь в долину... / Я лицо умою / Водой ключевою... / Вон и домик виден / На горе высокой...» (Полонский 1896. Т. 1. 308].

Ценностно мотив утренней зари в «Песне» Полонского, несомненно, связан с народным ее почитанием: «Заря-заряница, красная девица», как считалось, встречает Солнце утром и провожает его в подземный мир вечером. А. Н.

Афанасьев утверждал, что в мифологии славян Заря (Зоря) не только сопровождала Солнце, но противостояла злу и порождала добро: «Как утренние солнечные лучи прогоняют нечистую силу мрака, ночи; так верили, что богиня Зоря может прогнать всякое зло ... ей приписывается и та творческая, плодородящая сила, которая разливается на природу восходящим солнцем» (Афанасьев 1995. 45–46). Очевидно, что функционально мотив зари в «Песне» Полонского ценностно связывает его сюжет с народными представлениями о силе солнечного света, направляющего человека к преодолению разрушительной власти тьмы и созиданию.

Иной состав и иное образное развертывание мотива зари отмечается в стихотворениях Я. П. Полонского, изображенный мир которых символически связан с рефлексией лирического героя по поводу неблагоприятных для внутренней жизни человека внешних обстоятельств. Мотивно-образный мир стихотворений: «Уже над ельником из-за вершин колючих...» (1844) и «Аллегория» (1876), с одной стороны, включает иносказательность, восходящую к фольклорно-мифологической традиции, а с другой, насыщен индивидуальными авторскими представлениями о диалектике добра и зла.

В другом стихотворении лирический герой Полонского изображен пробирающимся в легком челноке, по извилистой реке:

Уже над ельником из-за вершин колючих
Сияло золото вечерних облаков, –
Когда я рвал веслом густую сеть пловучих
Болотных трав и водяных цветов (Полонский 1844. 51).

В композиции произведения пейзажная зарисовка предшествует рефлексии лирического героя, остро переживающего опасность для собственного душевного покоя, исходящую от внешнего мира: «Но грудь моя тоской невольною сжималась...». Показательно, что чувство защищенности героя и

его спутнице от «злости» «черни светской» дает пребывание в челноке. Мотив такого уединения привлекает в контекст произведения библейские сюжеты о спасении на водах: о ветхозаветном праведном Ное и его семье во время Всемирного потопа (Быт. 8) и о новозаветном – скрывающемся от враждебной Ему толпы Иисусе (Мк. 3:9, 4:1). Аллюзия поддерживается конкретизацией двух различных жизненных идеалов: «прекрасный мир» героини сосредоточен в земной области, она мечтает «о свободе», «о братстве», «о любви», тогда как в «мире» героя «... райские потоки / Живей воды отверстыми текут» и «вдохновенные благовестят пророки» (Полонский 1844. 52). Оппозиция двух сознаний, хотя и выражена, но не очевидна – герой и героиня объединены неприятием бездуховного существования.

В контексте сюжета спасения на воде мотив вечерней зари служит разворачиванию ценностного значения образно-тематического ряда из практической сферы жизни в духовную. Не случайно В. С. Соловьев, младший современник и первый биограф Я. П. Полонского, остановил свое внимание на образе героини стихотворения, в котором увидел воплощение поэтического вдохновения автора: «Голова его музы сияет золотистым отражением небесного света; и в ее голосе смешиваются тайные слезы переживаемого горя с пророческою сладостью лучших надежд ...» (Соловьев 1990. 160). Из внешней неустроенности человеческих отношений герой Полонского уходит в область духовных приоритетов, а мотив зари включается в одну из устойчивых для лирического наследия поэта тем – просветляющей жизнь одухотворенной мечты.

В этом и других своих стихотворениях Полонский выводит в качестве лирического героя идеалиста, одинокого и отрешенного от сиюминутных жизненных проблем. Его судьбу предстает неизменно привлекательной, хотя и драматичной – идеал не претворяется в жизнь, но сохраняет свою значимость в качестве высокой, пусть и запредельно далекой, перспективы

(Сумасшедший, 1859; Одному из усталых, 1862; Мечтатель. Юноша 30-х годов XIX века, 1894, и др.).

Изображенный мир стихотворения «Аллегория» тоже тематически связан с мотивом зари. В нем уподобление жизненного пути езде в телеге представляет авторскую интерпретацию хорошо разработанного к тому времени лирического сюжета о совпадении жизненного цикла человека с природным. Очевидно, замыслу произведения послужило пушкинское стихотворение «Телега жизни» (1823) и желание вступить в диалог с глубоко почитаемым предшественником в поэзии.

Стихотворение А. С. Пушкина, как свидетельствуют многие исследователи его творчества, написано в период духовного кризиса, вызванного разочарованием в вольнолюбивых устремлениях противостояния власти. У Пушкина седок, лихо скакавший и понукавший возницу на заре жизни, «под вечер» утрачивает былую «отвагу» и дремлет, в ожидании ночлега. Жизнь человека замыкается неизбежным окончанием природного цикла: юность соответствует утренней заре, зрелость – полуденному времени, вечер – старости и ночь – смерти. Полонский, отталкиваясь от завершающего стихотворение Пушкина мотива «ночлега» как метафоры смерти, сопровождает описание езды «во мраке ночи» огоньком, который дает путнику надежду на иную будущность.

Лирический герой Полонского не готов смириться с общей участью, в приближении «ночлега» его беспокойный дух обуян желанием нового стремительного подъема чувств:

А ну, как я, презрев покой,
Не захочу, не лягу спать,
И крикну: живо, хрыч седой!
Вели мне лошадей менять!.. (Полонский 1896. Т. 2. 342).

Если ночь в привычной логике мифологемы жизни – это смерть, то стихотворение «Аллегория» явной ей противоречит. Автор переводит сюжет о земном пути человека в духовно-религиозную область.

Нельзя не заметить, что изображение зари в рассмотренных выше стихотворениях Я. П. Полонского говорит об усвоении им фольклорно-мифологической традиции, прежде всего, в отношении к символическому наполнению образа, тогда как на образно-тематическом и сюжетном уровнях оно индивидуально. В отношении речевого оформления тексты Полонского отстоят от устно-поэтической стилистики и тяготеют к литературной. В славянском фольклоре, по наблюдениям специалистов, очень широк спектр метафоризации изображения утренней и вечерней зари, прежде всего, по типу овеществления: растение / цветок; драгоценные камни; ткань / изделие из ткани; металл / изделие из металла, но также по типу одушевления: животное / птица / рыба; человек; мифическое существо (Коницкая, Ясюнайте 2016. 188). У Полонского мы встречаемся чаще с типом метафорического переноса свойств, признаков и состояний. В образной реализации мотивов зари у него преобладает перенос действия – в сравнении восходящего или заходящего солнца с горящим пламенем: «На востоке солнце, / Разгораясь, блещет», «Зари догорающей пламя», «Луч зари с лазурью / На волнах трепещет», «Озеро светит внизу, отражая сиянье зари» – и вовсе не встречаются зоо- и антропоморфизмы.

Воссоздаваемая Полонским образная картина мира указывает на философский уровень понимания им бытия, связанного с природным ритмом, но не ограниченного физическим существованием человека.

3. Духовно-нравственные оппозиции: «сон / пробуждение», «практический ум / духовное знание»

В творчестве зрелого и позднего Я. П. Полонского мотивный комплекс зари служит развертыванию темы духовного обновления мира. Остановимся

на трех его произведениях: лирическом цикле «Сны» (1865–1860) и двух стихотворениях – «Откуда?!» (1870) и «Проходите толпою, трусливо блуждающей...» (1886). Их написание связано с теми впечатлениями, которые поэт получил, вращаясь в столичном обществе. Отражение этих впечатлений содержат его письма, в частности, в 1876 году обращенное к Ф. М. Достоевскому суждение о распространении вокруг «духа розни и нравственного распада» (Из архива Достоевского 1923. 75).

Обстановка «розни и нравственного распада» образно воссоздана Полонским в произведениях лирического цикла «Сны». Изображенный в них мир построен на трансформации в сознании героя физических форм внешней жизни. Его сознание находится между сном и явью, а кризисное состояние вызвано жизненными впечатлениями, когда «язык лепечет без мысли» и «сердце болит без любви». Лирический сюжет развивается с привлечением мотивов сумасшествия, тюрьмы, ночи. В заключительном стихотворении цикла «Тишь и мрак» одиночество героя становится полным, тишина – абсолютно безответной, а мрак – «могильным» – из мотива «жизнь-сон» разворачивается апокалиптическая картина и в ней получает разрешение лирический сюжет произведений цикла (Федосеева 2019. 71–76).

Томление души лирического героя прекращается с наступлением утра. Очнувшись от состояния инобытия, он открывает для себя не только новый день, но и чувство новой жизни:

О Боже мой! где я!! – сквозь щели
Затворенных ставень сквозят
Лучи золотые, то солнца
Глаза золотые глядят.
Глядят и смеются – и сердце
Очнулось – и, жизни привет

Почуя, взыграло, как будто

Впервые увидело свет... (Полонский 1896. Т. 1. 327).

Открывающая радость нового дня картина завершает собой череду мрачных видений, воплотивших угнетенное состояние души лирического героя, разочарованного в сообществе людей. Пронизанное лучами восходящего солнца пространство может быть истолковано как символический намек на обновление мира.

Тема пробуждения с зарей обновления не уходила из лирики Полонского и позднее. В стихотворении «Откуда?!» заключено размышление о заре новой жизни как о свете, несущем людям абсолютные ценности: «Свободы истинной, – любви и пониманья...» (Полонский 1896. Т. 2. 50). Текст стихотворения построен на системе риторических вопросов, содержащих размышление автора об «истинном свете». Использование в лирическом тексте специальных коммуникативных приёмов речи концентрирует внимание читателя на многогранности понятия о просвещении как облагораживающей общество силе. Каждый из вопросов позволяет выделить новую грань человеческих представлений об «истинном» свете: это монашеское подвижничество и подвиг самоотвержения ради свободы родной земли, строительство государства и преданность вере, развитие искусства и науки. В финальных строках стихотворения свет, одухотворяющий формы общественной жизни, поставлен в параллель с солнечным. Как и солнечный, он освещает все живое, но отличается не только животворящей силой, но и тем, что противостоит бездуховности и разрушает её формы: «Лишь был бы он, как солнце для природы, / Животворящ для духа и свободы / И разлагал бы всё, в чем духа больше нет...» (Там же. 51). Полонский говорит о торжестве истинного света гипотетически, сознавая, что современное общество очень далеко от идеала.

Развитие этой мысли мы находим в стихотворении «Проходите толпою, трусливо блуждающей...». В нем поэт упрекает своих современников в праздности и душевной лени:

Проходите толпою, трусливо блуждающей,
Тощий ум тощий плод принесет! (Там же. 339).

Именуя свое поколение «трусливо блуждающей толпой», поэт намекает на ветхозаветный сюжет о неверчивом израильском народе. Эта аллюзия развивается в упоминании о «манне небесной» – милости, явленной слабому народу во время его исхода из египетского рабства. Лирическое «я» стихотворения отделено волей автора от «толпы» и включено в состав некоего сообщества, оппозиционного большинству, и обозначенного местоимением «мы». Нелицеприятная характеристика поколения от лица этого сообщества довершается определением практического рассудка «бедным», а ума, сосредоточенного на «праздных затеях», – «тощим» и «грошовым». Мотив утренней зари в этом контексте становится символом духовного возрождения и лучшей участи для человечества, не в историческом, а в онтологическом смысле.

Немалый интерес, в русле нашего исследования, представляют стихи К. М. Фофанова, обратившегося в 1890 году с приветственными строками к Я. П. Полонскому в связи с выходом в свет лирической книги «Вечерний звон». В них все творчество старшего товарища по перу он прочитывает через мотив зари. Упоминается и «детство розовое» как намек на утреннюю зарю, и «снег старости» поэта, который «зарей румянится вечерней». В последней строфе стихотворения Фофанова мотивы утренней и вечерней зари объединяются в составе метафоры, уподобляющей лирическое творчество поэта церковному служению:

Молю, чтоб медлил мрак полночный
Гасить закат твоих лучей, –
Мне сладок звон твоей всенощной,
Как звон заутрени твоей!.. (Фофанов 1892. 247).

В таком прочтении ценностно-семантическое наполнение образной картины мира поэта отвечает определенному А. Н. Веселовским назначению поэзии – проникать в «тайное тайных», обнаруживать смыслы, «где-то в глухой темной области нашего сознания, как многое испытанное и пережитое, видимо, забытое и вдруг поражающее нас, как непонятное откровение, как новизна и вместе старина» (Веселовский 1989. 303). Очевидно, что для Полонского это «тайное тайных» сосредоточено в глубинах национальной культуры и народной веры.

Заключение

Проведенное исследование позволяет утверждать, что в лирике Я. П. Полонского мотивный комплекс зари продуцирует ценностно-семантическое содержание, которое разворачивалось с течением времени. В 1840-х – начале 1850-х годов мотивы утра, вечера, солнца, отмеченные свойствами сияния, зарева, а также движением пламени, искр, лазури – близки по значению фольклорно-мифологической традиции, а образным воплощением связаны с идеалистическим сознанием русского человека, воспитанного в 1830-х годах романтической философией и эстетикой. В произведениях последующих лет изображение зари, включающее в себя мотивы рассвета, востока, нового дня – служит созданию ряда аллегорических образов с разворачиванием темы конечности физического существования человека и бесконечности – духовного. В поздней лирике Полонского семантика зари включает в себя евангельский сюжет духовного обновления человека и человечества, а мотив

востока прочитывается в духовном контексте Откровения Иоанна Богослова о «новом небе и новой земле». Если в ранней лирике Полонский, в жанровом и стилевом отношении, следует романтической традиции, то зрелая и поздняя его лирика отмечена рефлексией, глубоким религиозно-философским подтекстом и тенденцией к символическому прочтению архетипических и романтических топосов, что позволяет включить её в контекст русского предсимволизма 1870–1880-х годов и требует дополнительного изучения.

Литература

- 1- Афанасьев А. Н. (1995). *Поэтические воззрения славян на природу: опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: в 3 т. / А.Н. Афанасьев. Т. 1*, Москва : Современный писатель.
- 2- Веселовский А. Н. (1989). *Историческая поэтика / А. Н. Веселовский*. Москва : Высшая школа.
- 3- Вьюшкова Ирина, Понятная Мария (2012). *Онейропоэтика пейзажной поэзии Я. П. Полонского // Филологические науки в России и за рубежом: матер. I Междунар. науч. конф., Санкт-Петербург : Реноме, с. 12–15.*
- 4- Гаспаров Михаил (1976). *Метр и смысл. К семантике русского трехстопного хоря // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. Т. 35, № 4, Москва : Наука, с. 357–367.*
- 5- Жолковский Александр, Щеглов Юрий (1996). *Работы по поэтике выразительности: Инварианты – Тема – Приемы – Текст*, Москва : АО Издательская группа «Прогресс».
- 6- *Из архива Достоевского. Письма русских писателей, ред. и вст. ст. Н. К. Пиксанова (1923)*. Москва : Петроград 1923.
- 7- Коницкая Елена, Ясюнайте Бируте (2016). *Метафоры утренней и вечерней зари в литовской и русской поэзии // Article in Acta Baltico-Slavica, 2016, № 12, с. 186–205.*
- 8- *Литературный вечер. [Сб. рассказов и стихов в память В. В. Пассека] (1844)*. Москва : Тип. С. Селивановского.
- 9- Полонский Яков (1844). *Гаммы: Стихотворения Я. П. Полонского*. Москва : тип. Н. Степанова.
- 10- Полонский Яков (1896). *Полное собрание стихотворений Я. П. Полонского. Просмотренное автором: в 5 т.*, Санкт-Петербург : Издательство А. Ф. Маркса.

- 11- Полонский Яков (1846). *Стихотворения 1845 года*. Одесса : типография А. Брауна.
- 12- Силантьев Игорь (2012). *Лирический мотивный комплекс // Сюжетно-мотивные комплексы русской литературы: монография*, Новосибирск : Академ. изд-во «Гео», с. 106–114.
- 13- Соловьев Владимир (1898). *Поэзия Я. П. Полонского // Литературная критика*, Москва : Современник, 1990, с. 155–177.
- 14- *Сюжетно-мотивные комплексы русской литературы: монография* (2012). Новосибирск : Академическое издательство «Гео», 2012.
- 15- Федосеева Татьяна (2019). *Я. П. Полонский как предшественник русского символизма: поэтика лирического цикла («Сны» Полонского и «Жизнь моего приятеля» Блока) // Acta Universitatis Lodzianis. Folia Litteraria Rossica*, 2019, № 12, с. 65–79.
- 16- Фофанов Константин (1892). *Тени и тайны: Стихотворения Константина Фофанова*, Санкт-Петербург : Издательство М. В. Попова.
- 17- Фуксон Леонид (2008). *Ценностная структура // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий*, Москва : Intrada, с. 290–292.
- 18- Эпштейн Михаил (1990). *«Природа, мир, тайник вселенной...». Система пейзажных образов в русской поэзии*, Москва : Высшая школа.

Bibliography

- 1- Afanas'ev A. N. (1995). *Pojeticheskie vozzrenija slavjan na prirodu: opyt sravnitel'nogo izuchenija slavjanskih predanij i verovanij v svjazi s mificheskimi skazanijami drugih rodstvennyh narodov: v 3 t.* / A.N. Afanas'ev. T. 1, Moskva : Sovremennyy pisatel'.
- 2- Veselovskij A. N. (1989). *Istoricheskaja pojetika* / A. N. Veselovskij. Moskva : Vysshaja shkola.
- 3- V'jushkova Irina, Ponjatnaja Marija (2012). *Onejropojetika pejzazhnoj poezii Ja. P. Polonskogo // Filologicheskie nauki v Rossii i za rubezhom: mater. I Mezhdunar. nauch. konf., Sankt-Peterburg : Renome*, s. 12–15.
- 4- Gasparov Mihail (1976). *Metr i smysl. K semantike russkogo trehstopnogo horeja // Izvestija Akademii nauk SSSR. Serija literatury i jazyka*. T. 35, № 4, Moskva : Nauka, s. 357–367.
- 5- Zholkovskij Aleksandr, Shheglov Jurij (1996). *Raboty po pojetike vyrazitel'nosti: Invarianty – Tema – Priemy – Tekst*, Moskva : AO Izdatel'skaja gruppa «Progress».
- 6- *Iz arhiva Dostoevskogo. Pis'ma russkikh pisatelej, red. i vst. st. N. K. Piksanova* (1923). Moskva : Petrograd 1923.

- 7- Konickaja Elena, Jasjunajte Birute (2016). *Metafory utrennej i vechernej zari v litovskoj i russkoj poezii* // Article in Acta Baltico-Slavica, 2016, № 12, s. 186–205.
- 8- *Literaturnyj vecher. [Sb. rasskazov i stihov v pamjat' V. V. Passeka]* (1844). Moskva : Tip. S. Selivanovskogo.
- 9- Polonskij Jakov (1844). *Gammy: Stihotvorenija Ja. P. Polonskogo*. Moskva : tip. N. Stepanova.
- 10- Polonskij Jakov (1896). *Polnoe sobranie stihotvorenij Ja. P. Polonskogo. Prosmotrennoe avtorom: v 5 t.*, Sankt-Peterburg : Izdatel'stvo A. F. Marksa.
- 11- Polonskij Jakov (1846). *Stihotvorenija 1845 goda*. Odessa : tipografija A. Brauna.
- 12- Silant'ev Igor' (2012). *Liricheskij motivnyj kompleks* // Sjuzhetno-motivnye komplekсы russkoj literatury: monografija, Novosibirsk : Akadem. izd-vo «Geo», s. 106–114.
- 13- Solov'ev Vladimir (1898). *Poezija Ja. P. Polonskogo* // Literaturnaja kritika, Moskva : Sovremennik, 1990, s. 155–177.
- 14- *Sjuzhetno-motivnye komplekсы russkoj literatury: monografija* (2012). Novosibirsk : Akademicheskoe izdatel'stvo «Geo», 2012.
- 15- Fedoseeva Tat'jana (2019). *Ja. P. Polonskij kak predshestvennik russkogo simbolizma: pojetika liricheskogo cikla («Sny» Polonskogo i «Zhizn' moego prijatelja» Bloka)* // Acta Universitatis Lodziensis. Folia Litteraria Rossica, 2019, № 12, s. 65–79.
- 16- Fofanov Konstantin (1892). *Teni i tajny: Stihotvorenija Konstantina Fofanova*, Sankt-Peterburg : Izdatel'stvo M. V. Popova.
- 17- Fukson Leonid (2008). *Cennostnaja struktura* // Pojetika: slovar' aktual'nyh terminov i ponjatij, Moskva : Intrada, s. 290–292.
- 18- Jepshtejn Mihail (1990). *«Priroda, mir, tajnik vselennoj...»*. *Sistema pejzaznyh obrazov v russkoj poezii*, Moskva : Vysshaja shkola.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Fedoseeva, Tatiana Vasilyevna (2022). VALUE CONTENT OF THE COMPLEX OF MOTIVES OF DAWN AND DUSK IN YA. POLONSKY'S LYRICS. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 10(2), 135–155.

DOI: 10.52547/iarll.20.135

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/237>

مفاهیم ارزشی موتیو «زاریا» (سپیده‌دم و غروب) در اشعار یا.پ. پالونسکی

تاتیانا واسیلیونا فدوسیوا*

استاد، دانشگاه دولتی س. آ. یسنین ریزان،
ریزان، روسیه.

(تاریخ دریافت: ژوئن ۲۰۲۲، تاریخ پذیرش: اوت ۲۰۲۲)

چکیده

مقاله حاضر به تحلیل آثار غنایی یا.پ. پالونسکی از دریچه رویکرد ارزشی که از نظر موضوع با موتیو سپیده‌دم و غروب پیوند خورده است و بررسی آثار دوره‌های جوانی، میان‌سالی و بزرگ‌سالی شاعر می‌پردازد. در بررسی تطبیقی برخی از متون منتخب این شاعر تقابل‌های معنایی-ارزشی شناسایی شدند که نمایی از جهان را که نویسنده به تصویر کشیده شکل می‌دهد. نتایج حاصل از پژوهش به ما نشان می‌دهد که مجموعه موتیو «زاریا» (سپیده‌دم و غروب) در دنیای شعری نویسنده مفاهیم ارزشی پیدا می‌کند. نمودار تغییر نگرش‌های ارزشی نویسنده مشخص می‌شود. در نخستین اشعار دوره جوانی، ارزش‌های زندگی شاعر به گروهی از ارزش‌های رمانتیک محدود می‌شود: «جوان، آزادی، عشق، شادی، نور». در دوره میان‌سالی، شاعر به دنبال ارزش‌های معنوی در زندگی است. سپیده‌دم و غروب در این دوره از اشعار وی در خدمت ابراز احساس ناامیدی در جامعه (محو شدن نور روز) و امید به رهایی جامعه از ارزش‌های نادرست (روشنگری) است. در اشعار غنایی مربوط به دوره بزرگ‌سالی، موتیو سپیده‌دم و غروب به ارزش تجدید معنوی بشر مطابق با آموزه‌های انجیل مبدل می‌گردد.

واژگان کلیدی: یا. پ. پالونسکی، اشعار غنایی، موتیو «زاریا» (سپیده‌دم و غروب)، معناشناسی، نقش و عملکرد، مفاهیم ارزشی.

1. E-mail: t.fedoseeva@365.rsu.edu.ru, ORCID ID: 0000-0002-5540-5051

* نویسنده مسئول

نوع مقاله: علمی- پژوهشی

CONVENTIONAL CYCLE STRUCTURES IN THE PRESENT_DAY RUSSIAN LEXICON

Kharitonchik Zinaida Andreevna^{1*}

Professor, Minsk State Linguistic University

Minsk, Belarus.

(date of receiving March, 2022; date of acceptance: May, 2022)

Abstract

The article presents the results of a study of conventional temporal lexical cycles in Russian – names of days of the week cycle and months of the year tightly tied by sequence and recurrence relationships. The lexicographic and psycholinguistic analyses lead to the conclusion that on a par with equivalence based on the ontological properties of the cycles analyzed their language representations share a set of semantic features of the type «Time period», «Order», «Activity», etc., which form in their entirety a cognitive matrix. Its members differ in their significance: relevant for the week cycle is the parameter of «Activity» whereas for the year cycle – «Nature and Weather», «Activity». Selectivity of semantic features actualized in the meanings of individual units determines differentiation of relations in the conventional lexical cycles and salience of some members of the sets (*воскресенье* in the week cycle, *май* in the year cycle, etc.).

Keywords: A Conventional Cycle Structure, Sequence, Recurrence, Language Representation, A Semantic Component, Cognitive Matrix, Salience.

КОНВЕНЦИОНАЛЬНЫЕ ЦИКЛИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ В ЛЕКСИКЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Харитончик Зинаида Андреевна^{1*}

Профессор, Минский государственный лингвистический университет,
Минск, Беларусь.

(дата получения: март 2022г.; дата принятия: май 2022г.)

Аннотация

В статье рассматриваются конвенциональные темпоральные циклические структуры в лексике русского языка – объединения наименований дней недели и месяцев года, тесно связанных отношениями последовательности и повторяемости. Данные лексикографического анализа и результаты психолингвистического эксперимента позволяют сделать заключение, что наряду с равнозначностью, основанной на онтологических свойствах исследуемых циклов, их языковым наименованиям присущ набор семантических характеристик типа «Временной период», «Порядковый номер», «Деятельность» и др., образующих в своей совокупности некоторую когнитивную матрицу. Члены матрицы различаются своей значимостью: для недельного цикла важен параметр «Деятельность», для годового – «Природные/погодные характеристики» и «Деятельность». Избирательность актуализации семантических свойств из когнитивной матрицы в значениях индивидуальных единиц и различия в частотности детерминируют неоднородность отношений в лексических конвенциональных циклических структурах и выделенность некоторых их членов (*воскресенье* в недельном цикле, *май* в годовом и т.д.), что приводит к своеобразию системной стратификации в соответствующих лексических подсистемах.

Ключевые слова: Конвенциональная Циклическая Структура, Последовательность, Повторяемость, Языковая Репрезентация, Семантический Компонент, Когнитивная Матрица, Салиентность.

Введение

Бурное развитие в течение XX столетия лексической семантики привело к серьезным научным достижениям, которые коснулись понимания глубин языкового значения и его концептуальных истоков, а также семантических отношений, связующих огромное число лексических единиц в единое непрерывное семантическое пространство. Сосредоточив внимание на принципах, согласно которым лексические единицы формируют семантическое поле как некоторую «совокупность языковых... единиц, объединенных общностью содержания (иногда также общностью формальных показателей) и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» (Лингвистический энциклопедический словарь 1990. 380), ученые пришли к осознанию многообразия типов связей между единицами лексической системы. Следуя импульсу, заданному пионерской работой Ч. Филлмора, в которой разрабатывается типология семантических (лексических) полей (Филлмор, 1983), лингвисты обратились и к таким объединениям семантически связанных единиц, как: контрастивные множества, сети, цепи, фреймы и т.д.

Один из фокусов исследовательских интересов сосредоточился на обозначении в языке циклических структур, в которых, согласно определению, имеет место «постоянно повторяющаяся последовательность в наступлении и смене событий в течение определенного промежутка времени, образующая заверченный кругоборот (смена времен года, эволюционных и революционных периодов в развитии, работа технических устройств и т.д.)» (Лебедев 2008. 273). Главными признаками цикла выступает то, что некоторые отрезки, факты, события и т.д. на временной линии концептуализируются, во-первых, как следующие друг за другом в определенной строго закрепленной последовательности, и, во-вторых, найдя завершение, как бы закрыв круг, начинают повторяться, тем самым образуя новый, идентичный

предшествующему, круг. В циклах соответственно находят отражение естественный порядок, закономерность следования (например, круговорот веществ в природе, смена времен года, циклы солнечной активности, биологические циклы и т.д.), последовательность и рядоположенность, а также объективная естественная повторяемость сменяющих друг друга моментов и состояний (Философский энциклопедический словарь 1983. 94). Эти онтологические характеристики временных фрагментов формируют основания для семантики их языковых обозначений, образующих в своей совокупности некоторый **лексический** темпоральный цикл (Харитончик, Корбачева 2021), конститuentы которого, как указывает Дж.Лич, связаны отношениями последовательности и повторяемости (Leech 1970. 114-115) и соответственно составляют некоторую закрытую лексическую подсистему, принципиально отличающуюся от цепочечных структур названий разных мер временного (*секунда – минута – час* и т.д.), пространственного (*миллиметр – сантиметр* и под.) или иного континуума. Также образуя последовательно организованную иерархию, последние не отвечают, однако, ни критерию повторяемости, ни критерию равнозначности, демонстрируя включение как основополагающий принцип их связей.

Цели, задачи, гипотеза и материал исследования

В нашей работе мы подвергаем анализу конвенциональные циклические структуры, формирующие специфический подтип лексических темпоральных циклов, а именно, наименования дней недели и месяцев года в русском языке. В отличие от природных и событийных лексических циклов, основанных на смене и повторяемости природных явлений (например, названий времен года *весна – лето – осень – зима* (Корбачева 2022)) или событий (например, *заутреня – обедня – вечерня*), конвенциональные циклические структуры представляют собой результат условно принятого сообществом членения

временного континуума на некоторые фрагменты, следующие друг за другом и повторяющиеся в определенной последовательности, в которых первый или последний члены – также результат условностей, принятых сообществом в тот или иной период времени. Цель работы – раскрытие семантических характеристик и определяемых этими свойствами особенностей организации данных объединений в лексике современного русского языка. Мы предполагаем, что образование членами лексического цикла «семантической таксономии особого типа» (Leech 1970. 113) детерминирует формирование, наряду с онтологически заданной равнозначностью компонентов цикла, отношений, свойственных языковым подсистемам. Последние включают индивидуальность каждого из конститuentов цикла, выделенность одних элементов, составляющих подсистему, на фоне других, а также стратификацию элементов подсистемы относительно друг друга, определяющую их доминирующий или, наоборот, периферийный статус.

Результаты исследования.

Лексикографические данные, в первую очередь, дефиниции значений конститuentов циклов в толковых словарях русского языка (см. список в Литературе), полностью подтверждают наблюдения ученых о последовательности как основном принципе организации лексических конвенциональных структур (циклов). Ядром семантики данных имен выступает информация о том, каким по порядку – первым, вторым, третьим, и т.д. является день или месяц в общем временном цикле, обозначенном холонимом *неделя* или *год*. Сам холоним не входит в состав конвенционального цикла, образующего специфическим образом организованную подсистему меронимов, но связан с ним холомеронимическими отношениями. Информация о том, к какому циклу – недельному или годовому – относится обозначение временного отрезка,

находит отражение в дефиниции, обязательно, независимо от словаря, содержащей холоним – *неделя* или *год*, затем дано уточнение порядка следования обозначаемого временного отрезка в этом цикле. Ср.: *понедельник* – ‘Первый день недели после воскресенья’ (БАС, СОЖ), ‘Первый (после воскресенья) день недели’ (МАС), ‘Название первого дня недели после воскресенья’ (СЕ); *Вторник* ‘второй день недели, следующий за понедельником’ (БАС), ‘Второй день недели’ (СОЖ, СОЖШ), ‘Второй (после воскресенья) день недели’ (МАС) и т.д. Очевидно тождество принимаемого лексикографами алгоритма раскрытия значения наименований недели – *1-ый*, *2-ой* и т.д. *день недели*. Данный алгоритм дополняется для слов *понедельник*, в толкованиях значения которого дается указание на предшествующий день, и *суббота* (указывается последующий день – *воскресенье*), по-видимому, с той целью, чтобы однозначно указать начальную точку отсчета дней недели, которая в разных сообществах может, как указывалось ранее, варьироваться (этой точкой может быть *Sunday* ‘воскресенье’ в англоязычных странах или быть иной в другие исторические периоды существования русскоязычного социума). Выделяется среди описаний толкование *воскресенья*, в котором практически во всех словарях дается указание на то, что это ‘*общий день отдыха*’. Фиксируя принятые в социуме временные нормы деятельности (шестидневная или в последние десятилетия пятидневная рабочая неделя), данный семантический компонент выделяет *воскресенье*, а также *субботу* среди дней недели. Нарушая принцип равнозначности единиц данного цикла, основанный на одинаковой протяженности обозначаемых временных отрезков, дифференциация по линии «деятельность – рабочий (будний)// выходной день» оказывается эксплицитно (в толковании слова *воскресенье*) или же имплицитно присутствующей в значениях обозначений недельного цикла.

Аналогична и дефиниционная формула значений наименований месяцев, содержащая обязательный для всех трактуемых наименований месяцев

компонент – ‘месяц календарного года’ с уточнением порядкового номера того или иного месяца. Ср. *январь* ‘Первый месяц календарного года’, *февраль* ‘Второй месяц календарного года’, и т.д. Лишь в определении *декабря* авторы БАС расширяют употребляемую в других словарях формулу: ‘Двенадцатый (последний) месяц календарного года’.

Очевидно таким образом наличие в семантике обозначений дней недели и месяцев года только двух компонентов – «временной отрезок», «порядковый номер в цикле» в качестве обязательных и факультативного «место в общей последовательности отрезков». Единственным салиентным признаком, указываемым в дефиниции только *воскресенья*, оказывается указание на отсутствие деятельности в этот день.

Ограниченность числа семантических компонентов в значениях исследуемых имен имеет, по нашему мнению, серьезные последствия. Во-первых, оказываются правы ученые, утверждающие, что «Нет такого признака X, из-за которого *вторник* больше X, чем *понедельник*, или *февраль* больше X, чем *январь*» (Cruse 1986. 189) и что ни один элемент в этих закрытых группах не важнее и не лучше другого. Во-вторых, можно отметить также близость конститuentов лексических конвенциональных циклических структур по их номинативной сущности именам собственным, функционирующим как ярлыки или метки, отличающие обозначаемые предметы или явления друг от друга. Это не означает, однако, отсутствия у имен собственных значения, как утверждают приверженцы концепции, развиваемой под влиянием взглядов известного английского логика Джона Стюарта Милля. Напротив, мы склонны рассматривать, вслед за рядом ученых (Langendonck 2007 и др.) и особенно исследователями последних десятилетий (Бочкарева 2012, Головачева 2013, Паршина 2013 и др.), имена собственные как характеризующие скрытым пластом структур знания, актуализируемых в конкретных ситуациях употребления.

С целью получения более полной информации было решено выйти за пределы словарных дефиниций в более широкий контекст всей словарной статьи и учесть все семантически релевантные сведения, приводимые лексикографами о наименованиях дней недели и месяцев, а также провести психолингвистический эксперимент для установления семантики данных слов на основе их описаний носителями русского языка.

В результате нам удалось установить для названий дней недели и такие семантические компоненты, как: **«оценка»** (*Понедельник — день тяжёлый*), **«деятельность»** (*Въ понедельникъ я банюшку топил, во вторникъ въ баню ходил, въ среду въ угари пролежала, въ четвергъ буйну голову чесала, въ пятницу добры люди не пряли, въ субботу родителей поминали, въ воскресенье на весельи погуляли*); **«событие»** (*Светлое Христово Воскресенье; вербное воскресенье*), которые расширяют набор семантических компонентов, составляющих когнитивную матрицу единиц лексического недельного цикла.

Для названий месяцев извлеченными из словарных статей оказываются сведения о свойствах, которые можно квалифицировать как **«природные, погодные явления»** (*Январские морозы; Вьюжный февраль; Февральские метели; Апрель с водою — май с травой; Майское цветение садов; Октябрьские заморозки; Снежный, морозный декабрь; Декабрьская стужа; и др.*), **«температурные характеристики»** (*Январская стужа; Июльская жара; Ноябрьские холода; и т.д.*); **«время года»** (*Январь - году начало, зиме середка; Июль — макушка лета; и т.д.*), **«события»** (*Восьмое марта, Первое мая; и под.*), **«деятельность»** (*Априль — учись, учись да прии; май — гуляй; июнь — учись, учись да плюнь; июль — собирай книги въ куль; и др.*); **«состояние»** (*Майское настроение*) и **«оценка»** (*Май обманетъ; Тяжолый мисяць*).

Из приведенных данных явствуют разная установка лексикографов на освещение энциклопедических по своей сути сведений об исследуемых

лексических единицах и богатство, по приводимым выражениям, поговоркам, пословицам, отражающим знание русского народа о характеристиках соответствующих временных периодов, словаря В.И. Даля. Придерживаясь, однако, взгляда, что проводить границу между лингвистической и энциклопедической информацией не только сложно, но и бесполезно (Evans 2006. 160), мы включаем выделенные нами в результате анализа словарных статей семантические компоненты в общий их реестр, подчеркивая одновременно разную значимость каждого из них. Наиболее значимым для наименований дней недели является из дополнительно выделенных компонент «деятельность», а для названий месяцев – «природные/погодные характеристики» и «деятельность», за которым следует компонент «события». Соответственно общие когнитивные матрицы, полученные на основе лексикографических данных, могут быть представлены следующим образом:

Таблица 1. Семантические компоненты в значениях наименований дней недели в русском языке (данные лексикографического анализа)

Семантические компоненты	Дни недели						
	<i>Понедельник</i>	<i>Вторник</i>	<i>Среда</i>	<i>Четверг</i>	<i>Пятница</i>	<i>Суббота</i>	<i>Воскресенье</i>
Временной период в недельном цикле	+	+	+	+	+	+	+
Порядковый номер в цикле	+	+	+	+	+	+	+
Деятельность +/-	-	-	-	-	-	+	+
Место между единицами цикла	+	-+/-	-	-/+	-	-	-
Оценка	+	- +		-/+	- +	- +	

Таблица 2. Семантические компоненты в значениях наименований месяцев в русском языке (данные лексикографического анализа)

Семантические компоненты	Месяцы											
	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь
Временной период годового цикла	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Порядковый номер в цикле	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Природные, в том числе и погодные характеристики	+/-	+/-	+/-	+/-	+/-	+/-	+/-	+/-	+/-	+/-	+/-	+/-
Время года	-/+	-/+	-	-	-/+	-	-/+	-	-/+	-	-/+	-/+
Деятельность	-	-	-/+	-/++	-/+	-/+	-/+	-/+	-/+	-	-	-
События	-	-	+/-	+/-	+/-	+/-	-	-	-	-	+/-	-
Состояние, испытываемое человеком	-	-	-	-	-/+	-	-	-	-	-	-	-
Оценка	-	-	-	-	-/+	-	-	-	-	-	-	-

Примечание: «+» - семантический компонент, отмечаемый во всех словарях;

«-» - семантический компонент, не отмечаемый в словарях;

«+/-» - семантический компонент, отмечаемый в нескольких словарях;

«-/+» - семантический компонент, отмечаемый в единичных словарях.

Прежде чем привести результаты ассоциативного направленного эксперимента, в котором приняли участие студенты магистратуры Минского государственного лингвистического университета (48 человек), получившие задание в течение ограниченного времени (15 20 минут) дать определения наименованиям дней недели и месяцев года в русском языке, сделаем

несколько замечаний. Мы осознаем ограниченность нашего эксперимента, проведенного среди носителей русского языка определенной социальной группы (студенты-филологи), определенного возраста (молодые люди обоего пола 20-22 лет), имеющие некоторый, полученный в процессе изучения иностранного языка навык дефиниционной практики. Вследствие указанных причин наши результаты не могут претендовать на исчерпывающее выявление концептуального содержания, связываемого с наименованиями конвенциональных циклов у всех носителей русского языка. Однако, мы полагаем, что несмотря на указанные ограничения полученные данные являются убедительными индикаторами тех линий, по которым выстраивается семантика членов лексических конвенциональных циклических структур в русском языке. Возможные различия в ответах при анкетировании респондентов других социальных групп, вероятно, будут иметь место внутри тех же семантических блоков, которые составляют, по результатам количественного и качественного анализа нашего материала, общую когнитивную матрицу конвенциональных лексических циклов в русском языке. Для лексического недельного цикла она включает следующие компоненты: «временной период в недельном цикле» (*день недели*), «порядковый номер в цикле» (*первый, второй и т.д. день недели*), «место между днями» (*день, наступающий после понедельника; день недели между понедельником и средой, день недели между вторником и четвергом; и т.д.*), «деятельность +/-» (*рабочий день; день отдыха; день, когда нужно убрать квартиру, постирать вещи, приготовить ужин; и др.*). Входят в эту матрицу «оценка +/-» (*день тяжелый/легкий; самый сложный день; хороший день; и др.*), «события» (*воскресная служба в храме*), «культурные сведения» (*...в русской культуре; в некоторых исчислениях; день воскресения Христа; день Архангела Михаила*), «состояние, испытываемое человеком» (*день облегчения; воодушевление, предвкушение выходных; и т.д.*), «природные, в том числе и

погодные, характеристики» (*темный зимний вечер; пасмурный день*; и др.), «астрологические характеристики» (*день Луны, Марса*; и т.д.), «личные данные» (*день, в который родилась*).

Несколько иные знания содержит когнитивная матрица, лежащая в основе семантики названий месяцев, которая представлена такими компонентами, как: «временной период годового цикла» (*месяц года, месяц в году*), «порядковый номер в цикле» (*первый, второй, ...последний месяц года*), «время года» (*зимний, осенний... месяц; месяц весны, лета*; и т.д.), «порядковый номер в сезонном цикле» (*первый (второй, третий) месяц весны, лета* и т.д.). Ей присущи также такие компоненты, как: «длительность – количество дней» (*30 дней, 31 день, 28/29 дней, самый короткий месяц*), «природные и погодные характеристики» (*снег; мороз; таяние снега; дожди, слякоть; цветение растений*; и др.), «температура» (*холодно; тепло; жарко; ...понижение температуры*; и т.д.), «события» (*Новый год, Рождество, Крещение; 8 Марта; Пасха; День Победы*; и под.), «деятельность» (*начинается обработка земли; сбор урожая; время копать картошку; экзамены*; и др.); «состояние, испытываемое человеком» (*новогоднее настроение; упадок сил; блаженство; меланхолия*; и т.д.), «культурные сведения» (*день рождения ДиКаприо, Толкина*; и под.), «оценка» (*самый приятный; самый красочный; самый лучший*; и т.д.), «личные данные» (*день рождения отца, матери*; и др.). Идя практически в одном и том же направлении, задаваемом характеристиками временных циклов и указывая соответственно на референциальную отнесенность слова, порядковый номер и место обозначаемого временного фрагмента в цикле, а также его характеристики, вытекающие из тесной связи с деятельностью человека (отсюда общность параметров «события», «деятельность», «состояние, испытываемое человеком» и т.д.), испытываемые подчеркивают тесную связь единиц годового цикла с сезонным и отмечают характерные для разных

месяцев природные и погодные, температурные характеристики и некоторые другие качества, не присущие наименованиям конститuentов недельного цикла (см. Таблицы 3, 4).

Таблица 3. Семантические компоненты в значениях наименований дней недели в русском языке (данные психолингвистического эксперимента)

Семантические компоненты \ Дни недели	Понедельник	Вторник	Среда	Четверг	Пятница	Суббота	Воскресенье
Временной период в недельном цикле	44 (91,6%)	46 (95,87)	44 (91,6%)	44 (91,6%)	40 (88,3%)	36 (75%)	38 (79,2%)
Порядковый номер в цикле	36 (75%)	36 (75%)	32 (66,7%)	30 (62,5%)	30 (62,5%)	22 (45,8%)	26 (54%)
Место между единицами цикла	4 (8,3%)	12 (25%)	10 (9%)	6 (12,5%)	6 (12,5%)	4 (8,3%)	2 (4,2%)
Деятельность +/-	20 (41,7%)	14 (29,2%)	14 (29,2%)	12 (25%)	26 (54%)	24 (50%)	22 (45,8%)
Природные, в том числе и погодные характеристики	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)	2 (4,2%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)
События	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)	6 (12,5)
Культурные сведения	2 (4,2%)	0 (0%)	0 (0%)	2(4,2%)	2(4,2%)	2(4,2%)	6(12,5%)
Состояние, испытываемое человеком	4 (8,3%)	6 (12,5%)	8 (16,7%)	6 (12,5%)	8 (16,7%)	0 (0%)	2 (4,2%)
Оценка +/-	14 (29,2%)	10 (20,8%)	4 (8,3%)	2 (4,2%)	6 (12,5%)	2 (4,2%)	0(0%)
Астрологические характеристики	2 (4,2%)	2 (4,2%)	2 (4,2%)	2 (4,2%)	2 (4,2%)	2 (4,2%)	2 (4,2%)
Личные данные	0(0%)	0(0%)	0(0%)	0(0%)	2(4,2%)	0(0%)	0(0%)

Таблица 4. Семантические компоненты в значениях наименований месяцев в русском языке (данные психолингвистического эксперимента)

Семантические компоненты	Месяцы											
	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь
Временной период годового цикла	36 (75%)	36 (75%)	34 (71%)	34 (71%)	40 (88,3%)	38 (79,2%)	36 (75%)	34 (71%)	38 (79,2%)	32 (66,7%)	40 (88,3%)	38 (79,2%)
Порядковый номер в цикле	30 (62,5%)	22 (45,8%)	20 (41,7%)	24 (50%)	20 (41,7%)	24 (50%)	20 (41,7%)	20 (41,7%)	20 (41,7%)	20 (41,7%)	20 (41,7%)	24 (50%)
Место между единицами цикла	0	0	0	0	0	0	2 (4,2%)	0	0	0	0	0
Время года	18 (37,5%)	22 (45,8%)	32 (66,7%)	28 (58%)	28 (58%)	28 (58%)	20 (41,7%)	20 (41,7%)	32 (66,7%)	26 (54%)	26 (54%)	26 (54%)
Порядковый номер в сезонном цикле	12 (25%)	16 (33%)	26 (54,7%)	20 (41,7%)	20 (41,7%)	18 (37,5%)	12 (25%)	14 (29,2%)	22 (45,8%)	18 (37,5%)	16 (33%)	18 (37,5%)
Количество дней	6 (12,5%)	14 (29,2%)	2 (4,2%)	2 (4,2%)	2 (4,2%)	2 (4,2%)	2 (4,2%)	2 (4,2%)	2 (4,2%)	2 (4,2%)	2 (4,2%)	2 (4,2%)
Деятельность +/-	4 (8,3%)	2 (4,2%)	2 (4,2%)	4 (8,3%)	8 (16,7%)	16 (33%)	18 (37,5%)	20 (41,7%)	22 (45,8%)	2 (4,2%)	0-	8 (16,7%)
Природные, в том числе и погодные характеристики	8 (16,7%)	14 (29,2%)	16 (33%)	14 (29,2%)	12 (25%)	2 (4,2%)	4 (8,3%)	10 (20,8%)	14 (29,2%)	22 (45,8%)	24 (50%)	14 (29,2%)
Температура	4 (8,3%)	8 (16,7%)	10 (20,8%)	4 (8,3%)	10 (20,8%)	4 (8,3%)	14 (29,2%)	10 (20,8%)	8 (16,7%)	10 (20,8%)	6 (12,5%)	4 (8,3%)
События	10 (20,8%)	4 (8,3%)	6 (12,5%)	4 (8,3%)	8 (16,7%)	2 (4,2%)	2 (4,2%)	0	0	0	0	10 (20,8%)
Культурные сведения	2 (4,2%)	0	0	0	0	0	2 (4,2%)	0	0	0	2 (4,2%)	0
Состояние, испытываемое человеком	4 (8,3%)	0	0	0	4 (8,3%)	0	2 (4,2%)	2 (4,2%)	0	4 (8,3%)	4 (8,3%)	8 (16,7%)
Оценка +/-	0	2 (4,2%)	0	0	0	6 (12,5%)	2 (4,2%)	2 (4,2%)	4 (8,3%)	0	2 (4,2%)	2 (4,2%)
Личные данные	0	0	1 (2,1%)	0	1 (2,1%)	0	1 (2,1%)	1 (2,1%)	1 (2,1%)	1 (2,1%)	0	0

Привлекает внимание и то, что содержащиеся в ответах типы информации об обозначаемых временных отрезках, представлены с разной частотностью. Наиболее частотными для обоих циклов в ответах являются «временной период в цикле», «порядковый номер в цикле», которые студенты считают необходимыми, а некоторые и достаточными для определения семантики их наименований. Важно отметить, что в данном плане определения носителей языка совпадают с профессиональными. Это свидетельствует, по нашему мнению, о принципиально единых линиях конструирования информации об окружающем мире в «наивных» (предложенных носителями языка) и научных (разработанными профессионалами-лексикографами) дефинициях, о широком диапазоне действия данной закономерности и ее когнитивной значимости.

Ответы респондентов, различаясь по числу семантических компонентов (от 2 до 5 и более), варьируются и по типу указываемых свойств обозначаемых периодов времени. Для наименований дней недели самыми часто представленными в ответах являются указания на деятельность (рабочий день) или ее отсутствие (выходной, день отдыха) и оценку, которая связана с характеристикой того или иного временного отрезка как тяжелого, трудного (*понедельник*) или наиболее продуктивного, самого напряженного и т.д. (*вторник*), с ощущением, что это пик производительности, что самое трудное уже позади (*среда*), и т.д., и обусловлена характером деятельности в этот день. Для наименований месяцев подчеркивается связь с сезонным циклом, природными и погодными характеристиками и деятельностью, которая очевидным образом связывается только с определенными месяцами. Довольно частым компонентом оказывается «События».

Заключение

Разделяя принцип равнозначности, обозначения конвенциональных временных циклов характеризуются набором индивидуальных свойств,

отличающих их друг от друга и способствующих их выделенности в цикле. Это означает, что, подчиняясь системным принципам, конститuentы лексических конвенциональных циклических структур формируют свою лингвистически обусловленную сеть отношений и различаются значимостью, детерминирующей соответствующее место каждого наименования временного фрагмента в соответствующей языковой подсистеме.

ЛИТЕРАТУРА

- 1- Бочкарева И. В. (2012). *Когнитивные аспекты семантики производных от имен собственных в современном английском языке*. [Дис. .канд. филол. наук. 10.02.04. Тамбовский гос. ун-т им. Г.Р.Державина]. Тамбов. Россия.
- 2- Головачёва Т. А. (2013). *Существительные, производные от имён собственных, в когнитивно-дискурсивном освещении*. [Дис. .канд. филол. наук. 10.02.01. Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В.Ломоносова]. Архангельск. Россия.
- 3- Корбачева Т. В. (2022). *Семантика слова с позиции лексикографа и носителя языка*, Вестник. Минского гос. лингв. ун-та. Сер. 1, Филология. – № 1, 14–24.
- 4- Лебедев С. А. (2008). *Философия науки: краткая энциклопедия (основные направления, концепции, категории)*. – М. : Академический проект.
- 5- *Лингвистический энциклопедический словарь* (1990). Гл. ред. В.Н.Ярцева. М. : Советская энциклопедия.
- 6- Паршина Е. О. (2013). *Когнитивные основы имен собственных в функции нарицательных в английском языке* [Дис.канд. филол. наук. 10.02.04. Тамбовский гос. ун-т им. Г. Р. Державина]. Тамбов. Россия.
- 7- Филлмор Ч. Дж. (1983). *Об организации семантической информации в словаре*, Новое в зарубежной лингвистике. Проблемы и методы лексикографии. – Вып. XIV. – М. : Прогресс, 23–60.
- 8- *Философский энциклопедический словарь* (1983). М. : Советская энциклопедия.
- 9- Харитончик З. А., Корбачева Т. В. (2021). *Лексические циклы в современном русском языке*, Исследовательский журнал русского языка и литературы. Том 9. Вып. 1, 2021. – С. 43–66.
- 10- Cruse D. A. (1986). *Lexical semantics* (Cambridge textbooks in linguistics) – New York : Cambridge University Press.

- 11- Evans V. and M. Green. (2006). *Cognitive Linguistics: An Introduction* – Edinburgh : Edinburgh University Press.
- 12- Langendonck, Willy van. 2007. *Theory and Typology of Proper Names*. Berlin : Mouton de Gruyter.
- 13- Leech G. N. (1970). *Towards a Semantic Description of English*. Bloomington; London : Indiana University Press.

СЛОВАРИ и принятые сокращения

- Большой академический словарь русского языка в 27 томах* (2005 – 2021). М., С-Петербург : Наука. – БАС
- Словарь современного русского литературного языка в 17 томах* (1950 1965). М.-Ленинград : Изд-во Академии наук СССР. – БАС
- Словарь русского языка в четырех томах* (1987). Гл. ред. второго издания А.П. Евгеньева. Изд. третье, стереотипное. М. : Русский язык. – МАС
- Ефремова Т. Ф. (2006). *Современный толковый словарь русского языка*. В трех томах. Около 160000 слов. М. : Астрель АСТ. – СЕ
- Даль В. И. (1989). *Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т.* – М. : Рус. яз. – ДАЛЬ
- Современный толковый словарь русского языка* (2004). Более 90000 слов и фразеологических выражений. Гл. ред. С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург: Норинт. – СК
- Ожегов С. И. (2010). *Толковый словарь русского языка*. Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений. Под ред. проф. Л.И. Скворцова.- 27-е издание, исправленное. М. : ООО «Издательство Ониск», ООО «Издательство « Мир и Образование». – СОЖ
- Ожегов С. И. и Н. Ю. Шведова (2003). *Толковый словарь русского языка; 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е издание, дополненное*. М. : ООО «ИТИ Технологии». – СОЖШ.

Bibliography

- 1- Bochkareva I. V. (2012). *Kognitivnye aspekty semantiki proizvodnyh ot imen sobstvennyh v sovremenном anglijskom jazyke*. [Dis. .kand. filol. nauk. 10.02.04. Tambovskij gos. un-t im. G.R.Derzhavina]. Tambov. Rossiya.
- 2- Golovachjova T. A. (2013). *Sushhestvitel'nye, proizvodnye ot imjon sobstvennyh, v kognitivno-diskursivnom osveshhenii*. [Dis. .kand. filol. nauk. 10.02.01. Severnyj (Arkticheskij) federal'nyj universitet im. M.V.Lomonosova]. Arhangel'sk. Rossiya.

- 3- Korbacheva T. V. (2022). *Semantika slova s pozicii leksikografa i nositelja jazyka*, Vestnik. Minskogo gos. lingv. un-ta. Ser. 1, Filologija. – № 1, 14–24.
- 4- Lebedev S. A. (2008). *Filosofija nauki: kratkaja jenciklopedija (osnovnye napravlenija, koncepcii, kategorii)*. – M. : Akademicheskij projekt.
- 5- *Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar'* (1990). Gl. red. V.N.Jarceva. M. : Sovetskaja jenciklopedija.
- 6- Parshina E. O. (2013). *Kognitivnye osnovy imen sobstvennyh v funkcii naricatel'nyh v anglijskom jazyke* [Dis.kand. filol. nauk. 10.02.04. Tambovskij gos. un-t im. G. R. Derzhavina]. Tambov. Rossija.
- 7- Fillmor Ch. Dzh. (1983). *Ob organizacii semanticheskoi informacii v slovare*, Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Problemy i metody leksikografii. – Vyp. HIV. – M. : Progress, 23–60.
- 8- *Filosofskij jenciklopedicheskij slovar'* (1983). M. : Sovetskaja jenciklopedija.
- 9- Haritonchik Z. A., Korbacheva T. V. (2021). *Leksicheskie cikly v sovremennom russkom jazyke*, Issledovatel'skij zhurnal russkogo jazyka i literatury. Tom 9. Vyp. 1, 2021. – S. 43–66.
- 10- Cruse D. A. (1986). *Lexical semantics* (Cambridge textbooks in linguistics) – New York : Cambridge University Press.
- 11- Evans V. and M. Green. (2006). *Cognitive Linguistics: An Introduction* – Edinburgh : Edinburgh University Press.
- 12- Langendonck, Willy van. 2007. *Theory and Typology of Proper Names*. Berlin : Mouton de Gruyter.
- 13- Leech G. N. (1970). *Towards a Semantic Description of English*. Bloomington; London : Indiana University Press.

SLOVARI i prinjatye sokrashhenija

- Bol'shoj akademicheskij slovar' russkogo jazyka v 27 tomah* (2005 – 2021). M., S-Peterburg : Nauka. – BAS
- Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka v 17 tomah* (1950 1965). M.-Leningrad : Izd-vo Akademii nauk SSSR. – BAS
- Slovar' russkogo jazyka v chetyreh tomah* (1987). Gl. red. vtorogo izdanija A.P. Evgen'eva. Izd. tret'e, stereotipnoe. M. : Russkij jazyk. – MAS
- Efremova T. F. (2006). *Sovremennyj tolkovyj slovar' russkogo jazyka*. V treh tomah. Okolo 160000 slov. M. : Astrel' AST. – SE
- Dal' B. I. (1989). *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka: v 4-h t.* – M. : Rus. jaz. – DAL"

- Sovremennyyj tolkovyy slovar' russkogo jazyka* (2004). Bolee 90000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij. Gl. red. S. A. Kuznecov. Sankt-Peterburg: Norint. – SK
- Ozhegov S. I. (2010). *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka*. Ok. 100 000 slov, terminov i frazeologicheskikh vyrazhenij. Pod red. prof. L.I. Skvorcova.- 27-e izdanie, ispravlennoe. M. : OOO «Izdatel'stvo Oniks», OOO «Izdatel'stvo « Mir i Obrazovanie». – SOZh
- Ozhegov S. I. i N. Ju. Shvedova (2003). *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka*; 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij. 4-e izdanie, dopolnennoe. M. : OOO «ITI Tehnologii». – SOZhSh.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Kharitonchik, Zinaida Andreevna (2022). CONVENTIONAL LEXICAL CYCLES IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literaturny, 10(2)*, 157–176.

DOI: 10.52547/iarll.20.157

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/233>

ساختارهای چرخه‌ای متداول در واژگان زبان روسی معاصر

زیناییدا آندره‌یونا خاریتانچیک*

استاد دانشگاه دولتی زبان‌شناسی مینسک،
مینسک، بلاروس.

(تاریخ دریافت: مارس ۲۰۲۲، تاریخ پذیرش: مه ۲۰۲۲)

چکیده

مقاله حاضر به بررسی و مطالعه چرخه‌های واژگانی زمانی متداول در زبان روسی از جمله نام روزهای هفته و ماه‌های سال می‌پردازد که کاملاً با روابط توالی و تکرار ارتباط نزدیکی دارد. نتایج حاصل از تحلیل واژگانی و نتایج آزمایش روان‌زبانی نشان می‌دهند که در کنار همپایه بودن آنها به دلیل ویژگی‌های هستی‌شناختی چرخه‌های مورد مطالعه، نام‌های واژگانی آنها با مجموعه‌ای از ویژگی‌های معنایی مانند «دوره زمانی در چرخه»، «ترتیب در چرخه»، «کار و فعالیت» و غیره که ماتریس‌شناختی خاصی را تشکیل می‌دهند پیوند خورده است. اعضای ماتریس از نظر اهمیت متفاوت هستند: برای چرخه مربوط به نام روزهای هفته، نقش ویژگی «کار و فعالیت» پررنگ‌تر است، برای چرخه مربوط به نام ماه‌های سال، «ویژگی‌های طبیعی/اقلیمی و آب و هوا» و «کار و فعالیت» از اهمیت بیشتری برخوردار است. قابلیت انتخابی بودن ویژگی‌های معنایی از ماتریس‌شناختی در معانی برخی از واحدها، باعث ناهمگونی روابط در چرخه‌های واژگانی متداول و متمایز بودن برخی از اعضای آنها (به‌عنوان مثال یکشنبه در چرخه مربوط به روزهای هفته، ماه مه در چرخه مربوط به نام ماه‌های سال و غیره) می‌شود.

واژگان کلیدی: چرخه واژگانی زمانی مرسوم، توالی، تکرار، بازنمایی زبانی، عنصر معنایی، ماتریس‌شناختی، برجستگی.

1. E-mail: zkharitonchik@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-2166-4271

* نویسنده مسئول
نوع مقاله: علمی- پژوهشی

REFLECTION OF CHRISTIAN IDEAS IN THE WORK OF VASILY SHUKSHIN

Lorenc Irina Stanistavovna^{1*}

Associate Professor, Adam Mickiewicz University Poznań,
Poznań, Poland.

(date of receiving: February, 2022; date of acceptance: April, 2022)

Abstract

The work of Vasily Shukshin is one of the outstanding works of writers creativity of 60 ties from Twentieth century, which is of great importance in Russian literature and is called the work of the writers «derevenshchiki» (rus villagers). He was born in 1929 in Srostki village at the foot of the Altai Mountains and made his debut at the end of the 50 ties. Already his first works emerged significant literary personality of the writer. Shukshin's work remains relevant in our time and represents bond in international cultures. The article is devoted to religious motives in the works of Shukshin and his contribution to the Russian trend of «derevenshchiki» prose. Shukshin asks questions about the fate of village culture. It's spiritual wealth and transcendent state of the village people. Many established literary critics in their studies point out the reflection of Christian motives in Shukshin's work. A deep feeling of love for the mother and the folk culture, as well as the whole life of the writer points on his Christian roots. Mercy, sympathy, kindness, the cult of the Mother of God - we see all this in such works as (I want to Live, Strong Man, The Red Snowball Tree, Master, etc.). Analyzing the works of Vasily Shukshin, we can conclude that his work is imbued with religious spirituality. Shukshin's work is recognized all over the world, and most of his works have been translated into numerous languages.

Key words: Religion, Spirituality, Mercy, Writers «Derevenshchiki», Vasily Shukshin.

1. Email: irina.lorenc@gmail.com; ORCID ID: 0000-0001-5024-0414

* Corresponding author

ОТРАЖЕНИЕ ХРИСТИАНСКИХ ИДЕЙ В ТВОРЧЕСТВЕ ВАСИЛИЯ ШУКШИНА

Лоренц Ирина Станиславовна^{1*}

Доцент, Университет имени Адама Мицкевича г. Познань,
Познань, Польша.

(дата получения: февраль 2022г., дата принятия: апрель 2022г.)

Аннотация

Творчество Василия Шукшина является одним из выдающихся работ писателей 60-х гг. XX в., которое имеет огромное значение в русской литературе и называется творчеством писателей «деревенщиков». Он родился в 1929 г. в деревне Сростки у подножья гор Алтая и дебютировал под конец 50-х гг. Уже его первые произведения показывают рождение большой литературной индивидуальности писателя. Творчество Шукшина остаётся актуальным и в наше время и является соединяющим звеном в международной культуре. Статья посвящена религиозным мотивам в творчестве Шукшина и его вкладу в русское направление «деревенскую» прозу. Шукшин задаёт вопросы, касающиеся судьбы деревенской культуры, её духовного богатства и духовного состояния деревенских людей. Много известных литературных критиков в своих исследованиях указывает на отражение христианских мотивов в творчестве Шукшина. Глубокое чувство любви к матери, к народной культуре, а также вся жизнь писателя имеют христианские корни. Милосердие, сочувствие, добро, культ Божий Матери – всё это видим в таких произведениях как *Охота жить*, *Крепкий мужик*, *Калина красная*, *Мастер*, и др. Анализируя произведения Василия Шукшина, можно сделать вывод, что его творчество проникнуто религиозной духовностью.

Ключевые слова: Религия, Духовность, Милосердие, Писатели «Деревенщики», Василий Шукшин.

1. Email: irina.lorenc@gmail.com; ORCID ID: 0000-0001-5024-0414 * Ответственный автор

Введение

Творчество Шукшина известно во всём мире и большинство его произведений переведены на многие языки. В Иране в 2013 г. Дж. Карими-Мотаххар в соавторстве с М. Дареми выпустил перевод рассказов Шукшина *Чудик* и другие рассказы. В перевод вошли 15 рассказов Шукшина и предисловие переводчика, содержащее биографию Шукшина и анализ переводимых рассказов.

Вообще литературные взаимоотношения Ирана и России неоднократно являлись предметом исследований как русских (Комиссаров, 2005; Розенфельд, 1958; Шифман, 1971 и др.), так и иранских ученых (Ислами-Нодушан, 1974; Яхьяпур, 2017).

Авторы в своих работах часто освещают основные ракурсы компаративистских исследований иранских русистов, определяют главные черты процесса взаимодействия персидской и русской литератур. (Садеги Сахлабад 2019).

Одной из составляющих мировоззрения человека является его отношение к религии. Известный польский режиссёр Кшиштоф Занусси уже много лет является консультантом по культуре при Ватикане. На вопрос, не сковывает ли религия его фантазию, режиссер ответил, что религия – это форма духовности. Религиозность не оформленная – это просто туман. Религия – это всегда "приглашение вглубь себя". И поэтому религиозные догматы не только не мешают режиссеру, но оформляют его интуицию. То же самое можно сказать и о творчестве Шукшина – оно «приглашает вглубь себя». Во всех его произведениях мы видим оформленную религиозность, его духовность в высшем его проявлении.

Многие исследователи обращаются к изучению проблемы *Шукшин и христианские традиции*. Ольга Левашова акцентирует внимание на «мощном архетипическом образном пласте» в творчестве Шукшина, связанном с

преимущественным интересом писателя к национальному, и существование отсылок к древнерусским, христианским, а значит и религиозным текстам: *Слово о полку Игореве* в рассказе *Экзамен*, *Аввакум* в романе *Я пришел дать вам волю*. (Левашова 2006. 93)

Одним из первых эту проблему поставил также исследователь Владимир Васильев. Он утверждает, что существование «единого русского национального сюжета, который живет, трансформируется и реализуется на протяжении тысячелетия в рамках достаточно жесткой структуры» и генетически восходит к жанру жития-мученика (повествования о мучениях борцов за христианскую веру). Ученый, опираясь на структурную схему *Жития Бориса и Глеба* и изменения, произошедшие с ней в XVII веке в *Житии протопопа Аввакума*, анализирует судьбу целого ряда шукшинских героев-самоубийц. (Васильев 1997. 87)

О *Житийной тенденции в рассказах Шукшина* пишет Владимир Огнев. Исследователь выявляет характерные черты «житийности», используемые Шукшиным: «жизнь героя последовательно прослеживается на большом отрезке времени», «господство повествователя», снижение роли диалога и изобразительных сценок в рассказах, «повествовательный принцип изложения зиждется на движении художественной мысли внешне бесстрастного автора». (Огнев 2005. 5)

Работы вышеуказанных ученых не только показывают необходимость системного изучения влияния жанра жития на творчество писателя, но и отчетливо обозначили некоторые пути разработки проблемы религиозности в творчестве Шукшина.

Трудно говорить о творчестве Василия Шукшина, потому что уже многое сказано. Уникальным явлением русской культуры второй половины XX столетия по праву считается его, так называемая, «деревенская» проза. В произведениях Шукшина нашло отражение духовно-нравственное содержание

крестьянской культуры в ее общечеловеческой сути. Творчество писателя-«деревенщика» приобретает особую значимость на фоне забвения общечеловеческих оснований, традиционных национальных ценностей в современном мире.

Основная часть

Попытки рассмотрения литературоведами творчества Шукшина через призму житийного жанра вполне закономерны, так как глубинный контекст прозы писателя выстраивается с опорой на традиции народно-крестьянской и христианской культуры. В связи с чем, интересным является восприятие не только текстов, но и самого Шукшина с позиции религиозных традиций. Так, Валентин Распутин говорил о его «аввакумовской страсти» (Распутин 1989 .40), а Геннадий Бурков утверждал внутреннюю потребность Шукшина быть «духовником». (Бурков 1998. 104.)

В *Слове о «малой родине»* Шукшин написал о родине слова, подчёркивающие то, что навсегда пленило его душу: «Красота её, ясность её поднебесная». Чувство любви к родине Иван Ильин в своей работе *Путь духовного обновления* определил как чувство, близкое к религиозному, в котором выразилось внутренняя свобода человеческой личности, её самоопределения. (Ильин 1993. 228.)

В творчестве Шукшина мы находим непосредственное подтверждение этой истины: «Благослови тебя, моя родина, труд и разум человеческий!» – пишет писатель. (Шукшин 1991.38.)

Всю свою жизнь рвался Шукшин на родину, в родной дом, на Алтай. Родная деревня, сам уклад жизни в ней, простая тёплая атмосфера любви и понимания, уважения, строй и лад во всём – вот о чём вспоминает он. Стремятся на родину и сердца героев Шукшина, все тут всё о тебе знают, здесь поймут и простят. Жизненная философия героя-крестьянина у Шукшина - это

крестьянская трудовая этика, которая соответствует христианским представлениям. Для героев Шукшина, как и для самого писателя, органичны и другие христианские добродетели.

Шукшин выразил в своих произведениях живущее в глубинах сознание славянина, его представление о единении «живых на этой земле и уже отошедших в мир иной». (Белякова 1995. 184.) Он всегда помнил о предках, мысленно соизмеряя те испытания, которые выпали на их долю, с собственными силами. Он склонялся перед памятью людей, перед памятью отца Макара. Можно заметить, что *Жития святых* дают толкование имени Макарий как «блаженный». (Ракша 1999. 680) В рассказах, написанных от первого лица, не раз обращается автор к предкам: *Дядя Ермалай, Чужие, Жил человек*. Их герои и мёртвые стоят перед взором как живые, именно их спрашивает писатель о смысле жизни и тайне смерти.

Автор статьи вспоминает, что в раннем рассказе Шукшина *Мечты* автобиографический герой задумал тайно бороться, что свидетельствует о первых проблесках взрослеющего сознания Шукшина, первые мысли его о государстве.

В Шукшине, в его творчестве и в жизни есть то, что глубоко близко христианину – совесть. И это Шукшин взял от матери. Когда отца арестовали, за него в семье молились. Через много лет, узнав, что ее сын приезжает домой, в Сrostки, не один, а со своими московскими друзьями, Мария Сергеевна прибрала икону, висевшую в избе. Шукшин заметил, что угол непривычно пуст, и спросил мать, где икона. Та объяснила ему, что она постеснялась гостей и боялась сыну хоть чем-то навредить. На что Шукшин сказал: «Не надо, мама, ты повесь ее». (Шукшин 1988. 86)

Именно с образом родной земли связан у Шукшина и образ русской женщины. Это конечно же, прежде всего Мать: «Когда буду умирать, если буду в сознании, в последний момент успею подумать о матери, о детях и о

родине, которая живёт во мне. Дороже у меня ничего нет» (Там же. 82–83). Все, кто знал писателя лично, в один голос говорят об особом его отношении к матери, Марии Сергеевне. Белов приводит цитату из письма Шукшина: «У меня так: серьёзно, опасно заболела мать. Ездил домой, устраивал в больницу. И теперь всё болит и болит душа. Мы не сироты, Вася, пока у нас есть Матери...» (Белов 2000. 117). Ирина Ракша пишет о том, как терзался Шукшин оттого, что мало почитал свою мать (Ракша 1999. 198.).

В таком отношении к матери выразилось у Шукшина ещё одна особенность религиозного сознания, о которой говорят философы. Основываясь на народных духовных стихах, Геннадий Федотов утверждает, что культ богородицы на Руси связан именно с культом материнства. «В кругу небесных сил – Богородица, в кругу природного мира – земля, в родовой социальной жизни – мать, являются на разных ступенях космической божественной иерархии, носителями одного материнского начала» (Федотов 1992. 81). «Мать – земля, кормилица и утешительница, является и хранительницей нравственной правды. Грехи людей оскорбляют её, ложатся на неё невыносимой тяжестью» (Там же. 84) – пишет Федотов, и эти слова в полной мере объясняют покаяние перед землёй героя Шукшина Егора Прокудина, о котором писал в своей работе Валерий Коробов: «В *Калине красной* Егор Прокудин катается по земле, припадает к ней, хватается за неё руками – как бы исповедуется в несправедной прежней жизни и клянётся начать новую, достойную». (Коробов 1988. 195)

Можно чётко просматривать также богородичный мотив в романе *Я пришел дать вам волю*, причем истоки повышенного внимания писателя к данной теме, видно в непреходящем интересе Шукшина к старообрядчеству, для которого было характерно сращение христианских и языческих элементов (Редько 1994. 194). Мировосприятие Шукшина, писателя из народа, формировалось под влиянием православия, христианских традиций

жизненного мира его матери, старообрядческой морали. Алтайский край был одним из центров средоточия старой веры. С раскольниками связана и легенда о пропавшей, скрывшейся от людей церкви, образ которой появляется у писателя в рассказе *Мастер*. В старообрядчестве особо почитался культ именно Богородицы. В романе Шукшина *Я пришел дать вам волю* Степан Разин рубит в астраханской церкви икону с ликом Богородицы, что резко осуждают автор и герои произведения. В рассказе *Крепкий мужик* бригадир Шурыгин на глазах деревенских жителей снес бульдозером старую церковь. Тем самым он оскорбил святыню, надругался над народной традицией, над памятником культуры.

Шукшин и как писатель, и как режиссер и актер неразрывно связан с темой крестьянина, простого человека от земли. Истоки нравственности, отразились в его творчестве в материнской любви простой крестьянской женщины. Глубока его любовь к матери. Мать Шукшина так учила своих детей: «Не надо смеяться над человеком, а вот самого униженного, падающего, вот ему-то и надо помочь, поднять на ноги, чтобы он встал» (Шукшин 1988. 12–13). В этом ее христианском подходе проявилось то, о чем говорил Лев Толстой: «Ненавидь дурное в человеке, а человека люби» (Толстой 1957. 9).

Эти нравственные христианские традиции, просто высказанные в материнском завете, проявились почти с первых строк шукшинской прозы и звучали все отчетливее во всем творчестве писателя. Полюбить самого несимпатичного героя для читателя, дать ему проявить себя даже в самых преступных поступках и не отнимать у него «искры человеческого» - в этом сила шукшинского христианского творчества.

Казалось бы, чего проще, писать «плохих» героев черной краской, а «хороших» – в радужных тонах. Примеров «плохих», «отрицательных» героев у Шукшина множество, но следуя материнскому завету – «человека люби», и христовому – «да любите друг друга», он и в них ищет «искру божью».

Интересны герои рассказа *Охота жить*. Случай сталкивает в таежной избушке старика Никитича с беглым заключенным. Сам автор не проявляет симпатии к беглому преступнику, но жизненная человеческая сила вызывает у читателя уважение к нему.

«– Не боишься меня, отец?

– Тебя-то? - изумился старик. – А чего тебя бояться?

– Ну... я ж лагерник. Может, за убийство сидел.

– За убийство тебя Бог накажет, не люди. От людей можно побегать, а от него не уйдешь.

– Ты верующий, что ли? Кержак, наверное?

– Кержак!.. Стал бы кержак с тобою водку пить.

– Это верно. А насчет боженок ты мне мозги не... Меня тошнит от них... – Если бы я встретил где-нибудь этого вашего Христа, я бы ему с ходу кишки выпустил». (Шукшин 1978. 186)

Дважды Никитич спасает беглеца: от холода и от нагрянувших работников прокуратуры, и в третий раз дает возможность бежать ему, уже предавшему однажды старика. И получает предательский выстрел в спину. Шукшин не любит этим парнем, он не жалеет беглеца. Но, не оправдывая его, он все-таки находит причину всем его поступкам, не нравственную, а скорее животную. И выносит ее в название рассказа - *Охота жить*.

Редкий, если не единственный случай в творчестве Шукшина, когда не только у автора, но и у всех действующих лиц главный герой находит прямое осуждение – это разоритель церквей Шурыгин из рассказа *Крепкий мужик* (1969). По народному поверью его ждет проклятье и гибель. Усвоив призывы агитаторов-атеистов, он гордится тем, что истребляет старое, никому не нужное – разрушает церковь. В душе его нет Бога, нет чувства прекрасного. В рассказе всё село не согласно с героем, для абсолютного большинства людей

разрушение церкви - как гибель живого существа и связи, которая существовала с предками, творившими красоту на земле.

Однако герои Шукшина не ходят в церковь, а часто молятся не Богу, а красоте природы, её гармонии и совершенству. Ещё Лев Толстой писал о том, что у русского мужика «религия – это природа, с которой он жил» (Толстой 1998. 514).

Сам Шукшин понимал, что поклонение земле, природе имеет малое отношение к Богу, он выразил собственное ощущение «недостаточности» религиозного чувства в русском человеке, как и в самом себе: «...всякие пасхи, святки, масленицы – это никакого отношения к Богу не имело» (Шукшин 1981. 25). При всём том, Шукшин, как и Толстой, в оценке всего изображаемого исходит из вечных христианских добродетелей – добра и зла.

Для него «нет писателя без искренней тревожной думы о человеке, о добре, о зле, о красоте...» (Шукшин 1979. 352), предмет истинного искусства для автора *Калины красной* является «правда труженика и правда паразита, правда добра и зла» (Шукшин 1979. 85).

В душах своих героев он исследует соединение этих двух начал, их переплетение и сосуществование, их непримиримое противостояние. Добро и зло, воля и самоволие в произведениях писателя живут рядом. Стремление к воле в его героях иногда граничит со своеволием.

Образ разрушающихся, заброшенных православных храмов становился для Шукшина символом утраты нравственности в обществе, который забывает родной дом и родителей. Шукшин пишет сценарий *Калины красной*, в которой можно увидеть вечную тему евангельской притчи о заблудшем сыне, вставшем на путь возвращения к земле и матери. Путь Егора Прокудина от жизни вора к истокам крестьянской жизни тяжелый, но мало кто может усомниться, что он единственно праведный.

У каждого писателя религиозность неизбежно проявляется в том, что он пишет. Но это бывает по-разному, порой агрессивно и навязчиво писатель

начинает обличать и поучать. У Шукшина, к счастью, такого не происходит. Его проза – это не крик, а спокойный, доверительный и честный разговор. Творчество Шукшина звучит не напоказ, а часто неосознанно, как именно в *Калине красной*.

Одна из общих тем, к которой обращались и русские, и персидские писатели, – освещение проблемы деревенского человека в городе, конфликта, возникающего при столкновении традиционных моральных принципов, устоявшихся веками, с вновь формирующимися ценностями, новыми чертами характера, возникающими в человеческом сознании в условиях города.

Очень ярко показан конфликт между сельскими и городскими людьми в творчестве В.М. Шукшина и Б. Садеги (по мотивам рассказов *Чудик* В.М. Шукшина и *Незванный гость в большом городе* Б.Садеги), о чем пишет в своей научной работе иранский исследователь Самира Эсмаили. (Эсмаили 2013. 68)

В статье проводится сравнительный анализ произведений известного иранского писателя-сатирика Бахрама Садеги (1936 - 1984) и признанного мастера «деревенской прозы», русского писателя Василия Шукшина (1929 - 1974), в частности, их рассказов *Незванный гость в большом городе* и *Чудик*, объединённых помимо сходной проблематики, (конфликт внутреннего мира сельских и городских жителей), ещё и общностью используемых авторами литературных приёмов и выразительных средств, выражающихся как в соединении комического и трагического. (Там же).

Удивительную похожесть персонажей, их характеров, мировоззрения и отношения к жизни мы можем наблюдать в них. Оба произведения повествуют о соприкосновении мира деревенского героя с миром городских обитателей, их моралью и чуждым стилем жизни. В произведениях хорошо заметно сопоставление русского и иранского фольклора. Оба писателя задают одни и те же вопросы о том «что же всё таки большой город делает с человеком, во что превращает его. Куда же исчезает душевность и искренность» (Там же.).

Заключение

Многообразное творчество Шукшина проникнуто верой в человека, в его нравственный выбор. Созидательная сила творчества у писателя, противостоящая хаосу и небытию. Шукшинские идеи являются вечными для мировой культуры. Сегодня они приобретают предельную актуальность. В зарубежном восприятии Шукшин-художник является ядром всего диапазона русских «проклятых» вопросов. Он создает духовно-культурный потенциал, который востребован и в наше время. Формы искусства Шукшина оказываются довольно близкими многим деятелям зарубежных культур своей любовью к людям, человеческим состраданием и милосердием к ним. Читатели и зрители во многих странах тянутся к творчеству Шукшина, так как автор следовал установке говорить правду, какой бы горькой она ни была. Всё творчество Шукшина проникнуто духовностью и религиозностью. Во всяком движении его героев можно увидеть дар Божий, потому что искренность близка к истине.

Литература

- 1- Белов В. И. (2000). *Тяжесть креста. Воспоминания о В.М. Шукшине*, М.: Изд-во «Наш современник», №10, С.117.
- 2- Белякова Г. С. (1995). *Славянская мифология*, М.: Изд-во «Прсвещение», С.184.
- 3- Бурков Г. И. (1998). *Хроника сердца*, М.: Изд-во «Вагриус», С.104.
- 4- Васильев В. К. (1997). *В.М. Шукшин жизнь и творчество*, Барнаул, С.87.
- 5- Ильин И. А. (1993). *Путь к очевидности*, М.: Изд-тво «Республика», С.228.
- 6- Коробов В. И. (1988). *Василий Шукшин*, М.: Изд-во « Современник», С.195.
- 7- Левашова О. Г. (2006). *Эстетика и поэтика В.М. Шукшина*, Б.: Изд-во Алтайского университета, С. 93.
- 8- Огнев В. А. (2005). *О высоких идеалах брака*, М.: «Отечественные записки», С. 5.
- 9- Ракша И. А. (1999). *Голубочек мой ясный...*, М.: Изд-во «Наш современник», С.198.
- 10- Распутин В. Г. (1989). *Твой сын Россия горячий брат наш*, М.: Изд-во «Молодая гвардия», С.40.

- 11- Редько А. В. (1994). *В. Шукшин - Библиографический указатель*, Барнаул: Изд-во АО "Полиграфист", С.194.
- 12- Ростовский Димитрий (2010). *Жития святых*, М.: Изд-во «Ковчег», С.680.
- 13- Садеги Сахлабад З. (2019). Дисс. *Учебный план по предмету «компаративистика» на уровне магистратуры в иранских университетах*, январь, Тегеран, Иран.
- 14- Толстой Л. Н. (1957). *Круг чтения, Полн. собр. соч., т.41*, М.: Изд-во «Художественная литература», С.9.
- 15- Толстой Л. Н. (1998). *Собр. соч., т.17*, М.: Изд-во «Художественная литература», С.514.
- 16- Федотов Г. П. (1992). *Мать-земля*, СПб.: Изд-во «Наука», С.81.
- 17- Шукшин В. М. (1978). *Охота жить*, Казань: «Татар. кн. изд-во», С.186.
- 18- Шукшин В. М. (1979). *Как я понимаю рассказ*, [В:] Сб.ст. *Нравственность есть Правда*, М.: Изд-во «Сов. Россия», С.352.
- 19- Шукшин В. М. (1979). *Публицистика, Нравственность есть Правда*, Москва: Изд-во «Сов. Россия», С. 18.
- 20- Шукшин В. М. (1981). *Монолог на лестнице в сб.: Вопросы самому себе*, М.: Изд-во «Мол. Гвардия», С. 1
- 21- Шукшин В. С. (1988). *Письма В.М.Шукишина к матери*, публ. В. Ф. Горна, Ниж. Новгород: Издательский дом «Семья», №10, С. 86.
- 22- Шукшин В. М. (1991). *Слово о «малой родине»*, М.: Изд-во «Киноцентр», С. 38.
- 23- Эсмаили С. (2013). *Конфликт между сельскими и городскими людьми в творчестве В.М. Шукишина и Б. Садеги (по мотивам рассказов Чудик В.М. Шукишина и Незваный гость в большом городе Б. Садеги)*, М.: Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом № 2, С.68.

Bibliography

- 1- Belov V. I. (2000). *Tjazhest' kresta. Vospominanija o V.M. Shukshine*, М.: Izd-vo «Nash sovremennik», №10, S.117.
- 2- Beljakova G. S. (1995). *Slavjanskaja mifologija*, М.: Izd-vo «Prsveshhenie», S.184.
- 3- Burkov G. I. (1998). *Hronika serdca*, М.: Izd-vo «Vagrius», S.104.
- 4- Vasil'ev V. K. (1997). *V.M. Shukshin zhizn' i tvorcestvo*, Barnaul, S.87.
- 5- Il'in I. A. (1993). *Put' k ochevidnosti*, М.: Izd-tvo «Respublika», S.228.
- 6- Korobov V. I. (1988). *Vasilij Shukshin*, М.: Izd-vo « Sovremennik», S.195.
- 7- Levashova O. G. (2006). *Jestetika i pojetika V.M. Shukshina*, В.: Izd-vo Altajskogo universiteta, S. 93.

- 8- Ognev V. A. (2005). *O vysokih idealah braka*, M.: «Otechestvennye zapiski», S. 5.
- 9- Raksha I. A. (1999). *Golubochek moj jasnyj...*, M.: Izd-vo «Nash sovremennik», S.198.
- 10- Rasputin V. G. (1989). *Tvoj syn Rossija gorjachij brat nash*, M.: Izd-vo «Molodaja gvardija», S.40.
- 11- Red'ko A. V. (1994). *V. Shukshin - Bibliograficheskij ukazatel'*, Barnaul: Izd-vo AO "Poligrafist", S.194.
- 12- Rostovskij Dimitrij (2010). *Zhitija svjatyh*, M.: Izd-vo «Kovcheg», S.680.
- 13- Sadegi Sahlabad Z. (2019). Diss. *Uchebnyj plan po predmetu «komparativistika» na urovne magistratury v iranskih universitetah, janvar'*, Tegeran, Iran.
- 14- Tolstoj L. N. (1957). *Krug chtenija, Poln. sobr. soch.*, t.41, M.: Izd-vo «Hudozhestvennaja literatura», S.9.
- 15- Tolstoj L. N. (1998). *Sobr. soch.*, t.17, M.: Izd-vo «Hudozhestvennaja literatura», S.514.
- 16- Fedotov G. P. (1992). *Mat'-zemlja*, SPb.: Izd-vo «Nauka», S.81.
- 17- Shukshin V. M. (1978). *Ohota zhit'*, Kazan': «Tatar. kn. izd-vo», S.186.
- 18- Shukshin V. M. (1979). *Kak ja ponimaju rasskaz*, [V:] Sb.st. *Nravstvennost' est' Pravda*, M.: Izd-vo «Sov. Rossija», S.352.
- 19- Shukshin. V. M. (1979). *Publicistika, Nravstvennost' est' Pravda*, Moskva: Izd-vo «Sov. Rossija», S. 18.
- 20- Shukshin V. M. (1981). *Monolog na lestnice v sb.: Voprosy samomu sebe*, M.: Izd-vo «Mol. Gvardija», S. 1
- 21- Shukshin V. S. (1988). *Pis'ma V.M.Shukshina k materi*, publ. V. F. Gorna, Nizh. Novgorod: Izdatel'skij dom «Sem'ja», №10, S. 86.
- 22- Shukshin V. M. (1991). *Slovo o «maloj rodine»*, M.: Izd-vo «Kinocentr», S. 38.
- 23- Jesmaili S. (2013). *Konflikt mezhdu sel'skimi i gorodskimi ljud'mi v tvorchestve V.M. Shukshina i B. Sadegi (po motivam rasskazov Chudik V.M. Shukshina i Nezvanij gost' v bol'shom gorode B. Sadegi)*, M.: Mezhdunarodnyj aspirantskij vestnik. Russkij jazyk za rubezhom № 2, S.68.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Lorenc, Irina Stanistavovna (2022). REFLECTION OF CHRISTIAN IDEAS IN THE WORK OF VASILY SHUKSHIN. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 10(2), 177–191.

DOI: 10.52547/iarll.20.177

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/231>

بازتاب آموزه‌های مسیحیت در آثار واسیلی شوکشین

ایرینا استانیسلاونا لورنتس^{*۱}

دانشیار دانشگاه آدام میکویچ،
پوزنان، لهستان.

(تاریخ دریافت: فوریه ۲۰۲۲؛ تاریخ پذیرش: آوریل ۲۰۲۲)

چکیده

آثار ادبی واسیلی شوکشین ثمره آثار نویسندگان دهه شصت سده بیستم است که در ادبیات روسیه اهمیت بالایی دارد و از آن به عنوان آثار نویسندگان «روستانویس» یاد می‌شود. او در سال ۱۹۲۹ در روستای سروستکی واقع در دامنه کوه‌های آلتای به دنیا آمد و در پایان دهه پنجاه نخستین آثار ادبی خود را خلق کرد. آثار نخست وی از همان ابتدا نوید تولد یک شخصیت ادبی منحصر به فرد و بزرگ را می‌دهد. آثار شوکشین در حال حاضر نیز همچنان ارزشمند و از اهمیت خاصی برخوردار است و به عنوان حلقه اتصال در فرهنگ جهانی محسوب می‌شود. مقاله حاضر به بررسی اندیشه‌های مذهبی در آثار شوکشین و سهم او در پایه‌گذاری مکتب ادبی روسی و آثار منشور با موضوع «روستا» می‌پردازد. شوکشین درباره سرنوشت فرهنگ روستا، ثروت معنوی آن و وضعیت معنوی مردم روستا سؤالاتی را مطرح می‌کند. بسیاری از منتقدان ادبی شناخته شده در پژوهش‌های خود به بازتاب آموزه‌های مسیحیت در آثار شوکشین اشاره می‌کنند. عشق بی‌حد و مرز به مادر مقدس و فرهنگ عامیانه مردم و تمام زندگی نویسنده ریشه در آموزه‌های مسیحیت دارد. مهرورزی، غمخواری، مهربانی و شخصیت مریم مقدس را در آثاری چون (می‌خواهم زندگی کنم، مرد قوی، گل کالیبای قرمز، استاد و غیره) می‌بینیم. با تحلیل آثار واسیلی شوکشین می‌توان نتیجه گرفت که درون‌مایه آثار وی با معنویت مذهبی پیوند خورده است.

واژگان کلیدی: دین، معنویت، مهرورزی، نویسندگان «روستانویس»، واسیلی شوکشین.

1. Email: irina.lorenc@gmail.com; ORCID: 0000-0001-5024-0414

* نویسنده مسئول

نوع مقاله: علمی- پژوهشی

CONDUCTING AND ANALYZING THE DATA OF AN ASSOCIATIVE EXPERIMENT IN LINGUISTIC RESEARCH

Arekeeva Iuliia Yevgenyevna^{1*}

Assistant Professor, Udmurt State University,
Izhevsk, Russia.

(date of receiving: August, 2022; date of acceptance: September, 2022)

Abstract

The author of the article focuses on the scientific methods used to obtain and analyze linguistic material in linguistic research, namely the method of linguistic experiment and the quantitative methods used to analyze its data and the method of semantic interpretation. The experiment occupies a leading place in linguistic research as the main way of researching and constructing reality. In psycholinguistics, the experiment involves the joint interaction of the experimenter and the subject, aimed at performing pre-composed experimental tasks and studying possible changes and relationships. The methods of analysis and interpretation of experimental data are based on quantitative measurements, with the help of which the quantitative indicators obtained during the experiment can be generalized and brought into the system, as well as on the construction of models for measuring the object of study through the analysis of semantics. The combination of psycholinguistic, quantitative and general scientific methods is a productive way to solve the problems of the experiment.

Keywords: Experiment, Method, Psycholinguistics, Quantitative Methods, Methods Of Semantic Interpretation.

1. E-mail: izh4yu@gmail.com; ORCID ID: 0000-0003-2016-745X

* Corresponding author.

ПРОВЕДЕНИЕ И АНАЛИЗ ДАННЫХ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Арексеева Юлия Евгеньевна^{1*}

Старший преподаватель, Удмуртский государственный университет,
Ижевск, Россия.

(дата получения: август 2022г.; дата принятия: сентябрь 2022г.)

Аннотация

В фокусе внимания автора статьи находятся научные методы, используемые для получения и анализа языкового материала в лингвистических исследованиях, а именно метод лингвистического эксперимента и применяемые для анализа его данных количественные методы и метод семантической интерпретации. Эксперимент занимает ведущее место в лингвистических исследованиях как основной способ исследования и конструирования реальности. В психолингвистике эксперимент предусматривает совместное взаимодействие экспериментатора и испытуемого, направленное на выполнение предварительно составленных экспериментальных заданий и изучение возможных изменений и взаимосвязей. Методы анализа и интерпретации экспериментальных данных базируются на количественных измерениях, с помощью которых количественные показатели, полученные в ходе эксперимента, могут быть обобщены и приведены в систему, а также на построении моделей измерения объекта исследования через анализ семантики. Комбинация психолингвистических, количественных и общенаучных методов является продуктивным способом решения задач проводимого эксперимента.

Ключевые слова: Эксперимент, Метод, Психолингвистика, Количественные Методы, Методы Семантической Интерпретации.

Введение

Наше исследование посвящено изучению процесса и обработки данных ассоциативного эксперимента как одного из основных методов получения языкового материала в лингвистических исследованиях. Понятие «метод» в научной литературе представлено крайне разнообразно и может в общем смысле пониматься как способ или форма действия для решения поставленных задач. Согласно определению С. Л. Рубинштейна, метод — это путь познания, это способ, посредством которого познается предмет науки (Рубинштейн 2003). З. И. Комарова рассматривает метод как совокупность исследовательских методик, приёмов и операций, т. е. средств исследования, используемых для достижения цели и решения исследовательских задач в соответствии с лингвистической теорией и методологией познания языковой действительности (Комарова 2012. 32).

Эксперимент в лингвистике - это метод, позволяющий изучать языковые факты под контролем исследователя. Эксперимент, по определению З. И. Комаровой, - это метод эмпирического исследования, посредством которого, воздействуя на предмет познания в специально подобранных условиях, исследователь целенаправленно актуализирует и фокусирует нужное ему состояние, а затем изучает его на качественном или количественном уровне (Комарова 2012. 294).

Эксперимент относится к основным эмпирическим научным методам и занимает ведущее место среди методов научного познания. С целью успешного проведения экспериментальных исследований ученые разрабатывают методологию эксперимента. В нее входит разработка плана эксперимента, выбор средств и факторов проведения, собственно реализация этого метода, обработка и анализ полученных экспериментальных данных. Эксперимент как метод предполагает соотношение с другими методами и часто используется в таких междисциплинарных науках, как психолингвистика

и социолингвистика. Результаты эксперимента обрабатываются с помощью целого комплекса вариаций методов: общенаучных, описания семантики языковых единиц, количественных и других, из которых мы более подробно рассмотрим последние два направления.

Основная часть

Для решения задач научного исследования используются подходящие данной проблеме методы и методики. Методология исследования является собой базовый инструментарий любой научной дисциплины. Вопросами методологии лингвистических исследований занимались многие лингвисты, в том числе Б. А. Серебренников, Ю. С. Степанов, З. Д. Попова, И. А. Стернин, Н. Ф. Алефиренко и другие (Серебренников 1973, Степанов 1975, Попова, Стернин 2004, Алефиренко 2009).

В целях получения материала исследования наиболее часто используется **метод лингвистического эксперимента**, на сегодняшний день он является одним из самых перспективных направлений исследований. Языковой материал, полученный в рамках этого метода, в дальнейшем нуждается в интерпретации и количественной обработке для описания соответствующих значений. Проведение экспериментов дает возможность для теоретического изучения языка, в том числе исследований значений слов, синонимических рядов, смысловой структуры слова.

Лингвистический эксперимент относится к группе антропоцентрических методов, предполагающих обращение исследователя к носителям языка (испытуемым, информантам, респондентам) с целью получения от них материала лингвистического характера. Эксперимент – это создание или модификация некоторого явления с целью его исследования и последующей интерпретации. В лингвистике и психолингвистике эксперимент предполагает создание участниками эксперимента по заданию исследователя некоторого

речевого произведения, которое дает исследователю языковой материал для последующей интерпретации (Стернин 2013. 19).

Вопрос о необходимости эксперимента для лингвистики впервые поставил Л. В. Щерба в статье «О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании». По его мысли, исследователь «должен исходить из так или иначе понятого языкового материала. Но, построив из фактов этого материала некоторую отвлеченную систему, необходимо проверять ее на новых фактах, т. е. смотреть, отвечают ли выводимые из нее факты действительности. Таким образом, в языкознание вводится принцип эксперимента» (Щерба, 1974). Ученый полагал, что эксперимент как метод познания позволяет глубже проникнуть в понимание речевой деятельности индивида, при этом может иметь как положительные, так и отрицательные результаты.

Согласно определению, данному Карлинским А. Е., экспериментом в психолингвистике называется активный метод эмпирического познания процессов речевой деятельности, как правило, в искусственно созданных условиях с привлечением испытуемых и под контролем экспериментатора (Карлинский 2009. 84). С помощью психолингвистических экспериментов исследователи имеют возможность проникнуть внутрь слова, изучить его коннотации и аксиологическую нагрузку. Психолингвистический эксперимент позволяет глубже понять языковое сознание как лингвокультурного общества, так и его отдельных представителей. Под языковым сознанием мы вслед за Е. Ф. Тарасовым понимаем «совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств — слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей» (Тарасов, 2000).

Организация психолингвистических ассоциативных экспериментов имеет большое значение для изучения языкового сознания и его особенностей, прослеживания универсальных и национально-культурных признаков,

проявляющихся в сознании носителей языка. Ассоциативный эксперимент как наиболее разработанная методика анализа психосемантики используется для решения задач определения границ семантической категории и ее структуры (ядра, периферии и т. п.), изучения особенностей преломления в сознании индивида сложившихся в лингвокультуре ценностных представлений. Он помогает определить смысловую сторону концепта в языковом сознании носителя, выявить наиболее частотные ассоциаты в ассоциативном слое концепта. Ассоциативные эксперименты применяются для изучения психологического, категориального и предметного значения слова, а также в процессе межкультурных и междисциплинарных исследований.

Выделяют несколько видов ассоциативного эксперимента, используемых определения когнитивных признаков концепта. Свободный ассоциативный эксперимент предполагает быструю реакцию испытуемых на слово-стимул. Особенность направленного ассоциативного эксперимента состоит в том, что испытуемый отвечает на слова-стимулы в строгом соответствии с указаниями исследователя. К подобным требованиям могут относиться запросы на реакции в форме определенной части речи, синонима или антонима, согласия / несогласия и т.д. Полученные реакции позволяют сформировать детальный образ культурного концепта в языковом сознании носителя.

Суть ассоциативного эксперимента заключается в отслеживании реакций испытуемых на предъявляемые им слова-стимулы. В рамках свободного ассоциативного эксперимента испытуемые могут представить свои реакции в виде слов, словосочетаний, пословиц и поговорок. В случае направленного ассоциативного эксперимента возможны ограничения по грамматическому или семантическому классу ассоциаций. Основной целью эксперимента является получение ассоциаций, возникающих у индивида в ответ на слово-стимул с учетом его предыдущего жизненного опыта, что позволяет сформировать ассоциативное поле, представляющее собой фрагмент образа

мира той или иной группы. Совокупность полученных реакций наглядно демонстрирует специфику сознания и присущих ему стереотипов исследуемой группы.

Подводя итог, следует отметить, метод свободного ассоциативного эксперимента позволяет представлять изучаемые объекты как иерархическую структуру связанных между собой семантических областей, каждая из которых имеет свой вес в общей репрезентации объекта, а также проводить сопоставление ответов-реакций представителей разных групп. Используемый метод ассоциативного эксперимента является ведущим методом получения языкового материала в психолингвистических исследованиях и позволяет получить качественно и количественно репрезентативные данные. Эффективность данного метода основывается на возможности взаимодействия с испытуемым напрямую и получении наиболее полно отражающей восприятие участника эксперимента информации.

Количественные методы лингвистического исследования используются для изучения количественно измеряемых признаков языковых явлений, при этом обработка осуществляется с помощью математического аппарата. Полученные данные обычно предъявляются в виде цифр, графиков и диаграмм и служат для подтверждения теорий и предположений. Количественные методы, имеющие в своей основе положения математической статистики, называют статистическими методами. Владение количественными и статистическими методами позволяет описывать языковые явления в обобщенном виде, более качественно проводить эксперимент и повысить доказательность применяемых методик.

К основным характеристикам количественных методов исследования могут относиться следующие: использование числовых данных, статистических приемов, применение для расчетов средних показателей без учета крайних значений. К преимуществам данных методов относят точность,

универсальность и быстроту получаемых результатов. Описываемые методы позволяют точным образом группировать данные, однако к их недостаткам можно отнести трудоемкость сбора материала и возможную субъективность анализа результатов.

Лингвист В. П. Москвин отмечает, что алгоритм количественного анализа должен включать два этапа: 1) подсчет; 2) его теоретическую интерпретацию, т.е. «качественный вывод», содержащий разъяснение полученных фактов, формулировку закономерности или полученную классификацию (Москвин 2015. 82).

В случае проведения ассоциативного эксперимента, обработка результатов может осуществляться следующим образом: подсчитывается частотность реакций испытуемых на каждое отдельное слово-стимул и строится его ассоциативно-вербальное поле, что является первым этапом анализа всех полученных реакций. Все реакции испытуемых приводятся по убыванию их частотности, которая указана соответствующей цифрой. При одинаковой частотности реакции приводятся по алфавиту. Ассоциативно-вербальное поле формируется по аналогии со словарной статьёй ассоциативных словарей.

Кроме того, на этапе семантической интерпретации результатов эксперимента, т.е. обобщения близких по значению ассоциативных реакций, суммирования их частотности и формулирования обобщающего семантического признака, подсчитывается совокупный индекс яркости каждого выделенного значения из перечня семантических компонентов (СИЯ), вычисляемый как отношение совокупной частотности реакций, актуализирующих данное значение, к общему количеству участников эксперимента. Результаты подсчета оформляются в порядке убывания индекса яркости.

Понятие индекса яркости впервые встречается в работе В. В. Левицкого и И. А. Стернина «Экспериментальные методы в семасиологии» и определяется как отношение числа выделивших данный признак к числу участников

эксперимента (Левицкий, Стернин 1989. 95). Подсчет совокупного индекса яркости значения (СИЯ) позволяет выделить ядерные и периферийные значения слова и ранжировать их по яркости: высокий индекс яркости показывает, что данное значение характерно для языкового сознания носителей языка.

Таким образом, количественные методы, использованные при анализе данных, дают возможность принять во внимание активность и распространенность семантических признаков в ответах испытуемых, и позволяют более доказательно сформулировать выводы по итогам анализа языковых данных.

К одним из наиболее распространенных методов обработки языкового материала относится **метод семантической интерпретации** свободных ассоциаций, заключающийся в обработке ассоциатов, полученных на слова-стимулы, являющихся языковыми актуализациями семантических компонентов этих слов-стимулов. Анализ семантической близости реакций включает этапы построения ассоциативного поля исследуемого слова в сознании носителей языка, группировки ассоциативных реакций по числу отдельных значений, что позволяет объединить характерные для рассматриваемых групп испытуемых признаки в более крупные структуры. Языковой материал, полученный в результате анализа лингвистического эксперимента, подвергается интерпретации для формулирования семантических признаков, выявляемых в конкретных значениях. Метод интерпретации свободных ассоциаций, использованный при обработке результатов, позволяет изучить не только отдельные реакции, а семантические группы реакций, и тем самым более точно моделировать содержание и структуру создаваемого ассоциативно-вербального поля концепта.

Для реализации задач применяемого метода все ассоциации, полученные в ходе ассоциативного эксперимента, распределяются по семантическим

модулям, или смысловым блокам, исходя из общности выраженных в них семантических признаков. Близкие по семантике реакции объединяются в семантический модуль, а частота их встречаемости в модуле суммируется. Для наименования семантических модулей выбираются наиболее нейтральные или распространенные реакции. Более крупные модули подразделяются на микромодули.

Семантические модули имеют разный объем (количество конкретных реакций, включенных в группу) в структуре общего числа реакций и разный совокупный индекс яркости значения, что дает возможность выделить ядро поля, зоны ближней и дальней периферии. Одна и та же реакция может быть отнесена к разным семантическим модулям одновременно, если в ее значении присутствуют два или более семантических признака. Таким образом, эксперимент, направленный на изучение актуализации оппозиции в сознании испытуемых, предоставляет возможность раскрыть механизм ментальной репрезентации не только на примере единичных реакций, но и на основе более широкой семантической структуры – семантических модулей.

Заключение

Итак, для проведения лингвистических исследований используется комплекс методов получения и обработки языкового материала, нами были рассмотрены наиболее распространенные из них - метод ассоциативного эксперимента и применяющиеся для обработки полученных в его ходе данных количественные методы и метод семантической интерпретации свободных ассоциаций.

Метод лингвистического эксперимента является наиболее распространенным методом получения материала в психосемантических исследованиях, часто используется при изучении языковых данных и позволяет получить качественно и количественно репрезентативные данные.

Валидность данных, полученных в ходе эксперимента, представляется убедительной, поскольку ответы на слово-стимул, как правило, отражают первую вербальную реакцию, которая приходит в голову респондента, и воспринимаются большинством ученых как истина. Следовательно, свободный ассоциативный эксперимент отражает наиболее сильные связи между словом-стимулом и словом-реакцией, а получаемое в результате его проведения ассоциативно-вербальное поле может служить инструментом для дальнейших лингвистических исследований.

Количественные методы, используемые при анализе языкового материала, позволяют просчитать частотность реакций испытуемых на каждое отдельное слово-стимул, анализ распределений реакций у разных групп испытуемых и яркость выделенных значений в структуре моделируемого ассоциативно-вербального поля, их активность и типичность.

Метод семантической интерпретации свободных ассоциаций, применяемый при обработке результатов эксперимента, успешен потому, что дает возможность обработать не только отдельные ассоциаты, но и целые семантические группы реакций, это позволяет более точно моделировать содержание и структуру ассоциативно-вербального поля.

Таким образом, сочетание психолингвистических, количественных и общенаучных методов дает возможность наиболее продуктивно исследовать ассоциативно-вербальные поля концептов и изменчивость его структуры.

Литература

- 1- Алефиренко Н. Ф. (2009). *Методологические проблемы современного языкознания // Современные проблемы науки о языке: учебное пособие*. М. : Флинта: Наука, 2009. Ч. IV. С. 314-397.
- 2- Карлинский А. Е. (2009). *Методология и парадигмы современной лингвистики*. Алматы : Изд-во КазУМОпМЯ, 352 с.

- 3- Комарова З. И. (2012). *Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике: учебное пособие*. Екатеринбург : Изд-во УрФУ, 818 с. (электронная версия).
- 4- Левицкий В. В., Стернин И. А. (1989). *Экспериментальные методы в семасиологии*. Воронеж: Издательство ВГУ, 192 с.
- 5- Москвин В. П. (2015). *Методы и приемы лингвистического анализа [Электронный ресурс]: монография* / В. П. Москвин. 2-е изд., стер. М. : ФЛИНТА, 224 с.
- 6- Попова З. Д., Стернин И. А. (2004). *Общее языкознание: учебное пособие*. Изд. 2-е. Воронеж : Центрально-Черноземное книжное изд-во, 208 с.
- 7- Рубинштейн С. Л. (2003). *Бытие и сознание. Человек и мир*. СПб. : Питер, 512 с.
- 8- Серебренников Б. А. (1973). *Методы лингвогеографических исследований // Общее языкознание. Методы лингвистических исследований* / отв. ред. Б.А. Серебренников. М. : Наука, с. 120-167.
- 9- Степанов Ю. С. (1975). *Основы общего языкознания: учебное пособие*. Изд. 2-е. М. : Просвещение, 271 с.
- 10- Стернин И. А. (2013). *Методы исследования семантики слова*. Ярославль : «Истоки», 34 с.
- 11- Тарасов Е. Ф. (2000). *Актуальные проблемы анализа языкового сознания / Языковое сознание и образ мира*. Сборник статей / Отв. ред. Н. В. Уфимцева. М., 320 с. URL: https://ilingran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_204/1-3.html (дата обращения: 14.08.2022).
- 12- Щерба Л.В. (1974). *О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Языковая система и речевая деятельность*. Л. : Наука. С. 24–39. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/shcherba-74a.htm> (дата обращения: 14.08.2022).

Bibliography

- 1- Alefirenko N. F. (2009). *Metodologicheskie problemy sovremennogo jazykoznanija // Sovremennye problemy nauki o jazyke: uchebnoe posobie*. М. : Flinta: Nauka, 2009. Ch. IV. С. 314-397.
- 2- Karlinskij A. E. (2009). *Metodologija i paradigmy sovremennoj lingvistiki*. Almaty : Izd-vo KazUMOpMJa, 352 s.
- 3- Komarova Z. I. (2012). *Metodologija, metod, metodika i tehnologija nauchnyh issledovanij v lingvistike: uchebnoe posobie*. Ekaterinburg : Izd-vo UrFU, 818 s. (jelektronnaja versija).

- 4- Levickij V. V., Sternin I. A. (1989). *Jeksperimental'nye metody v semasiologii*. Voronezh: Izdatel'stvo VGU, 192 s.
- 5- Moskvin V. P. (2015). *Metody i priemy lingvisticheskogo analiza [Jelektronnyj resurs]: monografija* / V. P. Moskvin. 2-e izd., ster. M. : FLINTA, 224 s.
- 6- Popova Z. D., Sternin I. A. (2004). *Obshhee jazykoznanie: uchebnoe posobie*. Izd. 2-e. Voronezh : Central'no-Chernozemnoe knizhnoe izd-vo, 208 s.
- 7- Rubinshtejn S. L. (2003). *Bytie i soznanie. Chelovek i mir*. SPb. : Piter, 512 s.
- 8- Serebrennikov B. A. (1973). *Metody lingvogeograficheskikh issledovanij // Obshhee jazykoznanie. Metody lingvisticheskikh issledovanij* / otv. red. B.A. Serebrennikov. M. : Nauka, s. 120-167.
- 9- Stepanov Ju. S. (1975). *Osnovy obshhego jazykoznanija: uchenoe posobie*. Izd. 2-e. M. : Prosveshhenie, 271 s.
- 10- Sternin I. A. (2013). *Metody issledovanija semantiki slova*. Jaroslavl' : «Istoki», 34 s.
- 11- Tarasov E. F. (2000). *Aktual'nye problemy analiza jazykovogo soznaniya / Jazykovoje soznanie i obraz mira*. Sbornik statej / Otv. red. N. V. Ufimceva. M., 320 s. URL: https://iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_204/1-3.html (data obrashhenija: 14.08.2022).
- 12- Shherba L.V. (1974). *O trojakom aspekte jazykovyh javlenij i ob jeksperimente v jazykoznanii // Jazykovaja sistema i rechevaja dejatel'nost'*. L. : Nauka. S. 24–39. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/shcherba-74a.htm> (data obrashhenija: 14.08.2022).

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Arekeeva, Iuliia Yevgenyevna (2022). CONDUCTING AND ANALYZING THE DATA OF AN ASSOCIATIVE EXPERIMENT IN LINGUISTIC RESEARCH. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 10(2), 193–206.

DOI: 10.52547/iarll.20.193

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/246>

تحلیل داده‌ها و نتایج حاصل از انجام آزمایش تداعی در پژوهش‌های زبان‌شناختی

یولیا یوگنیوونا آریکیوا^{*}

استادیار، دانشگاه دولتی اودمورت،
ایژوسک، روسیه.

(تاریخ دریافت: اوت ۲۰۲۲؛ تاریخ پذیرش: سپتامبر ۲۰۲۲)

چکیده

مقاله حاضر به بررسی و مطالعه روش‌های علمی مورد استفاده برای استنتاج و تجزیه و تحلیل متون زبانی در پژوهش‌های زبان‌شناختی از جمله روش آزمایش زبان‌شناختی و روش‌های کمی برای تجزیه و تحلیل داده‌های آن و روش تفسیر معنایی می‌پردازد. آزمایش به‌عنوان روش اصلی تحقیق و شکل‌گیری واقعیت، از جایگاه مهمی در پژوهش‌های زبان‌شناختی برخوردار است. در روان‌شناسی زبان، آزمایش شامل تعامل مشترک آزمایش‌کننده و آزمایش‌شونده است که هدف آن انجام مراحل از پیش تعریف شده آزمایش و مطالعه تغییرات و روابط متقابل احتمالی است. روش‌های تجزیه و تحلیل و تفسیر داده‌های آزمایش مبتنی بر اندازه‌گیری‌های کمی و ساخت مدل‌های اندازه‌گیری موضوع مورد مطالعه از طریق تحلیل معنانشناسی است که با کمک آن‌ها می‌توان شاخص‌های کمی به‌دست آمده در جریان انجام آزمایش را تجمیع و وارد سیستم کرد. ترکیب روش‌های روان‌شناسی زبان، کمی و علمی، روشی راهگشا برای برای ساماندهی و حل مشکلات در انجام آزمایش و تحقق اهداف آن است.

واژگان کلیدی: آزمایش، روش، روان‌شناسی زبان، روش‌های کمی، روش‌های تفسیر معنایی.

1. E-mail: izh4yu@gmail.com; ORCID ID: 0000-0003-2016-745X

* نویسنده مسئول
نوع مقاله: علمی- پژوهشی

SYMBOLIC SIGNIFICANCE OF THE IMAGE OF TREE IN OLD IRANIAN AND SLAVIC MYTHOLOGICAL SYSTEMS

Ghodrati Asghar^{1*}

Assistant Professor, Department of Russian Language,
Allameh Tabataba'i University,
Tehran, Iran.

Novikova Uliana Viktorovna²

Associate Professor, Department of Russian Language,
Kuban State Technological University,
Krasnodar, Russian.

(date of receiving: July, 2022; date of acceptance: September, 2022)

Abstract

The article is devoted to the comparison of the images of some trees in the ancient Iranian and Slavic mythological systems. The system of representation of cedar, oak, pine, the symbolism of the world tree and the anthropomorphic qualities of plants are studied. Obviously, the perception of plants as special mythological objects in both Iranian and Slavic cultures has ancient traditions, which are based on intercultural interaction. It is the interpenetration of cultures that contributes to strengthening the connection between peoples, revealing the unique and common features of their worldview. The material of this article shows that there are intersections and coincidences in the perception of the image of a tree in the Russian folk and Iranian traditions. An interesting image of the world tree, which is considered a kind of model of the universe. It is significant to endow plants with human qualities for their inclusion in ritual and mythological rites. It is concluded that work in this direction is necessary and contributes to the strengthening of intercultural interaction.

Keywords: Ancient Iranian Mythology, Slavic Mythology, Plant Symbolism, Tree of Life, World Tree, Cedar, Oak.

1. Email: Asghar_ghodrati@atu.ac.ir; ORCID ID: 0000-0002-6803-8211 * Corresponding author.

2. Email: Uliana_novik@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-6396-4419

СИМВОЛИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ОБРАЗА ДЕРЕВА В ДРЕВНЕИРАНСКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ МИФОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ

Годрати Асгар^{1*}

Старший преподаватель кафедры русского языка
университета им. Алламе Табатабаи,
Тегеран, Иран.

Новикова Ульяна Викторовна²

Доцент кафедры русского языка Кубанского Государственного
Технологического Университета,
Краснодар, Россия.

(дата получения: июль 2022г., дата принятия: сентябрь 2022г.)

Аннотация

Статья посвящена сопоставлению образов некоторых деревьев в древнеиранской и славянской мифологических системах. Исследуется система репрезентации кедр, дуба, сосны, символизм мирового дерева и антропоморфные качества растений. Очевидно, что восприятие растений как особых мифологических объектов и в иранской, и в славянской культурах имеет древние традиции, в основе которых именно межкультурное взаимодействие. Именно взаимопроникновение культур способствует укреплению связи между народами, раскрытию уникальных и общих черт их мировосприятия. Материал данной статьи показывает, что в восприятии образа дерева в русской народной и иранской традициях есть пересечения и совпадения. Интересен образ «мирового дерева», которое считается своеобразной моделью Вселенной. Значимо наделение растений качествами человека для включения их в ритуально-мифологические обряды. Сделан вывод о том, что работа в данном направлении является необходимой и способствует укреплению межкультурного взаимодействия.

Ключевые слова: Древнеиранская Мифология, Славянская Мифология, Растительная Символика, Древо Жизни, Мировое Древо, Кедр, Дуб.

1. Email: Asghar_ghodrati@atu.ac.ir; ORCID ID: 0000-0002-6803-8211 * Ответственный автор
2. Email: Uliana_novik@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-6396-4419

Введение

В данной статье предпринята попытка рассмотреть особенности символического образа некоторых растений и систем их репрезентации в древнеиранской мифологии и русской народной традиции. Изучение растительной символики привлекает внимание ученых достаточно давно, вспомним работы Д. К. Зеленина, А. Н. Афанасьева, А. А. Потебни, В. Б. Колосовой, Т. А. Агапкиной.

В целом прослеживается тенденция целостного восприятия и понимания роли растений в формировании мировоззренческих особенностей народа и основ его культуры. Ряд исследований посвящен лингвистическим аспектам, например, названиям деревьев (Толстой 1978, Орел 1988), их включенности в идиоматические выражения (Малоха 1999. 2004), аспектам антропоморфной символизации растений (Колосько, 2010), образу мирового дерева (Топоров 2010) и многим другим.

Актуальность статьи связана с необходимостью сопоставительного анализа символической репрезентации деревьев в иранской и русской народных традициях.

Основная часть

Восприятие растений как священных символов в персидской культуре имеет давнюю традицию и отчасти связано со взаимовлиянием мифологических систем многих стран, в том числе Египта, Индии, Греции и других. Например, в персидской культуре одним из важных качеств шаха была его способность стать хорошим садовником. Диффузность мифологических систем помогала преодолевать культурное разобщение еще со времен Сасанидов. Символику растений в иранской и китайской мифологии рассматривает А. Алдаги (Al-Daghi, Anita, (2012), Растения в иранской мифологии на основе Шахнаме Фердоуси описывают С. Б. Бигдели и З. Фатхи (Bozorg Bigdeli, Saeed. Fathi, Zahra. 2016), М. Мобини и А. Шафеи изучают

роль мифологических и священных растений в искусстве Сасанидов (на основе надписей и Рельефов и металлических предметов и Стукко) (Mobini, Shafi'i 2014). Исследование С. Тахери и З. Соланморади посвящено анализу восприятия растений в Иране, Месопотамии и древнем Египте (Taheri Sadruddin. Soltanmoradi 2013). В работе З. Ансари, А. Джамали и Б. Зареи затронута тема дерева-человека в народных сказаниях Хормозгана (Aidanlu, Sajjad. 2014).

Символика конкретного дерева, разумеется, во многом определяется его породой. К примеру, дуб является символом мощи и долголетия, олива символом мира, пальма символом победы, осина символом предательства, а кипарис символом эмблемой печали и смерти.

В мифологии многих народов особое место отводится Мировому, или Космическому Древу Жизни, аллегорическому центру мироздания, связывающему воедино естественный и сверхъестественный миры. В общем явления природы имеют особое значение у многих народов, в том числе и гора, поле, дерево и т.д. например в сказке А. Н. Толстого «История деревянной куклы» фигурирует поле чудес, на котором заглавный герой зарывает пять золотых монет в надежде вырастить денежное *дерево*. (Абрамова, 2021)

Священные и мифологические растения запечатлевались на камнях, печатях, керамике того времени. Каждое растение могло относиться к определенным религиозным верованиям и традициям и имело свое иерархическое обозначение.

Мифологическая ценность и священность растений и деревьев в персидской культуре коренится в сказании о первых родителях Машйа и Машйана. Первая человеческая пара родилась от спермы Гайомарта. Сначала они появились в образе растения, переплетенные друг с другом. И уже плоды этого дерева – фрукты – были десятью расами и образовали человечество, Бог

им обозначил ответственность. Таким образом, дерево является животворным, плодородным.

Как видим, религиозные традиции значительно влияли на формирование символического значения растений. Так, например, в Древнем Иране на основе сказаний считали, что кедр принес Заратуштра из Рая и посадил его у Храма огня. Некоторые растения и деревья считали райскими, небесными и наделяли особыми целебными свойствами, считали носителями энергии (Mobini, Shafi'i 2014. 46-47).

В русских источниках корни Мирового Древа омывают воды загробного мира, его ствол, взметнувшийся в небо, обвивает Змея, символ движущейся по спирали энергии земли, а крона пронзает космическое пространство. Растет Мировое Древо либо в раю, либо на священной горе. У шумеров в роли Мирового Древа выступает кедр, у финикийцев - кипарис, у арабов - пальма, у скандинавов - ясень, у славян - дуб. Для народов Восточной Европы Древо Жизни - это береза, для народов Сибири — лиственница, а для некоторых племен Южной Америки - бамбук. В тибетской традиции предпочтение отдается иве, в исламской - оливе и т.д.

В русской народной традиции крупные деревья, такие как сосна и дуб воспринимались как аналоги святого места, храма. Рядом с ними освящали воду, первый урожай, совершали жертвоприношения, молебны, иногда бракосочетания. Во время эпидемии нужно было пролезть под корнями дуба, считалось, что болезнь отступит, потому что дуб – символ бога Перуна на земле (Агапкина 2019. 27).

В персидской культуре также существуют особые фигуры – Бессмертные Святые, один из которых Амордад – символ бессмертия и покровитель растений (Taheri, Soltanmoradi 2013. 2).

Одним из самых важных растений-символов в иранской мифологии является кедр, образ которого связан с вечной жизнью и жизнью после смерти.

В литературе и искусстве связывается со стойкостью, свободой, счастьем. Согласно сказаниям, кедр был принесен из Рая и являлся частью важной религиозной церемонии (Mobini, Shafi'i 2014. 47).

В Древнем Иране в г. Систане кедр считали богом и поклонялись ему. В крае Колай Ках (Kolai Kah) в Иран-шахре народ верил в то, что если кедр изгибается или падает, то произойдет что-то плохое, поэтому, чтобы сохранить дерево, молились и приносили подарки. Кедр считали святым, здание Кашмэра было построено вокруг этого кедра, который посадил на это место пророк Заратуштра (Al-Daghi, Anita 2012).

В мифологической системе славян дуб считается священным деревом. В трактате Константина Багрянородного читаем: «...они (русы) достигают острова, называемого св. Георгием, и на этом острове совершают свои жертвоприношения, так как там растет огромный дуб. Они приносят в жертву живых петухов, кругом втыкают стрелы, а иные (приносят) куски хлеба, мясо и что имеет каждый, как требует их обычай» (Константин Багрянородный 1989. 327; трактат написан между 948 и 952 гг.). Дубы запрещалось вырубать, а иногда даже прикасаться к ним. Считалось, что если растопить печь ветками дуба, то может сгореть жилище или заболеть кто-то из близких.

Хаома также считается священным растением в древнеиранской культуре, символ вечности, бессмертия. Сок хаомы смешивали с водой и молоком и использовали для религиозных ритуалов. В мифологической системе Индии данное растение тоже есть, называется сума и считается растением-богом.

У славян сосна считается священным деревом, которое часто является прообразом мирового древа как, например, в этой свадебной песне: «Сосьнина дерэво шчасьливое, то шчасьливое, то уродливое: а з корэня его чорные соболи, з серэдины его боровые пшчолы, а з верху его райское пташки» (Агапкина 2019. 380). Издавна знали о целебных свойствах сосны, ее ветки никогда не уничтожали, а ставили рядом со стволом. Сосна символ вечной жизни, силы.

Дерево гукаран в иранской культуре связано с продолжением жизни. Интересны мифологические образы, которые соотносятся с ним в иранской культуре. Когда Ахура творит дерево гукаран в море Vourukasha, А́нгра-Ма́йнью отправляет ящерицу, чтобы жевать корни дерева и губить жизнь на земле. Но в глубине моря живут две рыбы, которые плавают вокруг корней дерева и отгоняют от него А́нгра-Ма́йнью и его помощников. В Авесте восхваляется сила глаз этих двух рыб. (Таһери, Soltanmoradi Zahra. 2013. 2).

Барсам – это отрезанные ветки граната, его используют во время ритуала восхваления Ахурамазды. Ветки имеют многочисленные узлы, могут быть крупные корни. В мифических верованиях Китая говорится, что барсам имеет душу и обладает силой укрепить жизнь. В иранской мифологии барсам символ сверхчеловеческой силы (Al-Daghi, 2012).

Интересен образ древа жизни в иранской и русской мифологических системах. Этот образ в целом универсален, запечатлен как в древних текстах, так и в современных литературно-художественных произведениях. (Ansari, 2016).

В древнеиранской культуре дерево жизни представляет собой сочетание различных растений, благодаря их долголетию, красоте, пользе их считают священными. В иранских верованиях древо жизни обладает семью ветвями из золота, серебра, бронзы, меди, банки, стали и железа. Они олицетворяют семь народов. Каждый из них утверждает одну из эпох из 7 периодов легендарной истории Ирана. На основе иранской мифологии два из Амеша-Спента [авест. — «святые бессмертные»] были сотворены из воды и растения и когда Заратуштра стало 30 лет, и Ха́ома появился с юга, привел его на небеса с целью беседы с Богом. (Ansari, 2016).

Заратуштра там видел это дерево с 7 ветвями. Оно есть символ сего мира и 7 ветвей указывают на 7 периодов будущего мира. Дерево жизни

обычно изображается между монахом и священником, или между двумя легендарными существами – львом и дикой козой (Mobini, Shafi'i 2014. 47).

В фольклоре и мифологических текстах славян дуб является образом мирового дерева, которое создает модель Вселенной с тремя мирами (низшим – адом, миром людей, миром богов), символизирует также связь времен (прошлого, настоящего, будущего) и обозначает центр мира. Считается, что человек через дуб может быть связан со Вселенной.

С образом мирового дерева тесно связана тема бессмертия, которая также соотносится с деревьями.

В иранской мифологии конкретно не говорится о дереве, у которого есть плод бессмертия. Но в шахнаме упомянуто, что при Хосров I – в династии Сасанидов – жил человек, которого звали лекарь Борзуя. Он работал во дворце Хосров I (Ануширван). Борзуя читал в книгах индийцев про растение, которое есть в горах Индии и дает человеку бессмертие. Ануширвану понравилась эта идея и он отправил Борзуя на поиск этого растения (Al-Daghi, 2012).

В сказаниях говорится, что листья этого дерева принесла черная ворона с далеких островов и просыпала на лица тех мертвых, со дня смерти которых прошло только три дня, и они ожили. Интересно, что ожившие люди получают вечную жизнь (Al-Daghi, 2012).

В русской народной традиции идея бессмертия связывается с деревьями, рост которых продолжается гораздо дольше обычной жизни человека. Чаще всего это дуб, клен, ясень.

Рассмотрим также антропоморфизм, связанный с растениями, что выражается в воплощении образа дерева-человека. Этот образ встречается в хормозганских народных сказках в четырех разновидностях: брак девушки с деревом; беременность женщины от дерева; вера в то, что в душе дерева живут

див и пери; идея трансформации дерева в человека и наоборот. Рассмотрим подробнее, как именно это отражено в хормозганских народных сказках. (Ansari, 2016).

Бракосочетание девушки с деревом можно читать в истории о «ШахНил», в которой одна женщина несколько лет не может забеременеть. Она под деревом клянется, что если Бог даст ей дочь, она выдаст ее замуж за дерево. Через некоторое время она рождает дочь. Девочка растет, и каждый раз, когда она проходит мимо дерева за водой, она слышит голос дерева: дерево просит ее напомнить матери, что она ему обещала. Услышав послание дерева, мать девушки вспоминает о своем обещании и выдает ее замуж за дерево (Qatali 2009. 252).

Этот мотив присутствует и в сказании «Девушка, которая вышла замуж за дерево». В старину муж с женой жили в деревне, у них было девять сыновей. Они еще пожелали иметь дочь. Жену звали Фатима. Однажды она вместе с женщинами деревни отправилась к Сардобе. Они подъехали по дороге к огромному дереву «коур». Фатима пошутила, что если Бог даст ей дочь, то она отдаст ее замуж за это дерево. Через год у нее родилась дочь. Когда девочка подросла, она пошла вместе с матерью и другими женщинами в сторону Сардобы. Вдруг дерево сказало: «Что обещала мне твоя мать?». Фатима вспомнила свой обет, поделилась этой историей с мужем и сыновьями и они выдали девушку замуж за дерево. (Rostam Nejad 2002. 48-50). Сказания «Мах Лага» (Saidi 2002. 47) и «Сарв Хосейн Басари» (Qatali 2009. 223) тоже содержат данный мотив.

Примеры косвенной свадьбы девушки и дерева с большой частотностью встречаются и в сказаниях «Солейман и дочь падишаха». У падишаха было семь дочерей. Однажды он отправился в путешествие и спросил у дочерей, какие сувениры они хотели бы получить. Младшая дочь просила его привести ей «Солейман Бенамие». Падишах, помня просьбу дочери, пошел в лавку за «Солейман Бенамие». Хозяин магазина дал ему две палочки и сказал ему:

говори тому, кто просил такой подарок, пусть, когда получит эти палочки, прочитает два ракаата намаза и две суры корана и потрет две палочки камнем. Девушка поступила как ей сказали. Внезапно с неба появилась кастрюля, девушка сняла крышку с нее и увидела молодого парня с брачной бумагой в руке. Этот юноша был Солейман бенамие (Saidi 1386. 154).

Сила дерева влиять на рождение детей, особенно у бесплодных женщин, является одной из самых высокочастотных тем в народных сказаниях Хормозгана. Оплодотворение женщины осуществляется с помощью листьев, цветов, семян или через поедание плодов того или иного дерева, или с помощью молитвы-просьбы, тогда нужно привязать к дереву ленточку. (Ansari, 2016).

В сказании «Биби листок цветка» девушка и ее служанка были дома, когда в дверь постучали. Это был дервиш, девушка подала ему милостыню, в благодарность дервиш подарил ей два цветка за ее доброту. Девушка один цветок съела, а другой посадила в саду. Посаженный цветок превратился в дерево и оно стало быстро расти. И живот у девушки стал расти, она забеременела (Qatali 2009. 49).

В сказании «Сын полувороны» муж с женой грустили о том, что у них нет детей. Однажды один дервиш пришел к ним в гости. Женщина поделилась с ним своей проблемой. Дервиш дал жене гранат и сказал: «Съешь половину граната сама, а другую половину отдай своему мужу, к концу года у вас будет красивый мальчик». Женщина съела половину граната, а вторую половину положила в шкаф для мужа. Ворона прилетела, подобрал половинку граната и съела ее. Через девять месяцев и девять дней женщина родила мальчика, половина которого была человеческим телом, а другая половина – вороном (Saidi 2007. 166).

Сказание «Ним ланг» подобное: у мужчины было семь жен, но ни одна из них не рожала ему ребенка. Однажды дервиш пришел к ним домой, мужчина

сказал ему: «У меня семь жен, но детей нет». Дарвиш дал ему семь гранатов и сказал: «Подели между своими женами, они скушают их и родят тебе детей». Седьмая женщина поделила гранат со своим мужем, но остальные женщины ели сами. Все женщины родили детей, но у седьмой женщины ребенок стал нездоровым (Qatali 2009. 385).

Обычай повязывать ленточку на дерево с молитвой-просьбой существует в Иране и сегодня. В народных сказаниях г. Хормозгана этот обычай описан так: у падишаха было шесть сыновей, но ему было грустно, что нет дочери. Однажды он отправился на охоту и увидел старика, который привязывал ленточку на дерево. Падишах разговорился со стариком и рассказал о своем желании, а тот дал ему гранат и велел съесть напополам с женой. Через девять месяцев у них родилась дочь (Saidi 2007. 112).

В славянской традиции плодовые деревья также являются объектами ритуально-магических действий, которые связаны с повышением урожайности, прибавлением в семействе. Например, из кизила и яблони делали свадебные символы. Яблоня вообще одно из самых частотных деревьев в фольклоре славян, соотносится с женским началом, плодородием, красотой, любовью. В сказках восточных славян яблоня выполняет роль помощника для страдающих, и само яблоко часто наделяется магической силой. Существовал обычай выливать воду после купания младенца под яблоню, чтобы он был здоров и счастлив. Когда ребенок начинал ходить, мать «вынимала» из земли следы его ступней и закапывала их под яблоней, «чтобы ребенок был красивым» (Афанасьев 1994. 303). Другая сторона восприятия яблони – соотнесение с ней женской судьбы, любви, семьи. Существовало гадание, когда перед Рождеством ставили в воду веточку яблони, и если она расцветала, то считалось, девушка скоро выйдет замуж (Агапкина 2019. 287).

Интересно, что дуб также имел силу плодородия, для того, чтобы избавить женщину от бесплодия, совершались обряды и под дубом. С неплодовыми

деревьями соотносятся некоторые негативные ритуальные действия, например, чтобы болезнь ушла, нужно было искупать больного и воду вылить под дерево.

В иранских мифах и легендах дивы обладают заметным присутствием и часто обитают на деревьях. Даэва (Daeva, див) - индийские боги которые в иране сначала появились в форме чужих богов, а затем в роли вражеских богов. Сегодня они противопоставляются богам и Амеша-Спента (Amoozgar 2002. 13). В 2-ом яште написано, то до Заратушта Девы были похожи на человек и ходили по земле. Но как только Заратушта четыре раза читал Ахунур, тотчас они все появились над землей.

В одном из сказаний описывается огромный кедр, на вершине которого притаился див. Однажды девушки решили пойти туда, чтобы собрать унаби. Одна из девушек собирала унаби и не заметила, что подруги ее оставили. Див воспользовался случаем, спрыгнул вниз, взял девушку и вошел в пещеру. Див жил в пещере днем, а ночью – на вершине дерева. Девушка оставалась с ним до тех пор, пока не родила двух близнецов: один был похож на человека, а другой – на дива (Saidi 2002. 100-101).

В славянских сказках есть образы царя птиц – орла, который обитает на дубе. Иногда это гнездо с орлятами, которых каждый год съедает змея, что живет в корнях дуба.

Заключение

Настоящая работа по сопоставлению символических образов деревьев в древнеиранской и русской мифологических картинах мира является перспективной и интересной, способствует пониманию уникальности и общности мировосприятия народов, культурному взаимодействию. Соотнесенность разнообразных состояний и представлений человека с символикой растений, является своего рода особым универсальным языком, через который можно понять принципы культурного кода разных народов.

В статье мы замечаем, что восприятие растений как особых мифологических объектов как в иранской, так и в славянской культурах имеет древние традиции и каждый народ пользуется символом дерева как культурная ценность.

Оба народа образ деревьев и растений запечатлевались на камнях, печатях, керамике своего времени. Каждое растение могло относиться к определенным религиозным верованиям и традициям и имело свое иерархическое обозначение. Как только человек кушает запрещенное Богом яблоко, сразу из рая спускается на землю.

Если в исламской культуре предпочтение отдается оливе и кедру как святыне деревья, которые были принесены из Рая и вокруг их совершались религиозные церемонии и обряды, то в русской народной традиции такие деревья, как сосна и дуб воспринимаются как аналоги святого места, храма. Рядом с ними освящали воду, первый урожай, совершали жертвоприношения, молебны, иногда бракосочетания. Во время эпидемии нужно было пролезть под корнями дуба, считалось, что болезнь отступит, потому что дуб – символ бога Перуна на земле.

С образом мирового древа тесно связана тема бессмертия, которая соотносится с деревьями. В иранской мифологии, а именно, в шахнаме упоминается о дереве, у которого есть плод бессмертия. В русской народной традиции идея бессмертия также связывается с деревьями, рост которых продолжается гораздо дольше обычной жизни человека. Чаще всего это дуб, клен, ясень.

Такие и подобные символы, обряды, церемонии связывают двух народов межкультурным взаимодействием, мимо которых нельзя пройти.

Литература

- 1- Абрамова В. И., Архангельская Ю. (2021). «В чистом поле- гора»: символика горы и поля в русской лингвокультуре. Исследовательский журнал русского языка и литературы, 9 (1), 89-107. <http://doi.org/10.52547/iarll.17.89>
- 2- Агапкина Т. А. (2019). *Деревья в славянской народной традиции: Очерки*. М. : Индрик, 656 с.
- 3- Афанасьев А. Н. (1994). *Поэтические воззрения славян на природу*. М., Т.1–3.
- 4- Колосько Е. В. (2010). *Метафорический перенос «растение — человек» в русских народных говорах*, Этноботаника С. 69–77.
- 5- Багрянородный Константин (1989). *Об управлении империей*. М.
- 6- Малоха М. (1999). *Мифологическая языческая и христианская символика вербы в восточнославянских и польских фразеологизмах*, Etnolingwistyka. Т. 11. S. 129–138.
- 7- Малоха М. (2004). *Демоническое в вегетативном коде традиционной культуры поляков, Проблемы славяноведения*. Брянск, Вып. 6. С. 267–274.
- 8- Орел В.Э. (1985). *О некоторых славянских и индоевропейских названиях деревьев* // Этимология М., 1988. С. 27–38.
- 9- Толстой Н. И. (1978). *О славянских названиях деревьев: сосна — хвоя — бор* // Восточнославянское и общее языкознание. М., С. 115–127
- 10- Топоров В. Н. (2010). *Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы*. М., Т. 1.
- 11- Aidanlu Sajjad (2014). *Mythological Background "The growth of a plant from a human being" and its reflection in the Shahnameh and Persian literature*, New Literary Studies Journal: Winter No. 150, pp. 105-132. [In Persian]
- 12- Al-Daghi Anita (2012). *Imaginary image of plants and trees in Iranian and Chinese mythology*, 8th international conference of Iranian Persian Language and Literature Promotion Association, Zanjan, term 8, <https://civilica.com/doc/319616> [In Persian]
- 13- Ansari Z. (2016). *Study and classification of the mythological image of tree-man in the folk tables of Hormozgan*. Quarterly journal of mystical literature and cognitive mythology, number 36 Pp. 35-45 [In Persian]
- 14- Amoozgar Zhaleh (2002). *Mythological history of Iran*. Tehran: Samt. [In Persian]
- 15- Bozorg Bigdeli Saeed, Fathi Zahra (2016). *Studying and analyzing the death and life of the first human, animal (sometimes) and plant in Iranian mythology*, 53rd year, new period, 9th year, number 2, number 43. Summer pp. 37-48. [In Persian]
- 16- Mobini Mehtab, Shafi'i Azadeh (2014). *The role of mythological and sacred plants in Sassanid art*. Jelveh Honar. No. 14. Fall and Winter pp. 45-65. [In Persian]

- 17- Rostam Nejad Yusuf. (2002). *Legends of the South*. Shiraz: Takht Jamshid. [In Persian]
- 18- Saidi, Sohrab. (2007). *Legends of Hormozgan*. Qom: Selsal. [In Persian]
- 19- Taheri Sadruddin, Soltanmoradi Zahra (2013). *The plant of life in Iran, Mesopotamia and ancient Egypt*. Fine Arts Magazine - Visual Arts. Volume 18. Number 2. Series 2, Summer P. 1-15. [In Persian]
- 20- Qatali Abdul Jalil (2009). *Seventy legends of Khamir port legends*. Shiraz: Ilaf. [In Persian]

Bibliography

- 1- Abramova V. I., Arhangel'skaja Ju. (2021). «*V chistom pole- gora*»: *simvolika gory i polja v russoj lingvokul'ture*. Issledovatel'skij zhurnal ruskogo jazyka i literatury, 9 (1), 89-107. <http://doi.org/10.52547/iarll.17.89>
- 2- Agapkina T. A. (2019). *Derev'ja v slavjanskoj narodnoj tradicii: Očerki*. M. : Indrik, 656 s.
- 3- Afanas'ev A. N. (1994). *Pojeticheskie vozzrenija slavjan na prirodu*. M., T.1–3.
- 4- Kolos'ko E. V. (2010). *Metaforicheskoj perenos «rastenie — chelovek» v russoj narodnoj govorah*, *Jetnobotanika* S. 69–77.
- 5- Bagrjanorodnyj Konstantin (1989). *Ob upravlenii imperiej*. M.
- 6- Maloha M. (1999). *Mifologičeskaja jazzyčeskaja i hristianskaja simvolika verby v vostochnoslavjanskih i pol'skih frazeologizmah*, *Etnolingvistyka*. T. 11. S. 129–138.
- 7- Maloha M. (2004). *Demoničeskoe v vegetativnom kode tradicionnoj kul'tury poljakov*, *Problemy slavjanovedenija*. Brjansk, Vyp. 6. S. 267–274.
- 8- Orel V. Je. (1985). *O nekotoryh slavjanskih i indoevropejskih nazvanijah derev'ev // Jetimologija* M., 1988. S. 27–38.
- 9- Tolstoj N. I. (1978). *O slavjanskih nazvanijah derev'ev: sosna — hvoja — bor // Vostochnoslavjanskoe i obshhee jazzykoznanie*. M., S. 115–127
- 10- Toporov V. N. (2010). *Mirovoe derevo: Universal'nye znakovye komplekсы*. M., T. 1.
- 11- Aidanlu Sajjad (2014). *Mythological Background "The growth of a plant from a human being" and its reflection in the Shahnameh and Persian literature*, *New Literary Studies Journal: Winter No. 150*, pp. 105-132. [In Persian]
- 12- Al-Daghi Anita (2012). *Imaginary image of plants and trees in Iranian and Chinese mythology*, 8th international conference of Iranian Persian Language and Literature Promotion Association, Zanjan, term 8, <https://civilica.com/doc/319616> [In Persian]

- 13- Ansari Z. (2016). *Study and classification of the mythological image of tree-man in the folk tables of Hormozgan*. Quarterly journal of mystical literature and cognitive mythology, number 36 Pp. 35-45 [In Persian]
- 14- Amoozgar Zhaleh (2002). *Mythological history of Iran*. Tehran: Samt. [In Persian]
- 15- Bozorg Bigdeli Saeed, Fathi Zahra (2016). *Studying and analyzing the death and life of the first human, animal (sometimes) and plant in Iranian mythology*, 53rd year, new period, 9th year, number 2, number 43. Summer pp. 37-48. [In Persian]
- 16- Mobini Mehtab, Shafi'i Azadeh (2014). *The role of mythological and sacred plants in Sassanid art*. Jelveh Honar. No. 14. Fall and Winter pp. 45-65. [In Persian]
- 17- Rostam Nejad Yusuf. (2002). *Legends of the South*. Shiraz: Takht Jamshid. [In Persian]
- 18- Saidi, Sohrab. (2007). *Legends of Hormozgan*. Qom: Selsal. [In Persian]
- 19- Taheri Sadruddin, Soltanmoradi Zahra (2013). *The plant of life in Iran, Mesopotamia and ancient Egypt*. Fine Arts Magazine - Visual Arts. Volume 18. Number 2. Series 2, Summer P. 1-15. [In Persian]
- 20- Qatali Abdul Jalil (2009). *Seventy legends of Khamir port legends*. Shiraz: Ilaf. [In Persian]

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Ghodrati, A., & Novikova, U.V. (2022). SYMBOLIC SIGNIFICANCE OF THE IMAGE OF TREE IN OLD IRANIAN AND SLAVIC MYTHOLOGICAL SYSTEMS. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 10(2), 207-223.

DOI: 10.52547/iarll.20.207

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/243>

اهمیت نمادین تمثیل درخت در سیستم‌های اسطوره‌ای ایران و اسلاو باستان

اصغر قدرتی^{*۱}

استادیار گروه زبان روسی دانشگاه علامه طباطبائی،
تهران، ایران.

نویکوا یولیانا ویکتوروونا^۲

دانشیار گروه زبان روسی دانشگاه دولتی فنی کوبان،
کراسنادر، روسیه.

(تاریخ دریافت: ژوئیه ۲۰۲۲؛ تاریخ پذیرش: سپتامبر ۲۰۲۲)

چکیده

این مقاله به مقایسه نمادهای برخی از درختان در نظام اساطیری ایران باستان و اسلاو اختصاص دارد. نماد سرو، بلوط و کاج به‌طور سیستمی و همچنین نمادگرایی «درخت جهان» و ویژگی‌های انسان‌نگاری گیاهان مورد مطالعه قرار گرفته است. بدیهی است که تلقی گیاهان به‌عنوان اشیای اساطیری خاص در هر دو فرهنگ ایرانی و اسلاوی سنت‌های دیرینه‌ای دارد که مبتنی بر تعامل بین فرهنگی است. این تلاقی فرهنگ‌هاست که به تقویت پیوند بین مردمان، شناسایی ویژگی‌های منحصر به فرد و مشترک جهان‌بینی آنها کمک می‌کند. مطالب این مقاله نشان می‌دهد که در سنت‌های فولکلور ایرانی روسی، تلاقی‌ها و اشتراکاتی در درک نماد درخت وجود دارد و تصویری جالب از درخت جهان به‌نوعی الگوی کیهان محسوب می‌شود. اعطای ویژگی‌های انسانی به گیاهان برای گنجاندن آنها در سنت‌های آیینی و اساطیری مهم است. نتیجه‌گیری می‌شود که پژوهش در این راستا ضروری است و به تقویت تعامل بین فرهنگی کمک می‌کند.

واژگان کلیدی: اساطیر ایران باستان، اساطیر اسلاو، نمادهای گیاهی، درخت زندگی، درخت جهان، سرو، بلوط.

1. Email: Asghar_ghodrati@atu.ac.ir; ORCID ID: 0000-0002-6803-8211

* نویسنده مسئول

نوع مقاله: علمی - پژوهشی

2. Email: Uliana_novik@mail.ru; ORCID ID:: 0000-0002-6396-4419

COMPARISON OF PRECEDENT PHENOMENA AS A MEANS OF TRANSMITTING CULTURAL INFORMATION IN LITERARY TEXTS OF SOVIET AND AMERICAN LITERATURE

Turchaninova Nataliia Yuriiivna^{1*}

PhD Candidate, National Pedagogical Dragomanov University,
Kiev, Ukraine.

(date of receiving: July, 2022; date of acceptance: August, 2022)

Abstract

Modern progressive globalization processes, blurring of borders between countries and an unstable geopolitical climate in the world provoke an increased interest of representatives of different nationalities in each other, which undoubtedly leads to a dialogue of cultures. Language, as a storehouse of knowledge about the people, is able to display national characteristics, the national picture of the world of a particular linguocultural community. Language also tends to form images of some peoples in the linguistic consciousness of others. The creation and display of the image of a foreign people in the minds of another people is carried out at the expense of nationally marked elements of the language. Such elements include precedent phenomena that fix, preserve and display the ethno-national features and characteristics of a particular people. In our study, we will consider and compare the use and functioning of the precedent phenomena of Spanish culture in the novels "Spanish Diary" by M. Koltsov and "For whom the bell tolls" by E. Hemingway during their stay in revolutionary Spain.

Keywords: Image, Precedent Phenomena, Precedent Event, Precedent Telling, Precedent Custom, Precedent Rite, Precedent Ritual.

1. E-mail: prokopovychn@gmail.com; ORCID ID: 0000-0003-0987-6474 * Corresponding author

СОПОСТАВЛЕНИЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ КАК СРЕДСТВ ПЕРЕДАЧИ КУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ СОВЕТСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУР

Турчанинова Наталия Юрьевна^{1*}

Аспирант, Национальный педагогический университет им. М. П. Драгоманова,
Киев, Украина.

(дата получения: июль 2022г.; дата принятия: август 2022 г.)

Аннотация

Современные прогрессирующие глобализационные процессы, стирание границ между странами и нестабильный геополитический климат в мире обуславливают повышенный интерес представителей разных национальностей друг к другу, что, несомненно, приводит к диалогу культур. Язык, как кладезь знаний о народе, способен отображать национальные особенности, национальную картину мира того или иного лингвокультурного сообщества. Язык также имеет свойство формировать образы одних народов в языковом сознании других. Создание и отображение образа чужого народа в сознании другого народа осуществляется за счет национально маркированных элементов языка. К таким элементам можно отнести прецедентные феномены, которые фиксируют, сохраняют и отображают этнонациональные черты и особенности того или другого народа. В нашем исследовании мы рассмотрим и сравним употребление и функционирование прецедентных феноменов испанской культуры в романах «Испанский дневник» М. Кольцова и «For whom the bell tolls» Э. Хемингуэя в период пребывания их в революционной Испании.

Ключевые слова: Образ, Межкультурная Коммуникация, Прецедентные Феномены, Лингвоимагология, Испания.

1. E-mail: prokopovychn@gmail.com; ORCID ID: 0000-0003-0987-6474 * Ответственный автор

Введение

История развития и становления языка указывает на то, что в современных лингвистических исследованиях все более популярным становится антропологический подход, главной мыслью которого выступает тезис о невозможности изучения основных лингвистических процессов без учета среды, в которой язык развивается, то есть народа, и наоборот. Одним из первых исследователей, отстаивающих эту идею, был Вильгельм фон Гумбольдт. Философ подчеркивал, что «язык народа – его дух, а дух народа – его язык» (Звегинцев 1984. 16).

Принимая во внимание этот факт, язык рассматривается как мировоззрение народа и каждый язык способен вместить в себя и отобразить взгляды на мир и восприятие мира разными народами: «... различные языки по своей сути, по своему влиянию на познание и на чувства являются в действительности различными мировидениями» (Иванова 2010. 64).

Исходя из современных миграционных и глобализационных тенденций, возникает потребность в изучении того, как разные народы воспринимают друг друга в процессе межкультурной коммуникации и какую роль в формировании этого восприятия играет язык как отображение мировоззрения того или иного народа, чем и аргументируется **актуальность** исследования.

Изучением видения образа одного народа в языковом сознании другого народа занимается лингвоимагология, новое направление в современном языкознании (Иванова 2013. 144). Образ народа или страны в сознании другого народа формируется под воздействием трех основных факторов: 1) объективные причины (исторические, политические, социальные); 2) субъективные факторы (личные авторские впечатления, переживания); 3) традиционные представления, стереотипы (Орехов 2008. 7).

Исторически Гражданская война в Испании 1936-1939 гг. была первой войной с фашизмом между левыми республиканцами и правыми силами страны. Победа коммунистического Народного фронта на выборах в кортесах

спровоцировала социально-политический конфликт, который имел форму гражданской войны. Сторонники фашистского режима в Испании и мятежники не смирились с возможной потерей власти и становлением сильной Республики, идея вооруженного переворота была поддержана генералом Ф. Франко. Влияние СССР (поддерживал республиканцев), Италии и Германии (поддерживали мятежников) поспособствовало длительному и кровавому конфликту. Следует отметить, что испанцы не воевали в одиночку, на протяжении всей войны формировались интернациональные бригады, которые сражались на стороне Республики против фашизма.

Благородные и справедливые притязания испанцев, борьба за свою свободу и право на независимое существование были отмечены немецким писателем Лионом Фейхтвангером в романе «Гойя»:

Не к победе, а к борьбе стремился этот человек. Да.
Он был вечным истовым борцом. В нем было кое-что от Дон Кихота,
Впрочем, как в любом испанце это есть.
Болело сердце у него за справедливость попанную.
Где неправда или зло торжествовали,
Он тотчас врубался. Только
Он понять не мог, что в мире
И добро, и справедливость –
Лишь мечта, лишь сон, не боле,
Идеал недостижимый,
Вроде благородной цели Дон-Кихота. Но он должен,
Дон-Кихот, скакать навстречу Правой битве (Фейхтвангер 1959. 488).

Эти строки выступают неким объяснением Гражданской войны в Испании и, вместе с тем, выражают общеевропейское, общечеловеческое отношение к несправедливости и войне.

И М. Кольцов, и Э. Хемингуэй, являясь элитарными и талантливыми представителями советского и американского лингвокультурного сообществ с различным мировоззрением, чувствовали свою принадлежность к этой войне. Оба автора были участниками происходящих событий в роли военных корреспондентов и имели возможность видеть своими глазами и описывать происходящие события в Испании. Принимая во внимание то, что М. Кольцов и Э. Хемингуэй находились в один и тот же период в Испании, описывали одно и то же событие и были, приблизительно, одного и того же возраста со сравнительно одинаковой степенью образованности, позволяет провести сравнительный анализ видения и восприятия писателями одинаковых проявлений испанской культуры в силу их разного мировоззрения, поскольку М. Кольцов был представителем советской идеологии, а Э. Хемингуэй – американской.

Считается, что лингвоимагологический анализ может быть реализован через интерпретацию национально маркированных элементов языка: безэквивалентная лексика, прецедентные феномены, паралингвистические ситуации и т.п. В силу своей способности фиксировать, хранить и передавать национальные особенности языка и народа, эти элементы выступают эффективными средствами изучения восприятия образа народа в лингвокультурной картине мира и мировоззрении представителей чужих этнокультурных сообществ.

Цель статьи заключается в анализе видения и восприятия прецедентных феноменов испанской культуры представителями других этнокультурных сообществ.

Объект исследования – фрагменты текстов, где авторы выражают свою оценку восприятия испанских прецедентных феноменов.

Предмет исследования – функционирование прецедентных феноменов в языковом сознании писателей и способы их вербализации в текстах романов.

Материалом исследования были избраны роман русского писателя-публициста М. Э. Кольцова «Испанский дневник» и роман американского писателя и военного корреспондента Э. Хемингуэя «For whom the bell tolls».

Методология исследования состоит из описательного метода, метода лингвистической интерпретации, лингвокультурного метода и сопоставительного метода.

На данный момент существует большое количество статей и монографий, занимающихся изучением проблематики прецедентных феноменов. Проанализированная литература позволила выявить тот факт, что прецедентные феномены активно разрабатываются в современных лингвистических исследованиях. Ю. Н. Караулов, Ю. О. Сорокина, Ю. Е. Прохоров, В. Г. Костомаров, А. Е. Супрун, В. В. Красных в своих трудах определяют доминантные теоретические основы изучения проблемы прецедентности.

Л.П. Иванова занимается анализом прецедентных феноменов как основной категории лингвоимагологического исследования видения Западной Европы в русском языковом сознании (Иванова 2022). М. М. Брик исследует влияние турецкой культуры на осмысление и восприятие действительности представителями русской и австралийской лингвокультур, анализируя применение авторами прецедентных феноменов турецкой культуры (Брик 2020). А. С. Петренко изучает роль и функционирование прецедентных феноменов в современных средствах массовой информации (Петренко 2021). М. В. Рослицкая занимается анализом семантических признаков и социопрагматического потенциала прецедентных имен в политическом дискурсе (Рослицкая 2018).

Практическая значимость статьи заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы в преподавании курсов межкультурной коммуникации, стилистики, лексикологии, лингвоимагологии.

В данной статье будут исследоваться особенности применения прецедентных феноменов в романах «For whom the bell tolls» и «Испанский дневник» на примере прецедентных артефактов, прецедентных ситуаций, прецедентных ритуалов, обычаев, обрядов испанской культуры и прецедентных высказываний, которые были определены в процессе анализа произведений. Также рассмотрим функции и способы передачи прецедентных феноменов испанской культуры, их роль в отображении этнической идентичности авторов.

Основная часть

Прецедентные феномены являются одной из основных категорий межкультурной коммуникации. В.В. Красных определяет прецедентные феномены как слова: «1) хорошо известны представителям национально-лингвокультурного сообщества; 2) актуальные в когнитивном плане; 3) апелляция к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингвокультурного сообщества» (Красных 2003. 170).

Прецедентные феномены – «единицы, которые входят в когнитивную базу того или иного лингвокультурного сообщества и известны любому рядовому представителю этого сообщества». Считается, что прецедентные феномены есть «единицами дискурса, элементами сознания, знаками тех коллективных представлений, которые входят в когнитивное сознание лингвокультурного сообщества» (Гудков 2003. 153, 7).

Проблема прецедентности актуальна и всесторонне изучается в широком междисциплинарном поле исследований. Ю.Н. Караулов впервые ввел понятие «прецедентный текст» в монографии «Русский язык и языковая личность» и определил его как «готовые, интеллектуально-эмоциональные блоки, которые имеют значение для личности в когнитивном и эмоциональном отношении, хорошо известны в сообществе и постоянно используются в

коммуникации» (Караулов 2007. 113). Д.Б. Гудков считает, что прецедентные феномены являются ядерными компонентами любого лингвокультурного сообщества (Гудков 2003. 101).

Основные качества и характеристики, отличающие прецедентные феномены от других понятий были выделены В.В. Красных: «прецедентные феномены играют роль эталона культуры, функционируют как свернутая метафора и выступают как символ феномена или ситуации» (Красных 2003. 171).

Традиционно исследователи выделяют следующие типы прецедентных феноменов: автопрецедентные феномены, социумно-прецедентные феномены, национально – прецедентные феномены и универсально-прецедентные феномены. Исходя из того, что исследуемые нами художественные произведения «Испанский дневник» и «For whom the bell tolls» отображают события, происходящие в Испании, и действующие лица сталкиваются и знакомятся с испанскими реалиями, будут рассматриваться, в частности, социумно-прецедентные, национально-прецедентные и универсально-прецедентные феномены. Принимая во внимание тот факт, что оба автора являются многосторонне образованными личностями с широким кругозором, считаем возможным и анализ автопрецедентных феноменов.

В исследовании обращаемся к поликультурным текстам, в которых изображается чужая незнакомая культура (испанская), поэтому Э. Хемингуэй и М. Кольцов апеллируют к национально прецедентным феноменам, которые наилучшим образом создают национальный образ страны.

Обращаем внимание на то, что традиционно выделяют вербальные и невербальные прецедентные феномены. К вербальным относим прецедентные высказывания, прецедентные имена и названия, прецедентные ситуации и события как продукты речевой и мыслительной деятельности. К невербальным – творения живописи, архитектуры, скульптуры, музыкальные произведения, события прошлого и тому подобное (Красных 1998. 171).

По отношению к источнику нами были выделены прецедентные события, прецедентные артефакты, прецедентные ритуалы, обычаи, обряды, прецедентные высказывания.

В современном обществе сохранилась модель поведения и урегулирования отношений между людьми, так называемый *обычай*, который можно интерпретировать как совокупность условных, традиционных действий, которые служат символом конкретных социальных отношений, формой их выражения и закрепления. Обычаи постепенно приобретали регулировочную функцию, с развитием иерархической системы социального поведения.

Характерным отличием между обычаем и *обрядом* считается принадлежность последнего к религии. Следовательно, обряд трактуется как совокупность действий, в которых воплощаются религиозные представления (Жайворонок 2006. 435). Главная функция обрядов в контексте поликультурных художественных текстов заключается в создании этнического колорита и передаче информации об определенных традициях страны, которая исследуется. *Ритуал* считается одной из разновидностей обряда – «некий устоявшийся порядок символического поведения людей» (Хархалиус 2004).

Прецедентная ситуация – «эталонная», «идеальная» ситуация, связанная с набором определенных коннотативных, дифференциальных признаков, которые входят в когнитивную базу (Красных 2003. 172).

Прецедентный артефакт – аутентичные предметы культуры из вторичной действительности, связанные с мифологическими понятиями (Там же. 165). П.С. Артемьева определяет артефакты знаковыми для культуры, в которой функционируют, и которые имеют форму выражения и план содержания (Артемьева 2016. 27).

Прецедентное высказывание – репродуцирующий продукт речевой деятельности;вершенная и самодостаточная единица, которая может быть, а может не быть предикативной. Это сложный знак, сумма значений

компонентов которого не является равной его смыслу, который всегда более широкий (Красных 2003. 172-173).

На сегодняшний день изучение прецедентных феноменов не может быть переоценено, поскольку правильная интерпретация прецедентности в межкультурном диалоге может предотвратить недопонимание между участниками коммуникационного акта. Прецедентные феномены влияют на формирование общей картины мира и способны обогатить интернациональный потенциал знаний о представителях чужих лингвокультурных сообществ.

В ходе анализа текстов романов «Испанский дневник» и «For whom the bell tolls» были выявлены примеры использования и М. Кольцовым, и Э. Хемингуэем прецедентных ритуалов, обычаев, обрядов испанской культуры.

В любом этнокультурном сообществе присутствуют традиции, ритуалы, обычаи и обряды, которые, в определенной мере, отражают национально-культурные особенности народа и делают его уникальным. Находясь в Испании, Эрнест Хемингуэй и Михаил Кольцов не могли не обратить внимание на некоторые ритуалы испанской культуры. Можно отметить, что писатели, прежде всего, заметили прецедентные обычаи, которые отличались от обычаев их собственных этносов, или же которые были абсолютно новыми для их картин мира.

Так, М. Кольцов в романе «Испанский дневник» описывает прецедентный ритуал испанской культуры, который заключается в уходе за волосами испанками: *Волосы – главное украшение испанки, и старой, и молодой, и богатой, и нищей. За волосами испанская женщина бесконечно ухаживает, затейливо их завивает* (Кольцов 1988. 88). Вербализация данного прецедента происходит с помощью употребления слова *волосы* в препозиции, синтаксически самом сильном месте в предложении, которое играет функцию акцентирования внимания.

Интересным кажется для писателя испанский прецедентный ритуал выступления парламентариев в кортесах: *Старый парламентский ритуал. Каждому оратору, хотя бы он сказал, с места, хоть 5 слов, служитель в старинной униформе, с золотыми лампасами, почтительно подает бокал оранжаду* (Там же. 117). Назывное предложение — именительный представления в начале цитаты фокусирует внимание на ритуале, называя его.

Очевидно, отличаются испанские похоронные процессии от советских, на что и обратил внимание М. Кольцов: *(Мертвый) лежит с цветком на подушке. Гробы на этом кладбище не зарывают в землю, а вставляют в бетонные ниши, в два этажа. Смотритель кладбища проверил документы из больницы, закрыл крышку и запер. Старинный обычай в Испании: гроб замыкают на ключ* (Там же. 237). Автор описывает каждый элемент и этап данного прецедентного обычая, ведь в этих элементах отображены обобщенные культурные знания испанцев. Микротекст с описанным обычаем состоит из рамочных конструкций, которые акцентируют внимание читателя на начале кульминации и окончании обычая. Каждый элемент несет определенную смысловую нагрузку, которую автор реализует в тексте через представления, в которых сосредоточиваются этнические стандарты и индивидуальное восприятие Михаила Кольцова.

В тексте романа «For whom the bell tolls» Эрнест Хемингуэй обращает внимание на обычай есть молча: *They were all eating out of the platter, not speaking, as is the Spanish custom* (Hemingway 2005. 25) / *Все они ели с тарелки, не разговаривая, по испанскому обычаю*. Акцентуализация внимания на данном обычае вызывает предположение, что в культурной картине мира Э. Хемингуэя эта традиция отсутствовала. Интересной кажется противоположная традиция испанцев вести долговременные беседы за столом после молчаливой трапезы, которая называется *sobremesa*.

Э. Хемингуэй также описывает обычай обращения с испанскими женщинами: *give the men tobacco and leave the women alone* (Hemingway 2005.

26) / *дай мужчинам табак и не трогай женщин*. В данном прецедентном обычае, вербализированном параллельными конструкциями, прослеживается отношение к женщинам в Испании.

В романе «Испанский дневник» Михаил Кольцов использует один пример прецедентного события: *Это потоп, это светопреставление, это гибель Помпеи, массовое паническое безумие* (Кольцов 1988. 190), являющееся универсально-прецедентным феноменом. Исторический факт гибели Помпеи входил в универсальное когнитивное пространство образованных представителей советского национально-лингвокультурного общества. Это говорит об образованности автора и его исторической и географической осведомленности.

В большинстве этнолингвокультурных сообществ прецедентные высказывания входят в когнитивную базу и вбирают у себя определенные знания и ассоциации, связанные с высказыванием. В романе Эрнеста Хемингуэя «For whom the bell tolls» к такому относим *And it was as though one were in the dentist's chair and there were many dentists and they were all insane* (Hemingway 2005. 365) / *Это было, как будто ты в кресле стоматолога, и там много стоматологов, и все они сумасшедшие*. Обращаем внимание на то, что данное универсально-прецедентное высказывание имеет негативную коннотацию.

В романе «Испанский дневник» наблюдается высказывание *ведут войну по-шахтерски – серьезно, упорно* (Кольцов 1988. 162), являющееся универсальным прецедентным феноменом, значение которого известно любому современному человеку и входит в универсальное когнитивное пространство. Профессия *шахтер* – символ тяжелого труда человека, который работает глубоко под землей и добывает уголь. Эта профессия одна из опаснейших и самых тяжелых в мире. Много шахтеров погибает в шахтах от обвалов пород и взрывов метана. Большинство людей с глубоким уважением

относится к данной профессии. Следовательно, оценивание М. Кольцовым военной победы испанцев является позитивным.

В тексте романа находим еще один пример применения М. Кольцовым универсально-прецедентного феномена: *Иногда, обмакнув или поклонив палец, поднимают вверх – нет ли ветерка с моря* (Кольцов 1988. 54). Данный жест жителей побережья известен всем и всюду, и М. Кольцов его замечает, что демонстрирует внимательность автора. Также, допускаем, что определение направления ветра демонстрирует характеристику жизни, связанной с морем.

Заслуживает отдельного внимания символ мексиканских бандитов: *люди в костюмах мексиканских бандитов, в остроконечных соломенных шляпах, с шелковыми цветными лентами на винтовках* (Кольцов 1988. 97). Мы не нашли связь с Мексикой, поэтому считаем, что данное выражение выступает автопрецедентом, который демонстрирует то, что в сознании автора люди в сомбреро ассоциировались с образом мексиканских бандитов и имели негативную оценку.

Произведение Мигеля де Сервантеса «Дон Кихот» появляется воплощением испанского национального характера, на что и обратил внимание М. Кольцов, продемонстрировав свою литературную эрудицию, сопоставив испанцев с персонажем романа, делая акцент на самых позитивных качествах: *Благородные кабальеро ... показали все свои рыцарские манеры* (Кольцов 1988. 89). Образ Дон Кихота выступает ярким примером национально-прецедентного феномена испанской культуры.

В ходе анализа текста романов «For whom the bell tolls» и «Испанский дневник» были найдены примеры применения Эрнестом Хемингуэем и Михаилом Кольцовым прецедентных артефактов испанской культуры, которые являются неотъемлемыми составляющими, принимающими участие в создании образа Испании.

Один из самых выдающихся артефактов культуры Испании, в частности испанской национальной кухни, находим в романе «For whom the bell tolls». Со времен Революции и доныне наиболее узнаваемым элементом испанской кулинарной традиции является **paella**: *Then we ate paella with fresh seafood, clams in their shells, mussels, clayfish, and small eels* (Hemingway 2005. 90) / *Потом мы ели паэлью со свежими морепродуктами, моллюсками в панцирях, мидиями, раками и маленькими угрями*. Согласно толковому словарю, *paella* – испанское кушанье из риса и с добавлением курицы или других видов мяса, морепродуктов, овощей, и тому подобное, которая, обычно, готовится на большой плоской сковороде (MacMillan 2007. 1077). Этимология данного слова происходит от каталонского *paella*, старофранцузского *paele* (готовить или жарить на сковороде), латинского *patella* (маленькая сковорода). Применение элемента безэквивалентной лексики выполняет колоритную функцию в тексте, ведь экзотичность значения сохраняется. Для толкования этой единицы безэквивалентной лексики не применяется ни один из известных методов, однако экзотизм *paella* вошел в словарный состав английского языка, приобретя грамматические и фонетические характеристики языка-реципиента. При введении данного прецедентного артефакта в текст автор указывает на позитивные эмоции, полученные от наслаждения этим аутентичным кушаньем.

Михаил Кольцов тоже не обходит стороной испанские кулинарные традиции и вспоминает в своем произведении **гарбанзос**: *Они едят гарбанас – большие бобы с оливковым маслом* (Кольцов 1988. 110). При введении данного прецедентного артефакта в текст писатель объясняет, из чего состоит это испанское блюдо.

В романе «For whom the bell tolls» Эрнест Хемингуэй вспоминает еще один испанский артефакт, который относится к традиционным элементам одежды испанцев: *a black peasant's smock and gray iron-stiff trousers, rope-soled shoes*,

*dark grey trousers, trousers were worn soapy shiny in the knees and thighs. I wonder if he has a pair of boots or if he rides in those **alpargatas*** (Hemingway 2005. 15) / *черный крестьянский халат и серые изношенные штаны, обувь на ольховой подошве, темно-серые штаны, штаны были изношены до мыльного блеска на коленях и бедрах. Мне было интересно, была ли у него еще пара обуви или он ездил в тех альпаргатах.* Внимание автора привлекает *alpargatas* – традиционная испанская обувь для крестьян, недорогая, легкая, удобная и идеальная для неровных поверхностей. Кроме применения иноязычной лексики *alpargatas*, автор употребляет описательную перифразу *rope-soled shoes* в целях толкования безэквивалентной лексики. Сохранение в тексте экзотизма *alpargatas* выполняет колоритную функцию.

Михаил Кольцов в «Испанском дневнике» обращает внимание на еще один испанский артефакт, который относится к национальной посуде Испании: *Люди жадно пьют, полощут горло тонкими струйками воды из **порронов*** (Кольцов 1988. 100). Данный тип посуды широко распространен в Каталонии и, обычно, используется для вина. Таким образом, применив прецедентный феномен, автор очертил пределы своего географического пребывания. Также этот артефакт выполняет экспрессивную и изобразительную функции, давая читателю понять, что форма посуды была с тонким горлом, о чем свидетельствует выражение *полощут горло тонкими струйками воды из порронов.*

Невозможно представить испанскую культуру без традиционного испанского танца фламенко. Эрнест Хемингуэй вспоминает его в романе: *Never have I seen a banquet at which a higher pitch of real **flamenco** enthusiasm was reached* (Hemingway 2005. 194) / *Никогда я не видел банкет, на котором достигался бы уровень настоящего энтузиазма фламенко.* Согласно толковому словарю, *flamenco* – испанский традиционный быстрый танец (Macmillan 2007. 565). В целях изображения атмосферной уникальности и

темпа танца, писатель употребляет инверсию, которая подчеркивает то, что только испанцы способны танцевать фламенко должным образом. Оценка автора – позитивна.

Характерным атрибутом образа испанской женщины является веер, который Михаил Кольцов использует при описании испанок: *На улице, перед людьми, – на высоких каблуках, играя шелком ног, шелестя веером, маня приоткрытым ртом, – роскошное и нежное животное, соблазн для прохожих, гордость собственника-мужа* (Кольцов 1988. 113). Данный прецедентный артефакт испанской культуры можно найти в произведениях многих мировых классиков. Например, Лион Фейхтвангер в романе «Гойя» говорит о том, что веер является языком, которым махи (девушки из народа) общались с незнакомыми мужчинами в публичных местах. Л. Фейхтвангер отмечает почтительное отношение к женщинам в Испании, которое коренится в религии, а именно: в любви к деве Марии (Фейхтвангер, 1959). Тем не менее, М. Кольцов обращает внимание на негативное отношение мужчин к испанкам, хотя подчеркивает их красоту и ухоженность.

Заключение

В исследуемых произведениях Э. Хемингуэя и М. Кольцова присутствует диалог культур, который вмещает примененные писателями прецедентные феномены как культурные маркеры. Оба романа пропитаны разнообразными указанными явлениями, воплощающими испанское культурное наследие и источник аутентичных национальных особенностей испанского народа. Проанализированы прецедентные артефакты, ритуалы, обычаи и обряды, события и высказывания. Они служат средствами создания национального колорита в исследуемых романах. Принимая во внимание то, что и Э. Хемингуэй, и М. Кольцов являются чрезвычайно талантливыми литературными фигурами, в текстах романов присутствуют не только

универсальные и национальные прецедентные феномены, но и автопрецеденты, которые отражают культурно - языковые личности писателей. Трудности в понимании прецедентных феноменов авторы устраняют благодаря дословному переводу, контекстуальному растолкованию и детальному описанию событий и ситуаций.

Литература

- 1- Артемьева П. С. (2016). *Прецедентные феномены как выразительное средство: диалог культур в художественном тексте*: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Саратов. 163 с.
- 2- Брик М. М. (2020). *Вербалізація варіантів сприйняття образу Туреччини представниками російської та англійської лінгвокультур (на матеріалі романів письменників-білінгвів)*: дис. ... канд. філол. наук: 10.02.17. / М. М. Брик. – Київ: НПУ. 269с.
- 3- Гудков Д. Б. (2003). *Теория и практика межкультурной коммуникации* / Д. Б. Гудков. – М. : Гнозис. 288 с
- 4- Иванова Л. П. (2022). *Культурно-языковое освоение коннотонимов* / Л.П. Иванова. – Киев : Изд. дом. Дмитрия Бураго. 135 с.
- 5- Иванова Л. П. (2010). *Общее языкознание. Курс лекций. Научное пособие*. Киев : “Освіта України”. 432 с.
- 6- Иванова Л. П. (2013). *Лингвоимагология как синтезирующее направление современного языкознания* // Беларуско-русско-польское сопоставительное языкознание, литературоведение, культурология: сборник научных трудов. – Витебск : «ВДУ им. П. М. Машерова».
- 7- Жайворонок В. В. (2006). *Знаки української етнокультури: Словник-довідник*. Київ : Довіра. 703 с.
- 8- Звегинцев В. А. (1984). *О научном наследии Вильгельма фон Гумбольдта* // В. Гумбольдт фон. Избранные труды по языкознанию. — М. : Гнозис. 342 с.
- 9- Караулов Ю. Н. (1987). *Русский язык и языковая личность*. Москва : Наука. 263с.
- 10- Красных В. В. (2003). *“Свой” среди “чужих” : миф или реальность?* Москва : Гнозис. 375 с.
- 11- Кольцов М. Е. (1988). *Испанский дневник*. Москва: Художественная литература. 227 с.

- 12- Петренко А. С. (2021). *Прецедентні феномени у заголовках сучасних засобів масової комунікації: джерела, структура, рецепція*.: дис. ... канд. філол. наук: 035. / А.С. Петренко. – Київ: НАНУ. 332с.
- 13- Рослицька М. В. (2018). *Прецедентне ім'я в політичному дискурсі: формальносемантичні ознаки і соціопрагматичний потенціал* (на матеріалі промов президентів України, Польщі та Франції кін. ХХ – поч. ХХІ ст.): дис. ... канд. філол. наук:10.02.15. / М.В. Рослицька. – Львів: ЛНУ. 357с.
- 14- Фейхтвангер Л. (1959). *Гойя*. Москва : Издательство иностранной литературы. 589 с.
- 15- Хархалис У. М. (2004). *Звичай, традиція, обряд, ритуал як форми відображення суспільних відносин. Мультиверсум*. Філософський альманах. Київ : Центр духовної культури, № 44. С. 22–34
- 16- Hemingway E. (2005). *For whom the bell tolls*. London : Vintage Classics. 490 p.
- 17- *Macmillan English Dictionary* (2007). / ed. by M. Randell. Malaysia : Macmillan Education Ltd. 1748 p.

Bibliography

- 1- Artem'eva P. S. (2016). *Precedentnye fenomeny kak vyrazitel'noe sredstvo: dialog kul'tur v hudozhestvennom tekste*: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. – Saratov. 163 s.
- 2- Brik M. M. (2020). *Verbalizacija variantiv sprijnjattja obrazu Turechchini predstavnikami rosijs'koï ta anglijs'koï lingvokul'tur* (na materialï romaniv pis'mennikiv-bilingviv): dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.17. / M. M. Brik. – Kiïv: NPU. 269s.
- 3- Gudkov D. B. (2003). *Teorija i praktika mezhkul'turnoj kommunikacii* / D. B. Gudkov. – M. : Gnozis. 288 s
- 4- Ivanova L. P. (2022). *Kul'turno-jazykovoje osvoenie konnotonimov* / L.P. Ivanova. – Kiev : Izd. dom. Dmitrija Burago. 135 s.
- 5- Ivanova L. P. (2010). *Obshee jazykoznanie. Kurs lekcij. Nauchnoe posobie*. Kiev : “Osvita Ukrainy”. 432 s.
- 6- Ivanova L. P. (2013). *Lingvoimagologija kak sintezirujushhee napravlenie sovremennogo jazykoznanija* // Belarussko-russko-pol'skoe sopostavitel'noe jazykoznanie, literaturovedenie, kul'turologija: sbornik nauchnyhtrudov. –Vitebsk : «VDU im. P. M. Masherova».
- 7- Zhajvoronok V. V. (2006). *Znaki ukraïns'koï etnokul'turi: Slovník-dovidnik*. Kiïv : Dovira. 703 s.
- 8- Zvegincev V. A. (1984). *O nauchnom nasledii Vil'gel'ma fon Gumbol'dta* // V. Gumbol'dt fon. Izbrannye trudy po jazykoznaniju. — M. : Gnozis. 342 s.

- 9- Karaulov Ju. N. (1987). *Russkij jazyk i jazykovaja lichnost'*. Moskva : Nauka. 263s.
- 10- Krasnyh V. V. (2003). "Svoj" sredi "chuzhijh": mif ili real'nost'? Moskva : Gnozis. 375 s.
- 11- Kol'cov M. E. (1988). *Ispanskij dnevnik*. Moskva: Hudozhestvennaja literatura. 227 s.
- 12- Petrenko A. S. (2021). *Precedentni fenomeni u zagolovkah suchasnih zasobiv masovoï komunikacii: dzhherela, struktura, recepcija.*: dis. ... kand. filol. nauk: 035. / A.S. Petrenko. – Kiïv: NANU.332s.
- 13- Roslic'ka M. V. (2018). *Precedentne im'ja v politichnomu diskursi: formal'nosemantichni oznaki i sociopragmatichnij potencial* (na materiali promov prezidentiv Ukraïni, Pol'shhi ta Francii kin. HH – poch. HHI st.): dis. ... kand. filol. nauk:10.02.15. / M.V. Roslic'ka. – L'viv: LNU. 357s.
- 14- Fejhtvanger L. (1959). *Gojja*. Moskva : Izdatel'stvo inostranoj literatury. 589 s.
- 15- Harhalis U. M. (2004). *Zvichaj, tradicija, obrjad, ritual jak formi vidobrazhennja suspil'nih vidnosin*. Mul'tiversum. Filososfs'kij al'manah. Kiïv : Centr duhovnoï kul'turi, № 44. S. 22–34
- 16- Hemingway E. (2005). *For whom the bell tolls*. London : Vintage Classics. 490 p.
- 17- *Macmillan English Dictionary* (2007). / ed. by M. Randell. Malaysia : Macmillan Education Ltd. 1748 p.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Turchaninova, Nataliia Yuriiivna (2022). COMPARISON OF PRECEDENT PHENOMENA AS A MEANS OF TRANSMITTING CULTURAL INFORMATION IN LITERARY TEXTS OF SOVIET AND AMERICAN LITERATURE. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literaturny*, 10(2), 225–244.

DOI: 10.52547/iarll.20.225

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/241>

مقایسه پدیده‌ها و فنون‌های شناخته‌شده به‌عنوان ابزاری برای انتقال اطلاعات فرهنگی در متون آثار ادبی شوروی و آمریکا

ناتالیا یوریونا تورچانینووا^{۱*}

دانشجوی دکتری، دانشگاه ملی علوم تربیتی م. پ. دراگومانوف،
کیف، اوکراین.

(تاریخ دریافت: ژوئیه ۲۰۲۲، تاریخ پذیرش: اوت ۲۰۲۲)

چکیده

فرآیندهای مدرن جهانی شدن که به سرعت در حال گسترش هستند، محو شدن مرزها بین کشورها و جو ناپایدار ژئوپلیتیکی حاکم بر جهان باعث افزایش توجه و علاقه نمایندگان ملیت‌های مختلف به یکدیگر می‌شود که نتیجه این امر بدون شک باعث شکل‌گیری گفت‌وگوی فرهنگی‌ها می‌گردد. زبان به‌عنوان گنجینه غنی اطلاعات یک ملت، قادر است بازتابی از ویژگی‌های ملی و تصویر ملی از جهان یک جامعه زبانی-فرهنگی خاص را نشان دهد. یکی از قابلیت‌های زبان این است که می‌تواند تصاویری از برخی ملت‌ها را در زبان ملت‌های دیگر ایجاد کند. ایجاد و انعکاس تصویر یک ملت بیگانه در ذهن مردم دیگر از طریق عناصر ملی زبان انجام می‌شود. این عناصر شامل پدیده‌ها و فنون‌های شناخته‌شده‌ای هستند که ویژگی‌ها و خصلت‌های قومی-ملی یک ملت خاص را تعیین و آنها را حفظ می‌کنند و نشان می‌دهند. در پژوهش حاضر، کاربرد و نقش پدیده‌های شناخته‌شده فرهنگ اسپانیایی در رمان‌های «یادداشت‌های روزانه اسپانیا» نوشته م. کولتسوف و «زنگ‌ها برای که به صدا در می‌آیند» اثر ای. همینگوی در طول حضور آنها در اسپانیای انقلابی بررسی و مقایسه تطبیقی خواهد شد.

واژگان کلیدی: تصویر، ارتباطات و مناسبات بین فرهنگی، پدیده‌های شناخته‌شده، ایماگولوژی زبان‌شناختی، اسپانیا.

1. E-mail: prokopovychn@gmail.com; ORCID ID: 0000-0003-0987-6474

* نویسنده مسئول

نوع مقاله: علمی-پژوهشی

برگ درخواست اشتراک

حق اشتراک سالانه: ۴۰۰۰۰ تومان

لطفا وجه مورد نظر را به شماره کارت ۵۸۵۹۸۳۷۰۰۰۱۱۶۲۵۷ یا حساب جاری فراگیر: ۰۲۱۲۱۱۵۵۲۵ بانک تجارت، شعبه کوی دانشگاه ۲۱۲۰، مؤسسه انجمن علمی ایرانی زبان و ادبیات روسی واریز و اسکن اصل فیش را به آدرس پست الکترونیک سردبیر مجله ارسال فرمایید:
myahya@ut.ac.ir

✂-----

	<h3>برگ درخواست اشتراک</h3>
نام و نام خانوادگی / مؤسسه:
شغل / نوع فعالیت: میزان تحصیلات:
نشانی:
تلفن:
کد پستی: صندوق پستی:
شماره‌های درخواستی از شماره تا شماره
تعداد
درخواستی از هر شماره: تاریخ:
امضاء	

بر اساس نامه شماره ۱۳۹۲/۶/۱۶ مورخ ۳/۱۸/۸۷۵۶۴ / مورخ ۱۳۹۲/۶/۱۶ مدیرکل محترم دفتر سیاست‌گذاری و برنامه‌ریزی امور پژوهشی وزارت علوم، تحقیقات و فناوری در جلسه مورخ ۱۳۹۲/۵/۳۰ کمیسیون بررسی نشریات علمی کشور به «پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی» نشریه انجمن ایرانی زبان و ادبیات روسی از شماره یک اعتبار علمی - پژوهشی اعطا شده است.

«پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی» در پایگاه‌های ISC (پایگاه استنادی علوم جهان اسلام)، SID (پایگاه اطلاعات علمی جهاد دانشگاهی)، پرتال جامع علوم انسانی، سیویلیکا و ResearchBib نمایه می‌شود و مقالات آن قابل دسترسی است.

«پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی» از تاریخ ۲۶ ژانویه ۲۰۱۶ در پایگاه استنادی علوم روسیه (رینتس؛ elibrary.ru) با شماره ۱۶/۲۰۱۶ - ۱۸ نمایه شده است و در آدرس زیر قابل مشاهده است.

http://elibrary.ru/title_about.asp?id=56226

پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی

پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی با هدف انتشار پژوهش‌های اصیل با موضوعات مرتبط با زبان و ادبیات روسی در ایران منتشر می‌گردد و با توجه به عنوان نشریه در حوزه‌های مربوط به زبان روسی، ادبیات روسی، ادبیات تطبیقی، زبانشناسی همگانی، زبانشناسی تطبیقی، آموزش زبان روسی، جامعه‌شناسی و روانشناسی زبان روسی، ترجمه و..... مقاله می‌پذیرد.

راهنمای نگارش و شرایط پذیرش مقاله

- مقالات ارسالی به مجله باید حاصل تحقیق و پژوهش نویسنده یا نویسندگان مقاله باشد.
- زبان مجله روسی است.
- مقاله در مجله دیگری چاپ نشده باشد و همزمان برای مجلات داخلی و خارجی ارسال نشده باشد. مجله از پذیرش مقالات رد شده در مجلات دیگر معذور است.
- ساختار مقاله شامل عنوان؛ چکیده «۱۲۰ تا ۱۴۰ کلمه» و واژگان کلیدی «۵ تا ۷ کلمه» (عنوان، چکیده و واژگان کلیدی به زبان‌های روسی، فارسی، انگلیسی)؛ مقدمه؛ متن اصلی؛ نتیجه‌گیری و فهرست منابع (به زبان‌های روسی و انگلیسی) ارجاع داده شده در متن مقاله، باشد. متن اصلی نباید کمتر از ۳۰۰۰ و بیش از ۴۰۰۰ واژه باشد.
- صفحه عنوان مقاله دارای عنوان کامل مقاله، نام و نام خانوادگی، دانشگاه و مرتبه علمی، تلفن و نشانی پست الکترونیکی (دانشگاهی) نویسنده (یا نویسندگان) باشد.
- ارجاعات در متن مقاله در میان دو کمان (،)، شامل نام خانوادگی نویسنده، سال انتشار منبع و شماره صفحه باشد (ایوانوف ۲۰۱۳، ۹۲).
- منابع مورد استفاده در متن به ترتیب الفبایی نام خانوادگی پدیدآورندگان، به شکل زیر تنظیم شود:
- کتاب: نام خانوادگی، نام؛ تاریخ انتشار (داخل پرانتز)؛ عنوان اثر اصلی و فرعی با خط کج (ایتالیک)؛ محل نشر: ناشر.
- مقاله: نام خانوادگی، نام و تاریخ انتشار داخل پرانتز؛ عنوان مقاله؛ نام مجله یا مجموعه مقالات ایتالیک؛ دوره یا سال و شماره برای مجله، محل نشر و ناشر برای مجموعه مقالات صفحه شروع و پایان مقاله.
- منابع اینترنتی: نام خانوادگی، نام؛ عنوان اثر؛ نشانی کامل پایگاه اینترنتی، تاریخ مراجعه به سایت.
- مجله حق رد، چاپ و ویرایش مقالات را برای خود محفوظ دانسته و از برگرداندن مقالات دریافتی معذور است.
- مقاله ارسالی با برنامه "Word 1997-2003" و قلم Times New Roman، اندازه حروف ۱۴ با فاصله ۱/۵ بین سطور، فاصله بالا و پایین صفحه ۲/۵ سانت، فاصله چپ ۳ سانت، فاصله راست ۱/۵ سانت و فاصله برای شروع پاراگراف ۱/۲۵ سانت باشد.
- مقاله به صورت فایل ضمیمه (Word 1997-2003) همزمان به پایگاه نشریه و به آدرس سردبیر myahya@ut.ac.ir ارسال شود.
- برای اطلاعات بیشتر به صفحه نشریه به آدرس <http://www.journaliarll.ir> مراجعه فرمایید.

اعضای مشورتی هیأت تحریریه (بین‌المللی):

استیفان آلوا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه ورونا (ورونا، ایتالیا)

ماری آن برودا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه لودز (لودز، لهستان)

کادزهیکو ساوادا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی سایتاما (سایتاما، ژاپن)

تاتیانا آلکساندرنا کاشمچوک، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه کشاورزی سن پترزبورگ
(سن پترزبورگ، روسیه)

والری ولادیمیریچ لپاخین، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه سگد (سگد، مجارستان)

یوردان دیمیتروف لوتسکانف، دانشیار زبان و ادبیات روسی انستیتو ادبیات آکادمی علوم
بلغارستان (صوفیه، بلغارستان)

آلکساندر واسیلیویچ ماتورین، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی یارسلاو مودری
نیژنی نوگروود (نیژنی نوگروود، روسیه)

ایرین یگورونو مادابادزه، استاد پژوهشی زبان و ادبیات روسی انستیتو ادبیات گرجی شوتا
روستاوولی (تفلیس، گرجستان)

فیروزه عبدالله یونا ملویل، استاد زبان و ادبیات فارسی، مدیر بخش پژوهش‌های ایران‌شناسی
دانشگاه کمبریج (کمبریج، انگلستان)

آنجلیکا مولنار، دانشیار زبان و ادبیات روسی دانشگاه مجارستان غربی (سمباتهی، مجارستان)

مهرالنساء نغریبیکووا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه ملی تاجیکستان (دوشنبه،
تاجیکستان)

میشل نیک یو، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه کان، نورماندی (کان، فرانسه)

ناتالیا پترونا ویدماروویچ، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه زاگرب (زاگرب، کرواسی)

پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی نشریه انجمن ایرانی زبان و ادبیات روسی (دوفصلنامه علمی)

اعضای هیأت تحریریه

روسلان احمدشین، دانشیار زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی مسکو (ام.گ.او)، روسیه
میرلا احمدی، دانشیار زبان و ادبیات روسی دانشگاه تربیت مدرس، ایران
یلنا زاویالووا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی آستراخان، روسیه
سوتلانا شوستووا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی تحقیقات ملی پرم، روسیه
حسین غلامی، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه تهران، ایران
المیرا قاضی‌یوا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی پیتی‌گورسک، روسیه
ولادیمیر کاتلنیکوف، استاد زبان و ادبیات روسی انستیتو ادبیات روسی «خانه پوشکین»
آکادمی علوم روسیه، بخش ادبیات نوین روسی. سن‌پترزبورگ، روسیه.
جان‌اله کریمی مطهر، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه تهران، ایران
والینتین گالوین، استاد زبان و ادبیات روسی انستیتو ادبیات روسی «خانه پوشکین»
آکادمی علوم روسیه، سن‌پترزبورگ، روسیه.
محمدرضا محمدی، دانشیار زبان و ادبیات روسی دانشگاه تربیت مدرس، ایران
مرضیه یحیی‌پور، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه تهران، ایران
تامارا یروفی‌یوا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی تحقیقات ملی پرم، روسیه

مدیر مسئول: جان‌اله کریمی مطهر

سردبیر: مرضیه یحیی‌پور

مدیر داخلی: مهدی محمدبیگی

مدیر اجرایی: پروین عزیززاده

ویراستار علمی روسی: سوتلانا شوستووا

ویراستار فارسی: مهیود فاضلی

صاحب امتیاز: انجمن ایرانی زبان و ادبیات روسی

چاپ و صحافی: انتشارات دانشگاه تهران

آدرس: دانشگاه تهران، دانشکده زبانها و ادبیات خارجی، اتاق ۲۳۵

تلفن: ۰۲۱-۶۱۱۱۹۱۲۰؛ فاکس: ۰۲۱-۲۲۱۴۳۸۵۹

شاپا چاپی: ۲۴۹۸-۲۳۴۵

شاپا الکترونیکی: ۳۵۰۰-۲۴۷۶

بها: ۲۰۰۰۰ تومان

تهران - ایران

وبسایت: <http://www.journaliarll.ir>

فهرست

- تجلی عبارت‌های پایدار طنز در نمادهای ملی (بر مبنای زبان‌های روسی و بلغاری)
- ۱۱ استفکا ایوانووا گیورگیوا
- ظرفیت گفتمانی عناصر فرامتنی درام (بر اساس نمایشنامه‌های روسی اواخر سده بیستم)
- ۲۵ مارینا آناتولیونا گلاوانوا
- تبدیل اسم‌های آتروپونیم (نام‌های اشخاص) از دریچه ایماگولوژی زبان‌شناختی
- ۴۱ لیودمیلا پتروونا ایوانووا
- شخصیت‌های تمثیلی م. یو. لرمانتف: موضوع غرب و شرق در اشعار شاعر
- ۵۷ تاتیانا الکساندرانا کاشمچوک
- آثار ای. بوئین در نقد آبخنوالد
- ۷۷ آکسانا آناتولیونا کرافچنکو / زینب صادقی سهل‌آباد
- سیمای شرق در گفتمان سفارت (درآمدی بر موضوع)
- ۹۷ تاتیانا ولادیمیروونا مالتسوا
- ویژگی‌های مفهوم‌سازی هنر در آثار سیاسی - اجتماعی لف تالستوی
- ۱۱۹ گریگوری والرئویویچ توکارف / مرضیه یحیی‌پور
- مفاهیم ارزشی موتیو «زاریا» (سپیده‌دم و غروب) در اشعار یا.پ. پالونسکی
- ۱۳۵ تاتیانا واسیلیونافدوسیوا
- ساختارهای چرخه‌ای متداول در واژگان زبان روسی معاصر
- ۱۵۷ زیناییدا آندره‌یونا خاریتانچیک
- بازتاب آموزه‌های مسیحیت در آثار واسیلی شوکشین
- ۱۷۷ ایرینا استانیسلاونا لورنتس
- تحلیل داده‌ها و نتایج حاصل از انجام آزمایش تداعی در پژوهش‌های زبان‌شناختی
- ۱۹۳ یولیا یوگنییونا آریکیوا
- اهمیت نمادین تمثیل درخت در سیستم‌های اسطوره‌ای ایران و اسلاو باستان
- ۲۰۷ اصغر قدرتی / نویکوا یولیانای ویکتوروونا
- مقایسه پدیده‌ها و فنون‌های شناخته‌شده به‌عنوان ابزاری برای انتقال اطلاعات فرهنگی در متون آثار ادبی
- ۲۲۵ ناتالیا یورییونا تورچانینووا
- ادبیات شوروی و آمریکا